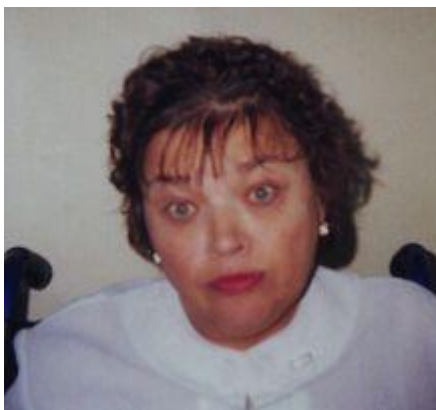

ТРАВА, ПРОБИВШАЯ АСФАЛЬТ

19 февраля 2012 - Тамара Черемнова

Тамара Черемнова

ТРАВА ПРОБИВШАЯ АСФАЛЬТ

Автобиографическая повесть

Аннотация

Автобиографическая повесть новокузнецкой детской писательницы Тамары Черемновой рассказывает о том, как воспитанница детдома, страдающая тяжелой формой церебрального паралича, прикованная к коляске, не могущая взять в руки ни ручку, ни ложку, смогла реализовать свой литературный талант и прославиться как сибирская сказочница.

Сведения об авторе

Тамара Александровна Черемнова, член Союза Писателей России (номер членского билета 8188).

Адрес: 654011 Кемеровская обл., г. Новокузнецк, ул. Олимпийская, 17, Дом инвалидов №2, 1 этаж, 5 комната.

Телефоны: домашний 8-3843-61-82-43; мобильный 8-905-9107713

E-mail: tamaracheremnova@gmail.com

Интернет-страница: www.herpes.ru/ws/tche

Оглавление

[Часть 1. Бачатский детдом](#)

[Последние домашние вечера](#)

[Куда меня привезли?!](#)

[Невкусный суп](#)

[Соседки, воспитательницы, нянечки](#)

[Раздача подарков и мамин визит](#)

[Желаю умереть...](#)

[Что случилось с моей семьей](#)

[Детдомовское новогодие](#)

[Я встретила весну и узнала слово «гроб»](#)

[Летом на крыльце](#)

[Хочу черемухи!](#)

[Поросенок Борька](#)

[Доминошки](#)

[Самостоятельная прогулка](#)

[Дедушкины абрикосы](#)

[Стрекозы и вкус дождя](#)

[Познание мира](#)

[Панамка](#)

[Папа Саня](#)

[Родичи навещают меня](#)

[Детдомовская школа](#)

[Я научилась садиться](#)

[Зависть к тополи и муравьям](#)

[«В умственном развитии отстают...»](#)

[Материнское отвращение](#)

[Кому пожаловаться? Солнышку!](#)

[Телевизор](#)

[Сестренка Ольга](#)

[Пожар](#)

[После пожара](#)

[Мои первые книги](#)

[Зовущие облака](#)

[Эпидемия дизентерии](#)

[Новый корпус](#)

[Загадка местопребывания](#)

[Я взрослею](#)

[Любаша](#)

[Последние годы в детдоме](#)

[Часть 2. Прокопьевский психоневрологический интернат](#)

[Сумасшедшая ночь и безумный день](#)

[Меня определяют к Машам](#)

[Никуда не годный](#)

[История трех Маш](#)

[Оберегают семьи — от меня](#)

[На казенном обеспечении](#)

[Попытка вырваться из ПНИ](#)

[От атеизма к Богу](#)

[Переселение в «слабый» корпус](#)

[Вязальный цех](#)

[Страхи «слабого» корпуса](#)

[Значимые люди](#)

[«Слабый» корпус на новом месте](#)

[Подуло ветром перемен](#)

[Писатель из дурдома](#)

[Мне сказочно повезло!](#)

[Письмо в Минздрав](#)

[В психушке](#)

[Настал тот день...](#)

[Часть 3. Инской дом инвалидов](#)

[Неделя в Благовещенке](#)

[Новый дом и старые подруги](#)

[Ищу писаря](#)

[Волшебник Мишута](#)

[Олений страх](#)

[Ольга Рачева](#)

[Помощь от ВОИ](#)

[Освоение пишущей машинки](#)

[Лена Медведева](#)

[Беловский вестник](#)

[Надежда](#)

[Перевожусь в Новокузнецк](#)

[Часть 4. Новокузнецкий дом-интернат](#)

[Прибытие и привыкание](#)

[Журналистка Тамара Бохан](#)

[Будешь ходить!](#)

[Неврология и бездушие](#)

[Ортопедия и мастерство](#)

[Личное и казенное](#)

[Неприятности — крупные и мелкие](#)

[Свежий ветер и творческий порыв](#)

[Чудеса бывают!](#)

[Освоение компьютера и продвижение в печать](#)

[Губернатор Аман Тулеев](#)

[Интернет и новые знакомства](#)

[Одухотворение](#)

[Маша Арбатова](#)

[Не такие, как другие](#)

[Вступление в Союз Писателей](#)

[Пишу автобиографическую книгу](#)

[Вместо послесловия](#)

Часть 1. Бачатский детдом

Последние домашние вечера.

Живя дома, я особенно любила вечернее время, когда все ложились и наступала тишина. Только в кухне горел свет - баба с мамой завершали последнюю уборку, и оттуда через шторы в тёмную комнату падала уютная полоска света.

Я лежала на койке и слушала тишину родного дома. Приглушённые голоса на кухне долетали сквозь ласковую легкую дрему... Если бы я предчувствовала, что дом скоро навсегда исчезнет из моей жизни, я бы, наверное, постаралась запомнить каждую стеночку, каждую трещинку на ней, каждый лепесток в саду и каждый кусочек земли в огороде...

Однажды осенним днём, сидя в коляске, я увидела на комодке коробку цветных карандашей и тетрадку. Удивилась этой «незапланированной» покупке и спросила:

— Мама, это кому купили?

Мать как раз убирала мою постель. Медленно повернувшись, она смущенно ответила:

— Это мы тебе купили. Ты скоро поедешь в школу. Учиться будешь... читать, писать...

Я почувствовала скользкий холодок внутри, что-то в её интонации насторожило. И, как ни старалась, не могла представить себе, какой будет, эта школа.

После этого отец съездил в дом для детей-инвалидов посмотреть, что туда нужно везти. Они с мамой поначалу хотели доставить туда даже мою кровать. Но, оказалось, там есть подходящие кровати.

Решено было взять только две моих коляски — ходунки для прогулок и детскую коляску, в которой я сидела постоянно. Это была обычная прогулочная коляска, которую отец слегка переделывал по мере того, как я росла.

Домочадцы стали вести себя очень странно. Бабушка почти перестала ко мне подходить, а дед старался исчезнуть куда-то на целый день. Я остро чувствовала перемены, но не могла найти их причину. Став взрослой, поняла: они прекрасно знали, куда я попаду и каково будет там совершенно беспомощному ребёнку. Они чувствовали вину, ощущали неловкость и стыд, но решение уже было принято...

Куда меня привезли?!

Когда родители собрались перевозить меня, за окном стоял хмурый октябрь. В памяти не осталось ясной картины, осталось что-то нечеткое, серое, размытое, будто полустёртая страница... Поздним вечером мы с отцом доехали на станцию Бочаты, неподалеку от которой находился детдом.

Помню, как он нёс меня на руках от станции, как прижалась к его плечу и притихла от страха. Мы подошли к темному деревянному барaku, отец постучал в дверь, оттуда заскрежетали замком и распахнули дверные створки.

Меня внесли в комнату и положили на неопрятную кровать в приёмной комнате, в которую сбежались все, кто работал в тот день. Этот специализированный детдом организовали совсем недавно, и каждый поступивший ребенок вызывал невероятное любопытство персонала. А тут молодые здоровые родители сдавали ребенка, несколько странного в своих движениях. Когда я лежала, странность была незаметна, только если повнимательнее приглядеться к положению рук и ног. А так на кровати лежала совершенно обычная испуганная шестилетняя девочка.

Лежа на «приемной» кровати, я разглядывала грязные, давно не беленные стены, переводила глаза на незнакомых людей и спокойно ждала, когда отец переговорит со всеми, возьмет меня на руки и скажет: «Ну, дочка, а теперь поехали домой». И мы вернемся на станцию, сядем в поезд и вскоре будем дома.

Но всё обернулось иначе. Окружившие меня люди расступились, в приемную вошла мать, приехавшая заранее, чтобы обо всем договориться. На ней был казенный халат, застиранный так, что разноцветный рисунок ткани был еле виден. Она начала торопливо раздевать меня, глядя в сторону. Дождавшись, когда мать снимет с меня верхнюю одежду, отец подошел, наклонился, поцеловал меня и хотел уйти. Но ручонкой я невольно сбила с него шляпу, и он замешкался, поднимая ее с пола. А когда выходил, все заметили, как у него бегут слезы по щекам. Я этого, конечно, не помнила, да и не видела тогда его лица, это рассказала одна нянечка, когда я подросла.

Потом мать взяла меня на руки и понесла по длинному серому коридору. Зашла в палату, положила меня на свободную койку, попросила, чтобы к ней подвинули вторую койку, чтобы я не упала, и молча ушла. А потом выключили свет. В полутьме я стала разглядывать силуэты. Стояло много коек, на всех лежали дети-призраки. По палате металась здоровенная деваха со стриженной как у овцы головой — то есть голова у нее была острижена клочьями, местами торчали островки волос, местами виднелась кожа.

От совершенно незнакомой обстановки и страха я ничего не понимала и ничего не чувствовала. Мне даже показалось, что я умерла, и живыми остались только глаза, которые поневоле изучали совершенно непонятное место.

За окном наступила густая осенняя ночь, в палате стало тихо, и эта чужая тишина, совсем не такая как дома, помогла выйти из ступора. Всю ночь я всматривалась в темноту и ждала, что, тихо приоткрыв дверь, войдет мама, сядет на мою постель и утешит. Ведь мне так плохо!

Утром, едва няни стали проверять детей, чтоб перестелить тех, кто обмочился, я заревела белугой, отчетливо поняв, что меня бросили. Деваха с овечьей головой, что накануне металась по палате, начала как бешеный зверь носиться по проходу между коек. Она выглядела так дико и уродливо в серой казенной палате, что, наверное, ничего страшнее для меня придумать было нельзя.

Няни остановились возле моей койки и принялись утешать:

— Ну что ты плачешь? Посмотри, сколько у тебя здесь подружек. Вон Люда, такая же, как ты, лежит и не плачет.

Няни подняли Люду и под руки подвели к моей койке. Это была девчушка, которая тоже не могла ходить самостоятельно, и когда няни вели ее, я заметила, что она наступает лишь на пальчики. Еще по её лицу я поняла, что подходят к ней редко и еще реже ее поднимают. Люда улыбнулась, но от этого стало еще тоскливей, я отвернулась и снова заревела. Никогда так подолгу не плакала, и от долгого рева у меня пересохло во рту и обметало губы.

Через какое-то время в палату снова вошли няни и стали разносить завтрак. Подошла женщина с тарелкой каши, но я отвернулась. И женщина равнодушно отошла от меня, даже не предложив чаю, от которого я бы не отказалась.

У меня уже не было слез, они закончились, выплакала все, и я лишь тоненько подвывала, как полудохлый щенок. А тут еще стриженная под овцу деваха подскочила к моей койке и рывкнула:

— Чего орешь? Целый день орет и орет! Привезли ее на нашу голову!

Показалось, что в меня будто камень бросили, дома никто так зло не ругался. Мой вой тут же прекратился от страха, но тело продолжало беззвучно содрогаться. Уже не помню, до самого ли обеда я прострадала или все-таки забылась сном.

Помню только, что когда наконец пришла мать, едва завидев ее, я снова зарыдала в голос. Она взяла меня на колени и стала успокаивать, качая и приговаривая:

— Не плачь, посмотри, сколько здесь девочек, и никто из них не плачет. Мы с папой будем к тебе приезжать, будем брать тебя в гости на выходные...

— Я не хочу в гости, я хочу домой!!! — орала я, захлебываясь слезами.

Мать в те минуты мне показалась какой-то новой, чужой — то ли из-за казенного халата, что был на ней, то ли от того, что разговаривала со мной совсем по-новому. Она напоила меня водой, хотела покормить обедом, но я заупрямилась и не желала от нее отцепляться, и она никак не могла оторвать от себя мои скрюченные пальчики.

— Тома, мне же надо твою коляску доделать — обшить ее. А то, как ты будешь сидеть на необшитой коляске? Я её сейчас обошью, и тебе будет удобно на ней сидеть. А потом мне надо будет ехать домой, там Ольга одна, она тоже соскучилась и тоже плачет без меня.

Пока мать меня увещевала, я обратила внимание на то, что она меня называет не Нёмкой, по-домашнему, а Томой. Видимо, любимая Нёмка осталась дома, а сюда, в детдом, отдали ненужную Тому... То ли я к тому времени совсем ослабла от рыданий, то ли согласилась с доводами матери, то ли меня отрезвило обращение «Тома» вместо «Нёмки», но я ее отпустила.

Обед закончился, нянечки убрали посуду. И тогда в дверях палаты появился отец, но не прошел ко мне, а встал в проеме и прислонился к косяку. Я видела, как он улыбается. Захотелось завизжать, но у меня не осталось ни капельки сил. Я лишь уставилась на него и смотрела до боли в глазах. Появилась воспитательница и стала жаловаться ему:

— Ваша дочь все время плачет, ни в какую не хочет есть!

— Ничего, немного привыкнет и будет играть. Она такая изобретательная — из любой бумажки придумает себе игру, — ответил отец, развернулся и ушел.

К вечеру мне привезли коляску, уже обшитую мамой. То была обычная детская прогулочная коляска, для прочности и комфортности со всех сторон подбитая плотной материей. Детских инвалидных колясок тогда в Кузбассе то ли вовсе не было, то ли они были доступны лишь немногим.

— А где мама? — спросила я у нянечки.

— Твои мама с папой уехали. Мама попросила, чтобы тебя посадили в коляску. Если хочешь — посажу.

Я кивнула в знак согласия. Она посадила меня в коляску и ушла. Я вытянула шею, чтобы получше рассмотреть, что за окном. Там было всё серым-серо — унылая осень... Вдали увидела деревянный домик — точь-в-точь как наш! — и снова заплакала. И, несмотря на юный возраст, твердо осознала, что в моем положении ничегошеньки нельзя изменить, ну совсем ничего! Если бы я ходила, то могла бы встать, уйти, сбежать отсюда! Но я была беспомощна...

Обычный больной, не хроник, знает, что пройдет какое-то время, он выздоровеет и снова будет наслаждаться жизнью. Или вот моя тётка, папина сестра, которую я называла Нянькой, — в восьмом классе ей трамваем отрезало ногу ниже колена, но она освоила протез, да так наловчилась, что бегала как на своих двоих. А у меня полная безысходность, когда ничего изменить, и я теперь должна существовать именно такой потому, что это моя *единственная форма жизни*. И я впервые размышляла — мне хотелось понять, почему у меня так? за что?

Мои мысли прервал приход парикмахерши. Не спрашивая и не реагируя на протестующие вопли, она быстро остригла мою голову наголо. Тут вошла Надька — та самая, что напугала меня «овечьей» стрижкой и звериным метаньем по палате, — и сочувственно спросила:

— Чего плачешь? Волосы жалко?

Надька мне уже не казалась такой ужасной. Нянечка мне сообщила, что у неё не всё в порядке с головой, что её взяли из «школы для дураков» (из вспомогательной школы), а стрижка такая страшная, потому что стригли не машинкой, а ножницами.

Мой скулеж услышали в коридоре, в палату зашел кто-то из персонала и позвал мальчишку постарше меня:

— Покатайте эту девочку по коридору, чтобы ей не было скучно.

Мальчишка, взял мою коляску, весело покатил ее, а я грустно сидела и думала про свое.

Ночью мне пришла в голову интересная идея: а что, если снять мою кожу? Эта кожа плохая, она мешает мне двигаться, как все люди. А под плохой кожей наверняка есть другая, хорошая, ничему не мешающая, и вот в ней я уж точно встану и буду ходить. Но как это сделать?

Все уснули, а я решила, как царевна-лягушка в сказке, содрать с себя виновную в беде кожу и стала под одеялом царапать ногтями свои колени до крови, пока не почувствовала боль. Немного поразмыслив, поняла, что кожа у меня одна-единственная и другой под ней нету. И безнадежность вновь навалилась на меня каменной плитой.

В полусне пришло видение: будто койка несет меня на станцию, сама собой забирается в поезд, затем, как умный послушный конь, доставляет меня в целости и сохранности прямо в наш двор. Из дома выходит баба, снимает меня с койки-коня и говорит «спасибо». А я радостно восклицаю: «Вот я и приехала!».

Потом видение исчезло, и я вернулась в свою мрачную безысходность. Не дай Господи еще раз прожить то отчаянье!

Когда меня *сдали* в специализированный детский дом для детей с физическими и умственными отклонениями, расположенный в поселке Бачатский Беловского района, близ станции Бочаты, мне было 6 лет и 10 месяцев. Именно так они и пишутся: станция через «о», поселок через «а». Потому что образованы от разных слов. «Бочаты» — это бочки, а «бачат» на местном наречии означает «яма». И меня — как в бочку законопатили и в яму бросили...

И в этом детдоме-яме предстояло провести долгих 12 лет.

Осваиваясь, я быстро поняла, что такое детдомовская жизнь. Хочешь не хочешь, а придется привыкать, а за что-то, возможно, придется и побороться.

Но тогда я не знала, что с такой же легкостью, с какой определил меня в детдом, отец уйдет из семьи. И, наверное, в оправдание своему этому поступку, возьмет себе в жены хроменькую женщину. А на суде, когда их с матерью будут разводить официально, скажет про жён: «Я одну обидел, вторую обижать не хочу...».

Невкусный суп

Проснувшись утром, я медлила, чтобы не выходить из чудесного сна, где возвращаюсь домой. Но когда осознала, что это только сон, снова разревелась. Ко мне никто не подходил, завтраком обошли, увидев, как я реву и отрицательно мотаю головой.

Няни уже начали греметь посудой в коридоре, готовясь к обеду, когда в палату заглянула молодая воспитательница в белоснежном халате. Внимательно посмотрела на меня, подошла, присела на краешек постели и приветливо просила:

— Как тебя зовут?

Я перестала реветь и насторожилась. Она разглядывала меня и, чуть улыбнувшись, повторила свой вопрос:

— Ну, так как тебя зовут?

— Тома Черемнова... — все еще всхлипывая, ответила я.

— Тома, сейчас принесут обед, и я тебя покормлю.

— А мама где? — насупилась я.

— Мама твоя сейчас на работе, а в выходной обязательно к тебе придет, — сказала она, вставая. Потом вышла в коридор и вернулась с тарелкой супа в руках.

Я шмыгнула носом, но она не дала мне успеть отказаться, зачерпнула ложкой суп и, подув на него, протянула ложку. Я покорно разинула рот и проглотила. И очень удивилась — проглоченное вообще не напоминало суп. Это была густо сваренная пшенка, заправленная картошкой и рыбными консервами. Почувствовав на языке рыбью

косточку, я выплюнула ее на полотенце, которым воспитательница прикрыла мне грудь, чтобы я не обливалась.

— Вот молодец! Вкусный суп? — спросила она.

Я скорчила рожу. Суп был для меня слишком необычным, он был первой едой, которую я попробовала в детдоме. Потом привыкла.

...Через много лет, когда я все же добилась перевода из отделения психохроников в дом инвалидов общего типа, я поклялась, что если когда-нибудь покину казенное заведение и обрету родные домашние стены, то в первый же торжественный вечер обязательно приготовлю именно этот странный суп. Но судьба, увы, еще не предоставила мне такого счастья, как свой дом. Да и вряд ли уже предоставит...

В мою память навсегда врезались первые впечатления от детдома — унылые серые стены, окна без занавесок и долгое ожидание нянечки. Но самым ужасным была тишина. Даже представить страшно — целая палата детей и полное отсутствие разговоров и смеха от ухода и до прихода нянь, только стоны и мычание.

А та молодая воспитательница — Зинаида Степановна Еськова — проработала в детдоме со дня его открытия по 1968 год. Насмотревшись на *наши* страдания, она, видимо, так испугалась предстоящих *своих*, что повесилась, когда ее сын-первенец родился с водянкой мозга.

Соседки, воспитательницы, нянечки

И на следующий день повторился мой рев, и я снова отказалась от еды. Это всем, видимо, надоело. Ходячие разбежались из палаты сразу после завтрака, лежащие молчали, а мне оставалось реветь до самого обеда, в одиночку переваривая свою беду. Однако в тот день мне не дали прореветься. В палату зашла уже другая воспитательница, Дина Васильевна, взяла меня на руки и понесла в коридор. Глядя меня, она утешала:

— Ну что ты все время плачешь?..

— Домой хочу! — сипела я.

— Чего это она так ревет? — недовольно поинтересовалась женщина, сидевшая в коридоре в ожидании главврача.

— Недавно привезли, скучает по дому. У меня дочка такого же возраста, как задержусь на работе, тоже скучать начинает, — объяснила женщине Дина Васильевна и обратилась ко мне: — Томочка, давай договоримся, ты не будешь больше плакать, я с тобой погуляю, а потом твоя мама приедет.

Я всхлипнула, но реветь дальше не было сил. Дина Васильевна поносила меня по коридору и снова занесла в палату. Хотела было положить на койку, но я вцепилась в нее и захныкала.

— Тома, ты же обещала, что больше не будешь плакать, — мягко сказала она и погладила по спине. — А может быть, у тебя что-то случилось?

— Я на горшок хочу, а тетя ругается, — наябедничала я шепотом.

И рассказала, что утром, когда вошла няня и принялась менять мокрое белье под лежащими девочками, я попросила одну из них посадить меня на горшок, но та никак не отреагировала. Может, не расслышала? И, когда она приблизилась к моей койке, я завопила во всю глотку:

— Тетенька, я на горшок хочу!!!

Няня повернула голову в мою сторону:

— Что, без горшка не уссышься? Думаешь, я перед одной тобой стоять буду? У меня, кроме тебя, целый корпус, — мрачно заявила она и ушла.

Я в этом возрасте никогда не мочила простыни, и даже понятия не имела, как это делать прямо на постель? И реалии казенного заведения — ходи под себя и жди, когда перестелют — мне были неведомы. И это все я изложила Дине Васильевне. Та достала из-под койки горшок и, усадив меня на его, кликнула нянь в палату. Прибежали сразу три, и она строго сказала им:

— Вот эту девочку надо обязательно высаживать на горшок, она под себя не ходит. Поэтому подходите к ней почаще. Она все понимает и прекрасно разговаривает.

Трое нянь, уперев руки в бока, удивленно разглядывали меня. Одна, самая бойкая, стала оправдываться:

— Знаете, нам бывает некогда. Если мы не сможем подойти, пусть она просит девочек посадить ее на горшок. Вот, например, Нина может сажать ее на горшок.

— Нина, будешь сажать Тому на горшок? — дружелюбно спросила Дина Васильевна мою соседку по койке, уже взрослою на вид девушку.

— Ладно, буду, — покорно согласилась Нина, самая тихая и безотказная девочка в палате.

Няни постояли, недоуменно переглядываясь, подняли меня с горшка, посадили в коляску и вышли из палаты. Из-за двери я услышала их недовольные голоса и поняла, что недовольство в мой адрес.

Через койку от меня лежала еще одна взрослая девочка лет четырнадцати. Она была для меня самой страшной после по-овечьи стриженной Надьки. У неё была неприятная привычка — подойдет к человеку, заведет свои руки за спину, оттопырит губу, закатит глаза на лоб и прогнусавит: «Ну чо?».

Меня пугало ее сходство с бабой Ягой, нарисованной в книжке, что осталась дома. Вспомнилось, как однажды вечером родителям надо было срочно куда-то отлучиться. Они уложили меня в постель, а чтобы не скучала, сунули в руки первую попавшуюся книжку с картинками. Я открыла ее и увидела бабу Ягу, летящую в ступе. Стала внимательно разглядывать её, изучая каждую черточку, и до того, видимо, напрягла глаза, что мне показалось, как баба Яга шевельнулась. Я так отшвырнула книжку, что она улетела под родительскую кровать, а я натянула на голову одеяло и боялась выползти оттуда. Так и уснула, не дождавшись возвращения родителей.

И вот сейчас эта ожившая баба Яга донимала меня своими «ну чо?». Случись это дома, я бы тут же бойко показала ей язык, но здесь от испуга лишь вжималась в спинку коляски и умоляюще смотрела: отойди, пожалуйста...

Потом принесли мои вещи — тетрадку и коробку с цветными карандашами. Открыв коробку, я посмотрела на цветные карандаши, и в горле снова застрял комок слез. Вспомнила, как эта коробочка лежала на комодe, как я ее впервые открыла, какими яркими они показались тогда и как поблелили здесь.

А когда ввезли мои ходунки (мать обшила их так же, как коляску) и поставили меня в них, я повисла, не опираясь на ступни, так ослабла за время сидения в коляске и безутешного рева.

Своей маленькой головкой я не могла найти словесное обозначение того, что произошло, и еще не знала слова «предательство». Я чувствовала, что меня просто столкнули в глубокую и страшную пропасть, на дне которой копошились, шевелились,

пытаюсь выжить, такие, как я, и не такие, как положено быть детям, — дети-инвалиды.

Раздача подарков и мамин визит

Две недели прошли как один длиннющий кошмар, дни были уныло похожи один на другой. Я еще наивно надеялась, что меня отсюда непременно заберут, но человек оттого и живет дальше, что не знает, каково его будущее.

Через две недели в детдоме открыли второй корпус, и нас разделили. Совсем тяжелых лежащих и невменяемых оставили на своих местах, а остальных, включая меня, перевели. И снова серая продолговатая комната, кровати в два ряда, как в солдатской казарме, пять окон и небольшая печка.

Моя койка оказалась за этой самой печкой, по ночам я смотрела на отблески огня, тихонечко плакала и панически боялась открытых окон. Ведь у нас дома окна на ночь всегда закрывали ставнями, а вдруг кто залезет.

Дня через три после расселения, когда нас утром подняли и я уже сидела в коляске, в палату вошла воспитательница с двумя большими коробками и сообщила:

— Девочки, я принесла вам подарки. Сейчас каждой дам по подарку, но если кто не будет слушаться, у того подарок заберем. Ну, с кого начнем?

Одну коробку поставила на пол, а из второй стала извлекать ленты и расчески. Раздав девчонкам по ленте и по расческе, она нагнулась к коробке, стоящей на полу, и стала перебирать находящиеся в ней предметы. Выудив из кучи оберточной бумаги маленькую куклу, протянула ее мне. Я скорчила недовольную мину — никогда не любила кукол, и дома-то в них не играла.

— Ты чего сквасилась? — удивилась она.

— Ленточку хочу, — осмелела я.

— Ну и на что ты ее будешь привязывать? На уши? — хмыкнула она, указав на мою наголо обстриженную голову. Сунула мне в коляску куклу и вышла из палаты.

Девчонки примеряли яркие ленты и вертели в руках большие, видимо, для длинных волос, расчески. А я, сидя в коляске с нежеланной куклой на коленях, завидовала их подаркам и волосам. Ничего хорошего в кукле не было — белое платьице в мелкий красный цветочек, грубо нарисованное личико, на голове коричневая закраска, обозначающая волосики. И я ни капли не жалела, что она у меня через час исчезла, наверное, кто-то из нянь утащил домой для своих дочек.

А еще через два дня нам выдали покрывала ядовито-зеленого цвета, тоже представив как подарки. В «мертвый час», так именовали время дневного сна, они висели на спинках кроватей, и я, не умевшая спать днем, смотрела на них до боли в глазах.

Однажды утром я глянула на противоположное окно и увидела на крыше соседнего корпуса снег. Вот и зима пришла. Снег на крыше лежал такой же пушистый, как и у нас дома, во дворе.

На улице был мягкий зимний день. После обеда ходячая ребятня, у кого была теплая одежда, высыпала во двор, а я сидела в коридоре напротив окна, смотрела на закрытые ворота детдома и мечтала, как ко мне приедут родители, привезут мою черную шубку с белой шапочкой, и отец на руках понесет меня на станцию.

Через три или четыре дня приехала мать, я упросила ее вынести меня на улицу. Она сначала ссылаясь на то, что меня не во что одеть, ведь вся моя зимняя одежда осталась дома. Но меня поддержали девчонки, посоветовав ей завернуть дочку в одеяло. Сидя с матерью на улице, я поначалу боялась спросить: когда меня заберут домой? Но потом осмелела и спросила.

— Вот когда приедем вдвоем с папой, тогда и возьмем тебя домой. Я же одна не донесу тебя до станции, — виновато ответила мать. И так стыдливо отвела глаза, что я уже окончательно убедилась в том, что меня сюда определили надолго.

После её визита я слегла с температурой, а утром по всему телу высыпала розоватая сыпь. Главврач решила, что это ветряная оспа и уже собралась отправить меня в изолятор, но я сказала, что дома болела ветрянкой.

— Ааа, значит, нервное... — протянула главврач и спокойно ушла.

После этого приезда матери я стала чахнуть и таять, будто слепленная из снега. Няни больше не сажали меня в коляску по утрам, кормили с ложки прямо на койке, но я почти ничего не ела.

В детдом — видимо, в связи с расширением — стали набирать новых сотрудников. Пришли новые няни, и среди них оказалась Анна Степановна Лившина, родная сестра нашей старшей медсестры, из-за этого родства ее и приняли на работу.

Увидев меня, Анна Степановна стала допытываться, как моя фамилия, я назвала, она сделала вид, что не поняла, спросила снова, и так переспрашивала раз десять. Я видела, что она прекрасно меня понимает, но няня явно добивалась, чтобы я разволновалась, смутилась и стала бояться ее.

Приходя в ночную смену, Анна Степановна начинала разгонять всех по койкам, не разрешая никому даже тихо посидеть, дети в ее смену зарывались от страха под одеяло с головой. А она ходила по коридору от палаты к палате и прислушивалась, никто ли не шевелится. Больше всего ее грубых окриков выпадало на мою долю, ведь я из-за гиперкинеза (неконтролируемые движения рук и ног), не могла лежать спокойно. И когда эта садистка слышала, что я задвигалась на койке, тотчас же раздавался ее зычный крик:

— Черемнова! Чего ты возишься под одеялом?

От страха я сжималась, и на глаза наворачивались слезы. Иногда безумно хотелось в туалет, но приходилось терпеть и ждать, когда няни всех поднимут — по распорядку часов в одиннадцать-двенадцать ночи детей поднимали и предлагали «сходить на таз». Если б только кто-то мог слышать, как я сама себя уговаривала потерпеть до этого момента! Иногда, так и не дождавшись времени «сходить на таз», я засыпала, а потом, проснувшись, мучилась из-за невозможности опорожниться. Какой мерой можно измерить эти страдания больного ребенка? Почему ребенок должен лежать с переполненным мочевым пузырем? Неужели так сложно высаживать на горшок по необходимости, а не по команде?

Справедливости ради отмечу: старшая медсестра была вполне нормальной и доброй женщиной. А вот ее родная сестра, эта Анна Степановна, оказалась утонченным инквизитором. Ну куда ей в нянечки? Такие няни только калечат детскую психику.

Анна Степановна застряла в моей памяти на много-много лет. А когда через четыре десятилетия я написала сказку-повесть «Шел по осени щенок» и там фигурировала дурная уборщица, безжалостно гонявшая шваброй беззащитного щенка, звали уборщицу, конечно же, Анна Степановна. В повести её быстро усмиряют и напоминают,

что её работа мыть полы. А вот реальную Анну Степановну поставить на место было некому.

Желаю умереть...

Воспитатели попросили нянь, чтобы те, невзирая на мою апатию, по утрам одевали и усаживали меня в коляску, чтобы пробудить хоть какой интерес к жизни. Но я и в коляске сидела вялая, безразличная ко всему, с полуприкрытыми глазами. Просто тихо заставляла себя умирать, не желая вступать в этот чуждый, насильно навязанный мне мир.

Вскоре шаловливая ребятня открутила все гайки у моей коляски, и ею стало невозможно пользоваться. В игровой комнате стояла лишняя кровать, меня приносили теперь на эту кровать. Укладывали поудобнее и тут же забывали о моем существовании. И я была рада этому, и ни в чьем внимании не нуждалась, потому что решила поскорее покинуть это холодное, голодное, грязное, гнусное, гадкое, унижительное место. И понимала, что убежать отсюда могу только одним способом — умерев.

Здания, в которых мы обитали, правильнее было бы назвать строениями. До приюта для больных детей здесь располагалась школа лесоводов. Она состояла из двух деревянных барачков с печным отоплением, в каждой комнате находилось по печке, которые днём топила истопница. Ночью печки должны были поддерживать ночные няни, чего те не делали, поэтому к полуночи во всех комнатах печки еле теплились, а одеяла старенькие, не толще простыней, и мы ужасно мерзли.

Но самое ужасное и постыдное состояло в другом: в нашем корпусе-бараке не было ванной комнаты, где бы можно было мыть таких, как я, хотя бы раз в неделю. А я была домашней чистюлей, нас с двоюродным братиком Серегой купали каждую неделю. За два месяца жизни в детдоме меня ни разу не помыли. В другом корпусе, где меня принимали, впоследствии оборудовали ванны для ослабленных детей, а в нашем корпусе их было негде поставить. И мыться можно было лишь в длинном ряду раковин с холодной водой. Ходячих тоже не водили в баню — не у всех имелась зимняя одежда.

Результат антисанитарии не заставил себя ждать — у всех в палате завелась чесотка. Для меня это было настоящей пыткой — чесалось, в основном, сзади: спина, лопатки, недостижимые для моих парализованных рук. Представляете, что у вас зудит вся кожа, а вы не можете почесаться.

В довершение моих бед я была в детдоме самой маленькой, одежды моего размера не имелось, и на меня напяливали, что под руку попадет. Бывало, такое оденут, что хоть через подол меня вытаскивай, хоть через ворот, везде свободно прохожу.

По сей день свербят в памяти тошнотворные эпизоды, связанные с манной кашей. Повара ленились непрерывно мешать её во время варки, и крупа сбивалась в комки. Я ненавидела эти манные комки, как сунут ложкой комок в рот, хоть плачь. И разжевать силенок нет, и противно, и тошнит. А выплюнуть нельзя — няни тут же начинают мерзко орать:

— Чего выплевываешь кашу? Не хочешь жрать, так и скажи!

Особенно усердствовала злобная Анна Степановна Лившина. Тогда я стала хитрить. Когда меня кормили, то на грудь клали полотенце, чтобы я не обливалась, и я научилась незаметно выплевывать в это полотенце манные комки. Так удавалось съесть хоть немного жидкой каши и избежать грубого крика нянь. Но потом, когда они вытряхивали полотенце и оттуда вылетали манные комки, мне всё равно доставалось.

Я с ужасом наблюдала, как дежурная няня преспокойно ест эту кашу с комками, и у нее по скулам ходят желваки. Ничего не скажешь, здоровая деревенская баба, проголодавшаяся за день, она могла съесть и не такое. А меня, не умевшую справиться с манной кашей, ночью мучил зверский голод, казалось, что желудок прирос к спине, внутри у меня ничего нет, я как пустой мешок.

Потом я научилась прятать в подол своего необъятного платья кусочки хлеба и есть их ночью. Были у нас нянечки, которые сами раздавали оставшийся хлеб желающим, а были и такие, которые все остатки еды без разбору вываливали в помойное ведро и относили свиньям.

И кормили няни по-разному. Иная предварительно остудит еду, бережно поднесет ложку к моему рту, дождется, когда я проглочу, и ни капли не прольет. А Анна Степановна поставит тарелку с супом на тумбочку и начинает пихать ложку за ложкой, невзирая на то, что суп огненный. И хоть вся исплачусь перед ней, что губам больно, она свое твердит:

— Ничего, пузо согреется!

После такой варварской кормежки ошметки еды обнаруживались повсюду — на одежде, на постельном белье, на полу. В ее смену я всегда отказывалась от еды и мечтала поскорее умереть.

Что случилось с моей семьей

Ничто не проходит безнаказанно. Избавившись от больного ребенка, родители развязали узел, державший семью. Почувствовав себя свободным, отец начал жить заново, с чистого листа. И пока я рыдала в детдоме, в моем родном доме разыгрывалась своя трагедия. То, что меня сдали в детдом, не принесло родителям ожидаемого облегчения. Поехав в отпуск в деревню, где родился, отец присмотрел там себе в новые жены ущербную хромую девушку. Наверное, из соображений, что та будет боготворить его, что снизошел до нее, уважать, почитать и безоговорочно слушаться. А, может, просто устал от непростой и нескладной семейной жизни с моей мамой. Или всерьез полюбил. Забегая вперед, скажу, что второй папин брак окажется удачнее первого, у него родится третья (после меня и моей младшей сестры Ольги) дочка, они получают отдельное жилье и все такое прочее...

Мать, узнав о папином решении оставить семью, забрала Ольгу и ушла к своим сестрам. Так опустела наша уютная комната в доме бабы и деда.

Став взрослой, я долго размышляла: почему же никто из моей родни не воспрепятствовал моему определению в детдом? Баба? Дед? Тетя Тамара, в честь которой меня назвали и которую я нежно именovala Нянькой? Другая моя тетка — Валя?

Для бабы я не была родной по крови. Мой молодой дед приехал из деревни в Новокузнецк, женился на молодой бабе, а в один прекрасный день, невесть откуда, объявился дедов сын от предыдущего брака. Этот сын от первой жены и был моим отцом. А через какое-то время он привел беременную подругу — это и была моя мама. И баба, не смея перечить мужу, уступила пасынку с женой комнату своих родных дочек. Могу представить, как тяжело ей далась та уступка! Тем более что одна из дочек, одноногая Тамара, продолжала проживать в отчем доме через стенку от нас.

Однако баба ко мне привязалась, и я, хотя и узнала со временем, что не родная ей, все равно считала себя ее внучкой. Мне, маленькой домашней девочке, любимой и балуемой родичами, казалось, что дома все замечательно, ладно и складно.

Как любой ребенок, я любила своих близких и не задумывалась: а любят ли те друг друга? Иногда видела, как мать с отцом ссорились, но дед всегда жалел невестку. Я наблюдала их жизнь со своей колокольни и многого не понимала. И мне было неведомо, что под одной крышей вынужденно живут люди, которые давно ненавидят друг друга.

Потом часто вспоминала, как отец, придя вечером с работы, ложился на кровать и отворачивался к стенке, а мать поясняла: папа устал. А, может, он не только уставал, может, уже рисовал в мыслях свою новую жизнь и мозговал, как ее начать? Женившись на хромой, он хотел привести ее в родительский дом, но баба воспротивилась пасынку:

— Если бы ты не сделал все втихаря, по-подлому, я бы тебя пустила. Но ты уехал, никому не сказав, что собираешься разводиться. А раз так, то идите и живите, где хотите.

И те ушли жить к папиной второй сводной сестре, пока не получили квартиру. Вот так, после сдачи меня в детдом, семья разбилась вдребезги, и осколки разлетелись во все стороны. В каком-то смысле справедливость восторжествовала, но мне от этого было не радостно, а больно.

В тот дом и дворик я уже никогда не вернусь... Каждый год зима будет заметать дорогу снегом, будут вырастать сугробы, а потом весенние ручьи будут замывать те предательские шаги отца, когда он выносил меня из калитки, чтобы бросить в детском доме.

Детдомовское новогодие

Наступил Новый 1963 год, мой первый новогодний праздник вне дома. Я первый раз в жизни увидела, как дети наряжались в маскарадные костюмы, как девчонки танцевали танец снежинок, как Дед Мороз с воспитателями раздавал подарки. А ночью представляла, что на будущий год я тоже буду в маскарадном костюме.

В это время родители выясняли отношения, им было не до меня. И, наверно, поэтому мой ослабленный организм стал понемногу крепнуть, и я стала постепенно оживать. Ведь ничто так не рвало душу как появление матери, её отведенные в сторону глаза и поспешный уход без поцелуя на прощанье.

Произошло еще одно приятное изменение, няням надоело нас будить по ночам, и теперь девчонки могли вставать в любое время в туалет, и я могла их попросить о помощи, вместо того, чтобы ждать до полуночи. Верной ритуалу оставалась лишь злобная Анна Степановна. Помимо жесткого обхождения с детьми, она имела дурную привычку обсуждать сотрудников. И когда заходила речь о том, кто с кем дежурит в ночную смену, няни горестно вздыхали, если им доводилось работать с Анной Степановной Лившиной, а за глаза называли ее исключительно по фамилии.

Другие ночные няни вели себя по-домашнему. Не только разрешали посидеть после отбоя в коридоре и отдавали оставшийся хлеб, но и сами ужинали в нашей палате, попутно приглядывая за нами. И не отказывали, когда я просилась к девчонкам на кровати, что стояли посередине. Помню, сдвигали вместе три койки и ложились, прижавшись друг другу, все ж не так холодно и не так одиноко.

Были и среди девчонок «командирши», обожавшие помыкать другими. Например, Надька с «овечьей» стрижкой обожала покомандовать. Однажды ночью я захотела в туалет, мне пришлось будить всегда помогавшую Нину. Видимо, мой голос разбудил и Надьку.

— Чего орешь на всю палату, никому спать не даешь? Только посмей еще раз разбудить! — рыкнула она на меня, перепугав до смерти.

После этого мне приходилось лежать и терпеть, пока кто-нибудь из девчонок не встанет по своей нужде и заодно не поможет мне.

Я встретила весну и узнала слово «гроб»

Наступившая весна отвоевывала все больше и больше прав. Это была моя первая весна на детдомовском пятачке, где собрано столько горя и столько людских пороков. Сюда как в пропасть кидали никому не нужных больных детей. И отгораживались от этой пропасти...

У нас даже кладбище было свое, отдельное от поселкового, — крохотное кладбище детдомовских калек, будто они после смерти могли заразить остальных.

Больше всего умирали не в нашем, а в другом корпусе — не дотягивали и до десяти лет. Чем отличались эти два корпуса? В нашем корпусе собрали детей мало-мальски соображающих и способных объясниться. А в другом корпусе, который в нашем обиходе именовали «корпус для слабеньких» или «слабый корпус», размещали детей, неспособных передвигаться самостоятельно и с глубокой умственной отсталостью, проще говоря, лежачих идиотов. Можно представить, какой за ними был уход! И их никогда не выводили и не выносили гулять, даже не знаю, сколько человек там обитало.

В нашем корпусе многие худо-бедно доживали до 18 лет, и достигших официального совершеннолетия отправляли во взрослые дома инвалидов или в психоневрологические интернаты, так называемые ПНИ. Первую партию взрослых ребят из нашего корпуса увезли через полгода после моего прибытия.

Я рано узнала слово «гроб». Новые гробы привозили на открытом грузовике и сгружали в морг — при нашем детдоме имелся свой морг — прямо в присутствии гуляющих детей. А гробы с покойниками отвозили на лошади за железнодорожную линию в реденький лесок — на то самое обособленное детдомовское кладбище.

Мимо детдома совсем близко проносились поезда, в освещенных окнах вагонов пассажирских поездов можно было из окна палаты различать пассажиров: мужчина или женщина, мальчик или девочка. Ох, как же долго эти поезда перестуком колес напоминали мне о родном доме...

Летом на крыльце

Как-то незаметно подоспело лето, и потеплело, и раззеленелось. Меня стали выносить на улицу. Сначала для неходячих стелили одеяло в садике на траве, но вскоре озорные ребята свалили оградку и вытоптали траву. Со временем кое у кого появились свои коляски, кое-кто мог сидеть на лавочке, а для меня стали стелить одеяло прямо на крыльце.

В нашем корпусе было два выхода на улицу, один с просторными сенцами и каменным крыльцом. Именно на это крыльцо меня выносили и клали, подстелив тонюсенькое хлопчатобумажное одеяльце. Все бы ничего, но одно ужасное обстоятельство вынуждало меня сползать с одеяла на холодные плиты крыльца.

Дело в том, что в эти сенцы закрывали буйного пацана Витьку, и тот, сидя запертым с двух сторон, начинал изо всех сил колотить в двери, ведущие на крыльцо. И, лежа под содрогающимися от его ударов дверьми, я ужасно боялась, что они сорвутся с расшатанных петель и придавят меня. Но как я ни уговаривала нянечек не стелить мне одеяло под самые двери, они упорно стлали именно на этом месте, уверяя, что двери

прочные и Витька не сможет их сорвать. А вот если положат на край, то я могу упасть с крыльца и убиться.

Ничего не скажешь, железная логика у наших нянь! А то, что у меня застудятся все косточки и впоследствии измучают болячки, приобретенные в раннем детстве, в том числе и на этом самом крыльце, им и в голову не приходило. Вероятно, никто из них и просто не мог предположить, что жалкая уродинка, которую всю постоянно дергает и коверкает, доживет до зрелых лет. И уж никто не мог и помыслить, что она вырастет, выправится, добьется снятия неверного диагноза «олигофрения», будет писать книжки для детей, публицистические статьи для взрослых и станет членом Союза Писателей России... Но тогда перед ними была лишь маленькая калека, пытающаяся выжить, несмотря на несправедливую жестокость взрослых.

После ужина ребятня еще часок гуляли на улице, а я уже лежала на своей кровати и смотрела на противоположную стену, которая становилась зловеще красной от заходящего солнца. Я закрывала глаза и чувствовала, как меня затягивает смертельная тоска. В такие минуты я старалась припомнить до мельчайших подробностей свою домашнюю комнату дома, свой дворик, свою постель, свой прежний мир, в котором не было место изматывающей тоске...

Хочу черемухи!

Я видела в своих горьких воспоминаниях, как вьётся дорога между двумя рядами деревянных домиков на окраине города Сталинска, который впоследствии вновь переименуют в Новокузнецк. И как бежит дым из трубы одного из них — домика, в котором я родилась.

Наш дом не был новостройкой — дед с бабой, поженившись, купили его готовым. Добротный и удобный с двором, садом и огородом. Там прошло мое детство, я была весела, резва, шаловлива, капризна, как все дети. Различие с другими детьми состояло лишь в том, что доступ в окружающий мир был для меня ограничен. Я не задумывалась тогда специально, что испытывает ребенок, находясь в тисках физической ограниченности, как переносит эти ограничения, удобно ли ему жить, и вообще, что такое маленький инвалид в нашем обществе?

Попробую восстановить в памяти некоторые подробности тех лет — наверное, самых счастливых для меня, потому что потом жизнь превратится в многолетнюю войну за место под солнцем, за право быть ЧЕЛОВЕКОМ со всеми последствиями, вытекающими из этого слова по смысловому определению и божьему замыслу. Борьба за мои законные права, заниженные людским равнодушием.

Итак, вьётся пыльная незаасфальтированная дорога, вдоль деревянных домиков. У некоторых из них еще не потемнели бревна — их поставили совсем недавно. У одного из домов через невысокий штакетник клонится на обочину дороги зелень небольшого сада с роскошными георгинами.

Я стояла и смотрела на сломанные цветы. Понимала, что меня отругают, если увидят. Попыталась наклониться и поднять сломанные георгины, но ходунки не позволили это сделать. Я с ненавистью посмотрела на узкую калитку сада, через которую победно пролезла три минуты назад. Можно попробовать незаметно выбраться и, хотя все домочадцы знают, что цветы ломаю только я, как-то отвертеться, но...

— Томка, кто помог тебе сюда забраться? — качает головой отец. — Вот посмотри, ты опять сломала цветки, а мама так их выхаживает. И как пролезла-то?

— Ты сам мне показал, как сюда забираться, — надувшись и приготовившись расплакаться, бубню в ответ.

— Когда же я тебе показывал, как сюда можно забраться? — отец от удивления даже перестает сердиться.

— А когда мамка клубнику-викторию пошла полоть, — поясняю и вижу изумление на отцовском лице.

В тот день отец проявлял фотографии, а я крутилась возле него и мешалась, то стол качну, то под руку толкну. Когда по моей вине смазались две или три фотографии, у него лопнуло терпение, он утащил меня к матери в сад, и я запомнила, как боком втаскивал ходунки в узкую калитку.

Будучи очень сообразительной, я проделала это самостоятельно, приподняв один бок ходунков, и постепенно втиснула их в злосчастную калитку сада. В какое-то мгновение застряла, но, раскачав ходунки, смогла выбраться. А ведь калитку в сад специально сделали узкой, чтобы я не могла пробраться через неё без посторонней помощи.

Отец возмущенно схватил сзади ходунки и вытащил их вместе со мной, орущей на весь двор.

— Хочу черемухи! — заорала я.

— Я тебе сейчас сам нарву, только не ори, — обещает отец, чувствуя на себе любопытные взгляды прохожих.

— Сама хочу нарвать! — дохожу я до поросячьего визга, но, чувствуя, что ходунки продолжают вместе со мной неумолимо плыть в отцовских руках к сеним дома, сдаюсь.

— Пап, я больше не буду, отпусти! — ходунки плавно опускаются на землю.

— Том, скажи, зачем я, по-твоему, сделал калитку в сад узкой?

— Чтоб мы с Сергеем не лазили, — отвечаю я, упомянув двоюродного брата, на полтора года младше меня.

— Ну, если Сергей один войдет в сад, он не сломает цветы, а вот ты своими ходунками все попортишь. Поняла? — спрашивает отец.

Я покорно киваю головой.

— Гуляй во дворе, и чтобы ни в саду, ни в огороде я тебя больше не видел. Увижу, что ты опять куда-то залезла, посажу в коляску, — ставит условие отец.

В ответ я фыркаю, но протеста не выражаю — сидеть в коляске радости мало, я не могу в ней передвигаться самостоятельно.

Все в округе знали, что в нашем доме растет больной ребенок. Хотя ко мне, резвой и активной, определение «больной ребенок» никак не подходило. Другой вопрос, что при всей резвости и активности я не умела вставать и ходить, не могла садиться сама, и руки были подвластны мне не полностью. Однако, благодаря ходункам, которыми управляла лучше, чем своим телом, я легко осваивала пространство. И ощущала их как нечто неотделимое от меня, а не как неуклюжие громоздкие подпорки. С едой тоже были проблемы: я научилась самостоятельно есть только твердую пищу, поднеся кусочек ко рту, но не могла есть ложкой и пить из чашки — роняла и расплескивала.

Сегодня, в зрелом возрасте, я, конечно, вижу своё детство все в другом ракурсе и понимаю, насколько непросто было родителям иметь больного ребенка в то дикое по отношению к инвалидам время. Хотя и по сей день ребенок-инвалид часто воспринимается российским обществом как какое-то неправильное и неверно запрограммированное существо. Но я думаю, что матушка-природа всё равно умнее

человека. И если рождается ребенок-инвалид, это означает, что природа хочет этим что-то подсказать человечеству.

В то далекое советское время — вторую половину пятидесятых, шесть счастливых лет с моего рождения до отправки в детдом были самым светлым отрезком моей жизни. Но этот отрезок закончился, благодаря трём буквам ДЦП, гвоздями вколоченным в мою биографию и расшифровывающимся как «детский церебральный паралич».

В моей карте был написан безысходный диагноз «поражение ЦНС». Теперь я знаю, что «поражение ЦНС» — очень расплывчатый диагноз, не уточняющий, что именно поражено в центральной нервной системе. Однако его оказалось достаточно, чтобы навеки изолировать ребенка от большого мира и упечь в специализированное закрытое учреждение.

За какую провинность мне был уготован этот крест? Только спустя полвека я ответила себе на этот вопрос. Ничто не дается человеку просто так, в каждом отдельном жизненном случае есть свое определение, свое предназначение и своя логика.

Поросенок Борька

Итак, отец вернулся в дом, оставив меня во дворе, и я облегчено вздохнула — сломанные георгины снова сошли с рук. И развернула ходунки, еще не зная, что бы такое предпринять.

Во дворе было пусто, только за воротами весело визжали девчонки, играя на обочине дороги, где лужи еще не высохли после дождя. Я с завистью смотрела на них, мне тоже хотелось измазать ноги грязью по самые колени и пробежаться по мокрой тропе, громко хлюпая подошвами сандалий. В такие минуты я ощущала пустоту внутри, но, конечно, не понимала, что мне никогда не придется вот так же пробежаться ногами по тропе и пошлепать пятками по грязи. Я даже не задавалась вопросом, почему не могу ходить без ходунков, как все? Позавидовав девчонкам, я развернула ходунки и уныло поплелась к дверям дома. Но возле лавочки остановилась, увидев лежащий прут. Потянулась за ним, еще не очень соображая, зачем он мне нужен и нужен ли вообще.

В это время в закутке визгнул поросенок Борька. Я подождала, не выйдет ли бабушка на этот визг, и, взяв прут в зубы, направилась к Борьке. Поросенок услышал, что к его дверце подошли, радостно хрюкнул и высунул пяточок в прорезь дверцы. Но поняв, что это не те, кто его кормит, имея в виду бабу или мою мать, спрятался обратно. Мне хотелось, чтоб Борька высунулся, и я стала дразнить его прутом.

Сначала он не обращал внимания, но потом не выдержал и стал хватать прут зубами. Я так увлеклась, что даже не слышала, как ко мне присоединился мой двоюродный брат Серега.

— Том, а Том... Я тоже хочу с Борькой поиграть, — заканючил он.

— Найди себе свой прут и играй, — важно посоветовала я.

Серега нашел подходящий прут и присоединился ко мне. Мы до того раззадорили поросенка, что он вставал на задние ноги и доверчиво высовывал к нам пяточок.

Но потом у Борьки кончилось терпение, он, изловчившись, выхватил у Сереги прут и утащил к себе. Серега обиженно засопел.

И тогда я предложила:

— Давай накормим Борьку, вот баба похвалит нас.

— А чем мы его накормим? — уставился на меня Серега.

— Я сегодня видела, как баба Борьке готовила пойло, она крошила туда капустные листья. Листья еще остались — лежат в сених. Беги и принеси, я же не могу.

Сергея сбегал в сени и принес два огромных капустных листа. Мы спустили их поросенку через прорезь в двери и стояли, слушая, как он сладко чавкает за дверцей. Сожрав листья, Борька снова высунул свой пяточок в надежде получить добавку.

Сергея принес еще два капустных листа, а потом еще и еще, и так, пока во двор не вышла баба. Мы даже не слышали, как она вышла. И оглянулись только, когда она заплакала.

— Ну что за детки? Одно наказание! Что же вы наделали, окаянные? Креста на вас, что ли, нет? — причитала баба.

— Ты чего, Клава? — спросил дед, выходя из сеней.

— Да вот детки Борьку, наверно, убили, — заголосила баба.

— Ты чего плетешь? Как убили? — не понял дед.

— Да они ему все листья с капусты скормили, что лежали в сених!

Дед подошел, открыл дверцу. Борька лежал возле порога, дед тронул его носком ботинка, Борька лениво открыл глаза, посмотрел на деда в надежде на добавку и лениво хрюкнул.

— Да нет, ничего страшного, просто малость объелся, — сделал заключение дед и закрыл дверцу.

Баба не была скупой женщиной, просто поросенок в те годы был дороже золота для простых людей, бежавших из разваливающихся деревень на стройки века, каких много было в Кузбассе, и где их с радостью брали как дешевую рабочую силу. Особенно охотно брали деревенскую молодежь, она создавала семьи и застраивала избами окраины будущего индустриального города. Из таких изб, как наша, выросли целые улицы, и складывался стихийный полугородской-полудеревенский «город-сад» вместо спланированного в тридцатые годы.

В этом «городе-саде» познакомились и мои дед с бабой, и мой отец с матерью, происходившие из деревень Новосибирской области. С горькой иронией я думаю о писателях, которые вздохнули писали книги о стройке века, но умалчивали о деталях.

Например, что женщин нагружали кирпичами, как выносливых верблюдиц. Для этого использовали специальное приспособление для носки — деревянная доска с лямками, которая одевалась на спину, как рюкзак, а на нее накладывали кирпичи от пояса до самого затылка.

Это была норма, женщина несла тяжесть до места назначения, а в советской литературе это преподносилось как геройство. И где же сейчас писатели, разжиревшие на своих ныне полузабытых книгах? Не грызет ли их совесть за то, что не замечали у себя под ногами втоптываемые в землю человеческие судьбы?

Самое возмутительное, что женщины работали в таком режиме и с такой нагрузкой во время беременности. На ранних стадиях, когда еще не знали про свою беременность, и на более поздних, когда знали, но не хотели переходить на более легкую, но менее оплачиваемую работу, и даже скрывали свою беременность, чтобы не упускать заработка.

Допускаю, что такое поведение во время беременности является одной из причин ДЦП. Переносимая тяжесть может вызвать внутриутробную асфиксию плода — на

секунду перекрыли доступ кислорода к головному мозгу. Этого достаточно для ДЦП, даже если дальше беременность протекает без осложнений.

Но вернемся к поросенку. Дед закрыл Борьку в закутке, положил на наши головы свои ладони и усмехнулся. На наших детских лицах была, наверное, недетская растерянность. Я никогда не видела, чтобы баба так плакала, захотелось подойти и пожалеть ее. Но не успела, появился отец, сурово вытащил меня из ходунков и посадил в коляску. Это означало, что на сегодня мои дневные приключения закончены. Я сидела в коляске, разобиженная на всех, и перемалывала в головенке свои обиды.

Уже потом я вспоминала, как баба плакала по якобы убитому нами поросенку, и думала: а плакала ли она так по мне, сданной в детдом?

Доминошки

Здоровый ребенок во дворе, даже в отсутствие игрушек, сразу найдет себе занятие и развлечение. Он может присесть на корточки и копаться в песке, соорудить что-нибудь из щепочек и тряпочек или играть в дочки-матери. Мне это было недоступно, в ходунках я могла стоять или передвигаться, но никак не нагибаться. Иногда на улицу выносили игрушки, чтобы я могла поиграть, но мешали мои нескоординированные движения.

Однажды подарили детское домино, и мать, снарядив меня на улицу, разрешила взять его с собой. На улице, подойдя к лавочке, я осторожно вытащила коробку из кармана, положила и открыла. Но едва начала переворачивать, чтобы высыпать доминошки на лавочную доску, мою руку дернуло, и все костяшки полетели врассыпную. Я завопила на весь двор:

— Мамка, я домино рассыпала!

Мать вышла подбирать домино, и когда доминошки были собраны, оказалось, что в коробке не хватает трех, а после второго падения и собирания не хватало больше половины. За какие-то десять-пятнадцать минут было растеряно красивое домино.

— Нёмка, не ори! Мне надо в доме убираться, поиграй во что-нибудь сама, — приказала мать, утомившаяся поисками доминошек, и ушла в дом.

Игра в домино с тех пор так и не состоялась.

Тогда не было игрушек «по моим рукам», а кукол я не любила потому, что ничего не могла делать с ними руками, разве что таскать их за одну ногу.

Больше всего мне нравилась играть с двоюродным братцем Серегой. Он переворачивал два стула перед моей коляской — это была кабина автобуса. Я брала хозяйственную сумку, надевала ее на шею и начинала голосить, изображая кондуктора. Сам Серега был шофером, но иногда превращался в пассажира, которому я вручала билет. После нашей игры бабе приходилось убирать по всем комнатам разорванную на билетики газету.

Странно в те годы вели себя врачи. Они милостиво оставляли жить детей-инвалидов, но совсем ничегошеньки для них не делали. А ведь ребенок-инвалид — это не домашняя зверюшка, а человек. И ни в коем случае нельзя считать, что если он накормлен, помыт и одет, то миссия по уходу и воспитанию выполнена.

Врачи почему-то уверяли родителей, что мой паралич после двенадцати лет сам собой пройдет, и родители верили в это. Волшебная фраза «паралич пройдет сам собой после двенадцати лет», повторяемая на все лады, в конце концов, усыпила их бдительность. И вместо того чтобы как-то противостоять моему заболеванию и не давать ему прогрессировать, родители ровным счетом ничего не делали. А болезнь брала свое, после пяти лет координация движений резко ухудшилась. И если до того родители были уверены, что я подрасту и начну держать в руке ложку, а, может, и вилку, то после пяти лет эта уверенность испарилась.

Повторное обращение к врачам и обследование закончилось диагнозом «необратимое поражение ЦНС» с пояснением «она никогда не поправится». И меня отдали в специализированный детдом в виду полной бесперспективности.

А надо было всего лишь переступить через ложный стыд, что ребенок у них не такой, как все дети, что нуждается в большем уходе и медицинском внимании. Да и нужны были не столько медицинские услуги, сколько бытовая сообразительность. Ну что стоило моим родителям постелить на пол дедов тулуп, положить меня на него и оставить одну? Я бы равно рано или поздно начала садиться сама, а потом, может быть, попыталась бы встать. Ведь у меня же был интерес к движению!

Если б они хоть разок задумались, на какую страшную зависимость от окружающих обрекают меня своим равнодушием! Парализованные люди понимают, что такое каждую секунду сознавать, что твое тело ничегошеньки не может сделать само, а твой дух игнорирует это и требует для себя жизни. Укладывание на тулуп и оставление в одиночестве могут кому-то показаться безжалостным приемом. Но много ли жалости они проявили ко мне, сдав в детский дом для инвалидов? Кстати, именно там, брошенная без присмотра, я и научилась самостоятельно садиться.

Моя мать или баба могли бы вечером делать мне лечебный массаж, если бы их кто-то этому научил, невелика премудрость, сегодня эти курсы массажа и инструктажа для родителей детей-инвалидов проводятся повсеместно. Но они не думали об этом, а ждали чуда.

Самостоятельная прогулка

Мне строго-настрого запретили выходить в ходунках за ворота потому, что по дороге целый день туда-сюда сновали грузовые машины. Однако запрет перестал существовать, как только я научилась сама откидывать на воротах крючок.

Было пять часов вечера, дед вернулся с работы пораньше. Я увидела его, когда он подходил к воротам.

— Ой, дедка пришел! — радостно завопила я на весь двор.

Дед открыл ворота, зашел во двор и поймал меня вместе с ходунками, летящей прямо на него со всех ног.

— Эх, Томка... И когда только ты у нас без ходунков научишься бегать? — горько вздохнул он.

— Дедка, пойдем, погуляем по дороге, — запищала я просительно.

— Немного отдохну, и погуляем, — пообещал дед. Он ушел в дом, а я осталась возле ворот.

За оградой собралась компания подростков, пацаны натягивали вдоль дороги веревку, собираясь что-то соорудить. Я наблюдала за ними, пока они крутились возле наших ворот, но потом отошли подальше. Покрутила головой, глянула вверх и зацепилась

взглядом за крючок. Раньше я не могла достать до крючка, хотя мне до ужаса этого хотелось, ведь я видела, что за воротами бегают малышня, даже младше меня. Оглянувшись, чтобы убедиться, что баба не видит меня в окно, я потянулась к крючку. И не поверила своим глазам — пальцы доставали до крючка! Ощутила радость и гордость. Во-первых, оказывается, я здорово подросла, а во-вторых, вспомнила... Однажды, когда я глазела на прохожих, мне почудилось, что если я в ходунках пробегусь по дороге, то обязательно начну бегать без них, исключительно на своих ногах.

Откинув крючок, я открыла ворота и выпорхнула (насколько этот глагол применим к моему передвижению в ходунках) на дорогу. Но у обочины дороги была колея, и я намертво застряла в ней. Меня окружили гулявшие дети. Они с интересом рассматривали меня, а я их. Наверное, я тогда впервые почувствовала себя жутко неуклюжей. Но дети смотрели доброжелательно, кое-кто даже подбадривал, потому что я им помогала дразнить нашего общего неприятеля — соседского рыжего мальчугана Валерку. Я громче всех орала этому бедняге вслед «Валера-холера!».

Хоть и интересно было очутиться за воротами, но я с опаской оглядывалась по сторонам, не едет ли машина. И намеревалась осуществить задуманное — пробежаться по дороге. Я дергала ходунки, но они намертво застряли в колее. А тут еще у подростков, мастеровивших неподалеку, что-то хлопнуло, и над моей головой пролетела обгорелая веревка. Я не успела ничего сообразить, как дедка уже затаскивал мои ходунки за ограду.

— Томка, кто тебе помог ворота открыть? — строго спросил дед.

— Ой, дедка! Я теперь сама умею их открывать, — похвасталась я.

— А кто тебе разрешил их открыть? — еще строже спросил дед.

— Больше не буду, — заныла я.

— Так и быть, прощаю тебя, — сказал дед, прижав меня к себе.

— Дедка, давай расскажем всем, что я выросла, — предложила я.

— Обязательно расскажем, что моя внучка выросла, — согласился дед и понес меня в дом.

Дедушкины абрикосы

Уж не знаю, за что меня так любил дед. Однажды осенью родители собирали выкопанную картошку и, прежде чем ссыпать ее в подполье, решили просушить на чердаке. Когда разложили всю картошку, дед взял Серегу с собой на чердак, чтобы показать местность с высоты. Серега забирался по лестнице, а дед его только страховал, чтобы не упал. Когда они спустились, я завопила на весь двор:

— Папка, я тоже хочу на чердак!

— Никуда тебя не поташу! Ты что, не видишь, что я устал? — заругался отец.

— Нёмка! Как тебе не стыдно? У Сережи папы нет, вот деда и хочет научить его по лестнице ходить, — попыталась пристыдить меня мать.

Дед подошел к моей коляске, вынул меня, посадил на плечи и стал забираться по лестнице. Я чувствовала, как рука у него дрожит от напряжения. Все осуждающе смотрели на это чудачество. Мы с дедом уселись на чердаке, он закурил. А я, вытянув шею, старалась разглядеть город, строившийся по ту сторону речки Горбунихи, что текла мимо нашего огорода и уходила далеко-далеко за водонапорную башню.

Если бы я тогда знала, что совсем скоро настанет время, когда рядом не будет ни матери с отцом, ни деда с бабой... я бы крепко прижалась к деду, чтобы получше запомнить этого родного человека...

Вспоминалось еще одно чудачество, доказывающее любовь деда ко мне. Однажды он ездил отдыхать и с курорта привез чемоданчик, доверху наполненный абрикосами. Одарив каждого из домашних одной абрикосиной, он подошел к моей коляске, распахнул передо чемоданчик и ласково сказал:

— Ешь, внучка! Это все тебе!

Все онемели от удивления.

— Миш! Она же не съест столько, только передавит и выпачкается, — возмутилась баба.

— Цыц! — ругнулся он. — Пусть поест вволю, а мы за ней подьемим.

А я, довольная, чуть ли не всем своим тельцем залезла в чемодан и, как и предвидела баба, измазюкалась в абрикосах от макушки до туфелек. Потом меня выдернули из чемодана и унесли купать, а помятые абрикосы доедали уже без меня.

Стрекозы и вкус дождя

В честь Няньки, Серegiной матери, я и была названа Тamarой. Может, это плохая примета — назвать в честь одноногой? Ведь не зря говорят, что новорожденному нельзя давать имя болящего, увечного или трагически погибшего родственника, чтобы не накликасть на младенца беду. И как бы ни распорядились нашими судьбами *там, наверху*, как бы ни мудрили, вкладывая особую идею в каждое человеческое существо, но то, что в моей судьбе перебор горечи — это очевидный факт.

Видимо, и Бог допускает ошибки. А может, он специально отпустил такую щедрую порцию горечи безвинному ребенку, чтобы посмотреть, как тот оправдает бесценный дар под названием Жизнь...

Меня, как и всех детей, манило всё новое, и я, как и другие дети, торопилась поскорее познать волшебный красочный мир. Как-то после проливного дождя Нянька принесла большую переливающуюся зеленую стрекозу:

— Томка, посмотри, кого я поймала!

— Ой, где ты взяла такую? — зачарованно спросила я.

— На улице после дождя их много летает, — ответила Нянька.

— Дай в руки! — попросила я.

— Ты её помнешь, и она умрет. Я лучше её отпущу. — И ушла со стрекозой в руках.

А я после этого случая, просыпаясь, каждое утро прислушивалась, не идет ли за окном дождь?

Долгожданный дождь пошел через неделю. Был выходной день, нас с Серегой искупали, женщины успели перестирывать белье и после пяти вечера планировали пойти помыться к соседям в баню. Но после обеда ливанул дождь с грозой, и все остались дома. Я подтащила ходунки к порогу, намереваясь открыть дверь.

— Нёмка, ты куда это собралась? — удивленно спросила мать. — Разве не видишь, что там дождь?

— А ты разве не знаешь, что там сейчас красивые стрекозы летают? — спросила я.

— Какие еще стрекозы? — возмутилась баба.

— Томочка, дождь кончится, и я тебе обязательно поймаю стрекозу, — пообещала Нянька, выглянув из своей комнаты.

— Я сама хочу посмотреть, как они летают. Вы все уже видели, только одна я не видела, — заупрямилась я.

— Ты сегодня посмотришь. Только подожди, дождь закончится, на улице немного подсохнет, и пойдешь смотреть своих стрекоз, — миролюбиво согласилась баба.

— Они тогда улетят! — продолжала упрячиться я.

— Будешь упрячиться — вообще никуда не пойдешь! — осадил отец, выходя на кухню.

— А вот и пойду, и прям сейчас! — категорично заявила я.

— Вот за то, что упрямишься, никуда не пойдешь, — отец подошел к двери и задвинул засов, до которого я не могла дотянуться.

Я молча смотрела на массивный засов, а в душе боролись два чувства: обида, что никогда не увижу красивых стрекоз и не полюбуюсь, как они летают после дождя, и понимание, что на улице дождь, и там сейчас грязно. Победили красивые стрекозы. Я уперлась лбом в дверь и заревела. Ревела и ревела, и когда доревелась до хрипоты, дедка не выдержал, встал, подошел к двери, открыл засов и, взяв за ходунки, вытащил меня на улицу. Но едва отпустил, я почувствовала, что ходунки проваливаются вместе со мной в вязкую жижу. Ноги сразу же промокли, я попробовала сдвинуть ходунки с места, но не удалось их даже пошевелить, они намертво засели.

Выглянуло солнце, с крыши падали большие дождевые капли, а сказочно красивых стрекоз нигде не было видно. Я подняла голову и виновато посмотрела на дедку, он всепонимающими глазами смотрел на меня, оба отлично представляли, что ждет нас дома. Дед молча занес меня в дом... И вот тут память услужливо прячет не очень приятные воспоминания, стирая подробности. Только помню, как баба молча снимала с меня мокрые ботинки, и сколько недоброго в этом движении...

А вечером у меня поднялась температура, в груди захрипело, и пришлось ставить горчичники. Перед глазами живо всплывает воспоминание, как отец таскает меня, орущую в жгучих горчичниках, по комнате на руках, а я уже плачу не столько от боли, сколько от сознания вины.

Но однажды родители полностью удовлетворили мое «дождевое» любопытство. Помню себя, сидящую в саду под зонтом под теплым грибным дождем, и солнце, пробивающееся сквозь тучу. Незабываемое впечатление! Мне его хватило на всю жизнь. Вы не представляете себе, что означает для больного ребенка вот так почувствовать дождь...

Познание мира

Обычно дома по утрам я просыпалась оттого, что над моей кроватью открывалась окно, и в комнату врвался летний солнечный день или день с дождливым шорохом. А осенью — с чуть слышным касанием осенних падающих листьев. А зимой, когда окно

лишь чуточку приоткрывалось, — морозец холодил щеки, и на стекле светились волшебные ледяные узоры.

Но дольше всего в памяти задержалось, как моя красивая мама по утрам открывала ставни снаружи, и я любовалась ею в солнечном заоконном пространстве как портретом в раме. Это светлое воспоминание ничем не сотрешь, даже предательство перед ним бессильно. Мамино предательство...

Сколько бы потом я ни видела от нее унижений — да таких, что охватывал недоуменный испуг, ведь эта женщина была в прошлом моей любящей мамой, а потом преисполнилась такой тупой жестокости — все равно в памяти не стираются светлые воспоминания.

...Иногда в детдоме ночью, когда к горлу подступала невыносимая горечь, и хотелось выть волчонком, но там нельзя было даже заплакать, потому, что заплакать просто так считалось слишком большой роскошью.

— Никто ее не обижал, а она разревелась! Мало ли, что тяжело, здесь всем тяжело, но никто не плачет! — говорили со злостью няньки. И в этом было что-то чудовищное, хотя теперь понятно, что они сами уставали, и им до смерти надоедало смотреть на наши страдания.

Так вот, в такие ночи я выдергивала из памяти ту прошлую маму — настоящую, не предавшую. И невольно начинала думать, почему моя мама стала такой?

И снова возвращаюсь в далекое детство, где все солнечно и нет еще никакой беды. Не надо думать, что меня так уж сильно баловали, бывало, что и ругали как всякого другого ребенка.

Мне тогда было лет пять. Нас у родителей уже двое, в январе 1960-го родилась моя сестра Ольга, здоровый спокойный ребёнок, не доставляющий особых хлопот. Был нежаркий полдень августа. Мать прогуливала Ольгу во дворе, я была там же. Сестра заснула у матери на руках, и она понесла ее в дом уложить в кроватку, наказав, чтобы я никуда не лезла.

Я послонялась по двору в ходунках минут десять и решила тоже зайти в дом. Я ведь сама перелезала через порог, и ничего со мной не случилось. И в этот раз я забралась на земляной скат, покрытый ровными досками и заменяющий крыльцо, благополучно миновала сени и открыла дверь в избу. Поставила передние колеса ходунков на порог, который со стороны сеней был очень высоким, и схватилась за щеколду, висевшую сбоку на косяке. Но второпях не заметила, что не поставила ноги на порог. С силой дернув за щеколду, чтобы ходунки перескочили порог, я беспомощно повисла на перекладине ходунков. Колеса съехали с порога, и я со всего маха хлопнулась мордашкой прямо об него, ощутив всю его твердость.

Сначала не ощутила боли, и первой мыслью было, если кто-нибудь зайдет и увидит, что я опрокинула ходунки, меня отругают. Но, приподняв голову, увидела на пороге лужу крови, сообразила, что это моя собственная кровь, и испустила громкий рев.

А дальнейшее уже не помню, то ли память опять услужливо прячет неприятные моменты, то ли я потеряла сознание. Помню, что было уже позже, я лежу у бабы с дедом на койке, а на кухне громко ругаются мои домочадцы.

Никто даже и не предполагал, в какие дали я отправляюсь в своих снах. В этих совершенно не детских снах я постоянно возвращалась в чьё-то (уж точно не мое!) страшное прошлое в военное время. Мне мало кто поверит, решат, что я это сочиняю, чтобы сделать свою книгу загадочнее. Но уверяю вас, никакого сочинительства.

Даже трудно сказать, когда этот сон начал меня преследовать. Кажется, он был со мной с самого рождения, просто, когда подросла, я стала его анализировать. В этом сне взрослого человека я всегда убегала от танка. Хотя никогда в жизни не видела настоящего танка. Снилось, что я бегаю по дому и не знаю, где спрятаться от страшного танкового дула, а оно меня почему-то везде находит, куда бы я ни пряталась.

Еще один вариант этого сна — я бегу по изрытому снарядами полю, справа от меня горит хлеб, а слева то ли железнодорожное полотно, то ли какие-то рвы. Но любой вариант этого сна заканчивался одним и тем же, на меня смотрит дуло, я чувствую, что сейчас прогремит выстрел... и просыпаюсь.

И странное дело, когда просыпалась, срабатывала какая-то блокировка, я совершенно не боялась и твердо знала, что этого в моей жизни никогда не будет. До сих пор задаю себе вопрос: откуда у маленького ребенка этот страшный сон? Ну ладно бы посмотрелась страшных фильмов, и это навяло соответствующие сны. Но ведь телевизоров в нашем обиходе тогда еще не было, а смотреть взрослые фильмы в кино меня не брали. Так откуда же этот сон?! Загадка... Или предчувствие того, как поступит со мной жизнь?

Панамка

Сестре Оле исполнился годик; чтобы выносить ее на улицу, мать сшила чепчик. Не было только кружева для оторочки, и мать решила отпороть кружево от моей старой панамки. Ткань на ней сносилась, а кружево оказалось прочным. А я из этой панамки почти не вылезала, она была удобная и на завязочках. Но, несмотря на мою любовь к ветхой панамке, мать решила сделать по-своему, и сколько я ни орала, что это *моя* панамка, распорол ее.

Собрав меня на улицу, вместо распоротой панамы надела на меня новенькую, только что сшитую, беленькую, аккуратненькую, на одной пуговке. Я вышла на улицу, и через три минуты со двора донесся мой рев. Домочадцы в недоумении высыпали из дома во двор.

— Нёмка, ты чего ревешь-то? — недоумевала мать.

— Панамка-а-а! — орала я, захлебываясь рыданиями.

Все подумали, что панамку у меня кто-то отобрал, но оказалось, что едва я вышла на улицу и непроизвольно мотнула головой из-за своего заболевания, новая панамка слетела с головы и оказалась в огороде.

Панаму нашли, водворили на мою голову. Однако история повторилась, ну никак не хотела панамка без завязок держаться на моей чрезмерно подвижной голове! После трех полетов с головы на землю она превратилась в грязную тряпку. Тогда от меня, отстали, и с тех пор я гуляла без панамы.

Папа Саня

— Пап, пойдем к тете Вале, ну ты же обещал... Ну папа Саня... — через каждые пять минут назойливо напоминаю я отцу.

— Я тебе что сказал? Дочитаю книжку, и пойдем, — отвечает отец.

Мы остались дома вдвоем, остальные разошлись по делам. Отец сидит на бревнах, привезенных дедом для домашних нужд, и читает учебник — он тогда готовился на

вечерние курсы. Но, видимо, из-за моей назойливости ничего из прочитанного не может понять.

Я чуть ли ни носом водила по странице его учебника и ныла:

— Ну когда мы пойдем к тете Вале?

— Побудь тут, унесу книгу в дом, и пойдем к тете Вале, — покорился он.

Но я знала характер своего папаши, когда ему было неохота что-то делать, он готов был отвязаться от меня любым способом. Ушел в дом и не выходил. Я подождала и, когда поняла, что он меня обманывает, решила пойти к тете Вале самостоятельно. Направилась к воротам, откинула крючок, вышла и стала раздумывать, как лучше дойти. Тетя Валя доводилась моему папе сводной сестрой (по матери), и жила в начале улицы, а наш дом стоял в середине.

Передвигаться по дороге я побоялась, понимала, если проедет машина, то мне некуда свернуть. Воль оград была протоптана тропинка, туда-то я и сиганула в ходунках и побежала. Разумеется, по-настоящему бегать я не могла, но постаралась изобразить из себя бегущую — гоню по тропинке ходунки и стараюсь погромче топтать сандаликами. Картина, должно быть, препотешная. Соседи смотрят на меня и улыбаются. Уже миновала три дома, когда догнал отец, схватил сзади ходунки, что у меня аж зубы цокнули. И грубо потащил домой.

— Что, Саня, уже в догонялки играете? — шутили соседи, спрашивая отца.

А я пролежала в кровати зареванная до самого вечера. Вечером, когда собрались домочадцы, отец рассказал про мое бегство. Все хохотали, а я про себя твердила «все равно сама убегу».

Когда отец был в духе, он прогуливал меня, посадив к себе на загривок, и таким же макаром водил в цирк и в зоопарк. Я тогда даже представить не могла, что мой папка сначала отвезет меня в детдом, а потом уйдет из семьи. До сих пор пытаюсь найти оправдание этому поступку, но, не вижу в нём ничего, кроме мужского эгоизма.

Хотя нет, одно оправдание все же есть — никому не хочется выглядеть неполноценным. Ведь когда у вроде бы совершенно здоровых родителей рождается инвалид, это как бы свидетельствует об их внутреннем нездоровье, выявляет скрытые заболевания, незримые дефекты, которые выходят наружу через ребенка-инвалида. И тогда мужчина чаще всего обвиняет женщину и безжалостно бросает и ее, и ребенка.

Но причины врожденной инвалидности самые разные: и генная мутация, и родовая травма, и заражение плода, и плохая экология, которая вроде бы не приносит видимого вреда ни детям, ни взрослым, но отыгрывается на внутриутробном существе...

А, может, сама матушка-природа не хочет, чтобы все люди были одинаковыми, и демонстрирует, что они могут быть всякими, только дайте им возможность жить, расти, развиваться, совершенствоваться.

И, действительно, из инвалидов часто формируются сильные одаренные личности. Так что не бойтесь, если в вашей семье появится необычный ребенок. Лучше сделайте все возможное, чтобы этому необычному человечку жилось хорошо и интересно.

Родичи навещают меня

Однажды, в период адаптации к детдому, я увидела во сне мать, и чуть не закричала на всю палату. Я ещё не знала, что теперь каждый ее приезд буду чувствовать заранее. И

в этот день она неожиданно приехала, и, швырнув сумку у моей койки, со слезами на глазах побежала к воспитателям. У меня застрял в горле комок, и я не понимала, радоваться мне маминому приезду или плакать, разделяя ее настроение? Из палаты слышала как она, плача, что-то сбивчиво рассказывает Зинаиде Степановне.

Минут тридцать я ждала, когда мама вспомнит обо мне. Наконец она зашла в палату и, присев ко мне на кровать, отсутствующими заплаканными глазами уставилась в окно.

— Мама, когда я домой поеду? — не к месту задала я свой главный вопрос.

— Никогда! — резко ответила она, не отрывая взгляда от окна.

Я заревела в голос:

— Хочу домой! Не хочу больше здесь жить!

— Куда я тебя возьму? Твой папка нас бросил, мы с Ольгой теперь живем у тётки Маши, — пояснила она, наклонившись и стала что-то искать в сумке.

Потом вытащила оттуда помидорку, положила ее на окно и стала поспешно собираться домой. Я сразу не поняла значения слова «бросить», в моем понимании оно означало бросание какого-нибудь предмета или чего-то ненужного. Но минуту помолчав, внезапно почувствовала его и завывала, причем не по-детски, а по-бабьи.

— Будешь так орать, я к тебе больше не приеду, — заругалась мама и выбежала из палаты.

Ночью я опять горела в жару и металась по койке. Утром подошла няня, чтобы покормить и, видя, что я едва открываю глаза, только махнула рукой.

Прошло недели две, и я снова стала оживать. Девчонки, прослышавшие, что мои родители разводятся, стали приставать с расспросами:

— А что, твои родители дрались дома?

Дурацкий вопрос. Я понятия не имела, что родители могут драться, но для многих девчонок было привычным делом видеть дерущихся родителей. И, когда я сказала, что папка никогда маму не бил, никто не поверил мне.

— Почему же тогда они разошлись? — докучали девчонки.

Они так доставали меня вопросами, что однажды я не выдержала и соврала им, что папа в маму кидал тарелки, и после этого признания от меня отстали.

В августе проведать меня приехала Нянька — моя тётка Тамара. У нас был мертвый час. Я спала, когда в палату вошла нянечка и разбудила:

— Тома, просыпайся, к тебе приехали.

Я замерла, не зная, что делать — радоваться или снова реветь? Но нянечка быстро одела меня и вынесла на улицу, чтобы я рёвом не подняла весь корпус. При этом натянула на меня домашнее платье одной из спящих девочек, считая мое недостаточно приглядным для показа родичам.

— А вдруг она проснется, и меня потом ругать будет? — забеспокоилась я.

— Не будет ругать, — заверила меня нянечка. — Скажу, что это я взяла.

Вынесла меня на поляну, и тут я увидела свою милую Няньку, шмыгнула носом, готовясь зареветь, но та меня опередила:

— Если заревешь, не покажу, что привезла. — Она поправила на мне воротничок и стала расспрашивать: почему я плачу?

— Домой хочу... — пискнула я, с трудом сдерживая слезы.

— А ты не плачь. Вот я вернусь домой и скажу папе и дедушке, чтобы приехали и взяли тебя домой. Да еще надо коляску сделать, тебе же надо на чем-то сидеть.

Я, конечно, поверила. Но тут подошла нянечка и сказала:

— У нас на её рост ничего нет из белья, вы бы привезли ей хоть пару платяниц.

— Хорошо, посмотрю дома. Если что-то осталось, передам, — пообещала тётя.

После ее отъезда я уже не так жутко ревела. Она потом частенько навещала меня и в детдоме, и в психоневрологическом интернате, и своего сыну Серегу привозила, один раз еще маленького, а второй раз перед армией.

До сих пор недоумеваю, почему Нянька тогда проявляла ко мне больше внимания, чем отец с матерью? Любила как племянку? Сочувствовала, лучше понимая меня из-за собственного увечья?

Но почему так охладела ко мне потом? Когда, через много-много лет, мы с ней оказались в одном Доме инвалидов в Новокузнецке, она отказалась меня кормить. И в ответ на просьбу хоть иногда приходить меня покормить, отрезала как бритвой: «А ты будешь меня кормить?». Я готова простить ее резкость — скверно сложилась ее материнская судьба. Мой двоюродный брат Серега стал крепко выпивать, жена от него ушла, взрослая дочка не особо жалуется отца. Щемящая боль пронзает сердце, когда мне рассказывают про вконец спившегося и опустившегося Серегу, моего товарища по детским играм... Наше безмятежное с Сережей детство... И такие разные жизненные дорожки...

Потом здесь же, в Доме инвалидов, Нянька нашла себе мужчину, друга жизни, обрела личное счастье. И я рада за нее. Жаль лишь пролитых из-за нее слез и горького подозрения, что ее внимание ко мне было выпендрожем перед нашей родней...

В конце августа приехали отец с дедом, привезли коляску, которую смастерил отец. Не успел отец прикрутить к ней колеса, как в комнату, где мы сидели, ворвались три няньки во главе с Лившиной, и началось...

— Как же ты бесстыжими глазами на своего ребенка-калеку смотришь? Как тебе не совестно: такую красавицу-жену бросил с двумя дочерьми! — орала Лившина, уперев руки в бока, словно одна из дочерей не жила всё это время в детдоме.

Я сидела на руках у деда и ела конфеты. Когда Лившина заорала на отца, дед вскочил и выбежал со мной в коридор. Так и просидели мы с ним в коридоре, пока отец не прикрутил колеса к коляске. Я притихла, как испуганный кролик, и все больше вжималась в деда, замирая от оглушительного праведного крика Лившиной.

Чувствуя, как трясутся руки у деда, я поняла, что произошло что-то совсем нехорошее, и не решилась сказать деду про свое желание вернуться домой. Когда коляска была готова, дед посадил меня в нее, закатил в палату, и они с отцом, не попрощавшись, уехали.

Детдомовская школа

Осень 1963 года принесла в наш детдом радикальные перемены.

В сентябре нам выдали фланелевые платья, хотя и не новые, зато по размеру, и на мне стали чаще менять одежду. Но все равно я часто сидела в мокром платье, облитом супом или чаем, и одежда так прямо на мне иногда и высыхала.

Однажды, когда мы сидели в игровой комнате, нам торжественно сообщили, что с новой недели начнётся учеба. В общем, почти как у нормальных детей — осенью начинается школа.

К нам еще весной пришла работать воспитательницей пожилая женщина, Анна Ивановна Сулягина, бывшая школьная учительница, которая по состоянию здоровья не могла больше работать в поселковой школе. Полгода она присматривалась к нам, строила планы по нашему развитию и согласовывала их с начальством. Фактически с ее приходом жизнь в детдоме начала заметно меняться. В нашем корпусе, включавшем пять палат, где мы спали, организовали три игровых комнаты, где должны были проходить учебные занятия.

Нас разбили на три группы примерно по двадцать пять человек: старшая, средняя и младшая. А так как развитие у детдомовцев шло по-разному, решили группировать не по возрасту, а по мышлению. Меня сразу взяли в старшую группу, хотя я не знала ни одной буквы.

Из нашей группы четверо ребят раньше уже посещали школу.

Двое пятнадцатилетних глухонемых, Варя и Саша, владели азбукой глухонемых. Воспитательница Зинаида Степановна без труда освоила эту немудреную азбуку. А вслед за ней и я, и даже выступала в качестве сурдопереводчика. Не знаю, какими ветрами этих двух бедолаг занесло в наш специализированный детдом для больных детей. Варя была совершенно здорова физически, успела успешно закончить восемь классов, и, когда ее спрашивали, почему она сюда попала, объясняла, что в той школе для глухонемых поспорила с завучем и та из мести отправила ее сюда. А вот как Саша попал в наше заведение, так и осталось тайной.

Двое других детей были из вспомогательных школ: Надька с «овечьей» стрижкой, и ещё одна девчонка с таким же увечьем — стянутыми рукой и ногой, и со слабо работающей головой.

Ох, как же неохота была другим воспитателям напрягать себя занятиями с такими, как мы! Тем более что у половины из них не было педагогического образования. Им проще было сгрудить нас в одной комнате, а самим сесть в проходе и заниматься своими делами, и только в туалет выпускать по одному. И так до конца своей рабочей смены.

Но пришла Анна Ивановна и стала заставлять остальных воспитателей трудиться на ниве нашего образования. В игровые комнаты завезли столы, стулья, на стену повесили черную доску. Всё как в обычном классе, только сначала нам давали не тетрадки, а лишь листочки из них. И на этих листочках мы учились выводить крючочки и палочки. Многим это было в новинку, хотя большинство детей было подросткового возраста.

Для меня самым интересным занятием стало изучать буквы. У Анны Ивановны буквы были нарисованы на квадратных картонках, она на них объясняла, что за буква и как звучит. Обходила всех сидящих за столами, потом показывала, тем, кто сидел на колясках.

Нас, колясочников, было трое в группе: я и двое пацанов, Игорь и Вася. У Васи папа работал главбухом, а у Игоря родители трудились в Кемеровском собесе. Поэтому к обоим проявляли повышенное внимание. Впоследствии эти ребята, благодаря родителям, попадут в хорошие дома инвалидов. Не то, что я, обреченная скитаться по заведениям для психохроников...

Воспитатели индивидуально подходили к ним, показывая буквы, спрашивая, запомнили они данную букву или нет. Меня не баловали таким вниманием, и если мне не было видно, я начинала пищать со своего места «мне не видно!» Воспитатели обращались и показывали пропущенную букву.

Таким образом, я одновременно училась грамоте и демонстрировала напористость и умение постоять за себя. И поскольку обладала отличной памятью — хоть один дар природы — к Новому году знала все буквы. И возгордилась этим — шутка ли, 1964-й год встретила грамотным человеком.

За зиму я окончательно освоила премудрости чтения, но книг, помогающих ребенку закреплять пройденное, в нашем детдоме не было. Но как бы взамен самостоятельному чтению Анна Ивановна Сутягина давала другое, может быть, даже более важное.

Обычно после ужина с семи до восьми часов нас нечем было занять, а до конца смены воспитателей оставался целый час. Летом-то можно запускать всех на улицу, а зимой весь час ушел бы на одевание-раздевание, и никакой прогулки бы не получилось бы. Поэтому воспитатели использовали этот час по своему усмотрению. Большинство из них загоняли все группы в одну игровую комнату, сами кучкой садились в проходе и вели свои личные разговоры, а детки в это время, естественно, «стояли на ушах».

А вот Анна Ивановна, которую за глаза называли «белой вороной» и презрительным словом «интеллигенция», в свою смену собирала нас в нашей игровой и читала вслух. Благодаря ей, я в семилетнем возрасте услышала первые художественные произведения — то были отрывки из «Кавказского пленника» Льва Толстого и «Детей подземелья» Владимира Короленко. Потрясенная судьбой детей подземелья, я долго не могла уснуть, наверно, это был мой первый урок благородства и сострадания. А история Жилина и Костылина дала представление о жизнестойкости — в любой ситуации многое зависит от самого человека.

Я научилась садиться

Весна 1964 года. Занятия по начальному обучению шли с января по апрель. Мне так понравилось учиться! Жаль только, что уроков было меньше, чем мне хотелось. И что все воспитатели, кроме подвижницы Сутягиной, вместо закрепления наших навыков по усвоению букв и слогов предпочитали необременительное — играйте, дети, только нам не мешайте.

Однажды после ужина я уже находилась на койке, но лежать ужасно не хотелось. В этот день я безвылазно проторчала в неподвижной коляске. Поначалу коляску со мной ребяшня катала туда-сюда — все ж развлечение и им, и мне. А три воспитательницы и две няни, собрав все группы в одной из игровых комнат, сами сидели в проходе, ведя бесконечные беседы «за жизнь». Одну из них, Веру Александровну, страшно нервировало, что мою коляску передвигают. Вряд ли ее беспокоил шум, создаваемый коляской, детские крики его перекрывали. Но Вера Александровна изначально относилась ко мне с антипатией, понять и объяснить которую не мог никто, включая ее саму.

— Поставьте Черемнову возле стены! Не возите ее больше! — истошно завопила она.

Ребята испуганно повиновались, подвезли коляску к стене и отошли, боясь распалить гнев Веры Александровны. Получилось, что я оказалась лицом к стене. Почему воспитательницы не развернули меня лицом к обществу — непонятно. То ли не обратили внимания на такую мелочь, что девочка сидит, уткнувшись в стенку, то ли поленились. Так я и просидела до самого обеда, слыша, как за моей спиной весело резвятся ребятишки и оживленно вхохчут сотрудницы, обсуждая семейные неурядицы и житейские перипетии. А я — в изоляции, передо мной — мертвая стена...

Эту глухую белую стену я запомнила на всю жизнь. Сначала стена была лишь детской обидой, а потом превратилась в символ, стена — неумолимый враг, которого я должна победить. Сколько потом по жизни мне придется разбить таких глухих стен!

А когда рухнет последняя стена, я растеряюсь от пустоты. И пройдет немало времени, прежде чем свыкнусь с новым для меня препятствием и новым врагом — пустотой. И до сих пор не знаю, что страшнее — стена или пустота?

Ах, если бы у всех-всех инвалидов, подобных мне, с парализованными ногами и руками, была нормальная жизнь, если бы мы тоже могли видеть, слышать, ощущать, осязать окружающий мир и вливаться в его кипучую жизнь! И, главное, чтобы не мучил вопрос: окажут ли нам нужную бытовую помощь или не окажут?

Что завтра ждет меня, физически беспомощную, если, не дай Бог, заболит моя помощница Ольга — глухонемая соседка по комнате в моем нынешнем новокузнецком Доме инвалидов? Да я без Ольги в буквальном смысле останусь без рук! Какой бы знаменитой я ни стала, меня всегда и везде будет преследовать моя немощь — крест, который суждено нести до конца дней. И это так унижительно — жить в полной физической зависимости от других...

Люди! Здоровые, нормальные, неувечные, некалечные, способные передвигаться на своих ногах и владеть своими руками! Дышите свободно и радуйтесь, что вы одарены немислимым богатством — способностью к самостоятельному и контролируемому движению! Считайте себя счастливыми, пока вы ни от кого не зависите! Не хотите считать, что здоровое самоуправяемое тело — счастье? Тогда хоть согласитесь, что это — основа для счастья.

Но вернемся в тот памятный вечер. Проторчав весь день в стоящей коляске (после обеда меня тоже не катали), я елозила на кровати, отчаянно демонстрируя протест против наскучившей обездвиженности и надоевшей беспомощности... И вдруг, даже не осознавая того, дернулась и, о чудо! Сама села на попу, вцепившись пальцами в панцирную сетку, чтобы не упасть! Ну надо же, сколько меня не пыталась научить садиться дома, у меня не получалось, а в детдоме, где моим физическим развитием никто не занимался, всё получилось!

В палату вошла нянечка, она не сразу заметила меня сидящей, а когда увидела, удивилась:

— Тома, ты сидишь! Ты сама села?

Я подтвердила, мотнув головой. Говорить не могла, потому что от радости в груди встал ком, и было трудно его выдохнуть. Нянечка, поцокав языком и похвалив меня, вышла. А я повернула голову к окну, увидела пассажирский поезд, рельсы, а вдаль, за железнодорожной линией, лесок, всхлипнула от радости и без сил повалилась на подушку, настолько меня вымотало первое самостоятельное усаживание. Теперь я сама могу дотянуться взглядом до окна, леса, поезда, людей в освещенных окнах!

Моей жизни, конечно, не позавидуешь, но в тот весенний вечер я ликовала.

Зависть к тополи и муравьям

После этого я стала чаще сидеть на полу в палате, коридоре, игровой комнате, хотя плохо держала равновесие и часто падала. Иной раз так треснусь головенкой об пол, только искры сыплются из глаз. На полу куда вольготнее, чем в коляске, хотя частенько влетало от нянь за сбитую ковровую дорожку. Они стелили ее посередине коридора, а я своими неслушающимися ногами невольно сдвигала в сторону.

Несмотря на ругань нянь, я всё чаще и чаще просила, чтоб меня посадили на пол в коридоре, где больше простора. Взрослые недоумевали, ворчали, но сажали и поправляли сдвинутый мною ковер. Видно, сами понимали, как нелепо выглядит этот ковер-половик на фоне обшарпанных стен и окон без занавесок.

Когда весна 1964 года только-только зажурчала ручьями, в жизни детдома наметились перемены. Затеяли строительство служебного здания из крупнопанельных блоков, но разместили там не детей, а кабинет директора, бухгалтерию и столовую. А в нашем деревянно-барачном жилье решили провести паровое отопление — едва сошел снег, рабочие начали ставить батареи. А с приходом лета нас стали возить в баню — в телеге, запряженной лошадей. И меня, наконец, начали полноценно мыть с мылом и мочалкой! И стали чаще менять одежду. В начале весны девочек нарядили в легкие платья, но летом передумали и решили обмундировать всех детдомовцев «под мальчиков» — выдали майки и нечто среднее между трусами и шортами.

Иногда нас, колясочников, выносили на улицу в тень большого тополя, росшего возле нашего корпуса. Сидя вблизи дерева, я с любопытством разглядывала его морщинистый ствол, по которому ползали муравьи, жучки, паучки... К этому времени моя многострадальная коляска осталась совсем без колес; ее водружали на два стула или ставили на пол, после чего туда сажали меня.

Как думаете — о чем может думать в такие моменты восьмилетний ребенок, сидя в сломанной коляске? Ну так я вам расскажу: он *завидует* дереву. Потому что оно постоянно живет на улице, на воздухе, под солнцем, под луной, под ветерком, под дождиком, под снегом. Потому что ему не надо возвращаться в корпус, где обязательно обругают, а ночью нахлынет тоска. Тополиные ветви качались высоко над землей, и казалось, что они задевают облака. «Как хорошо ему здесь, его никто не обижает...» — завистливо думала я и тихонечко вздыхала.

Потом меня стали интересовать все самостоятельно движущиеся существа: звери, птицы, насекомые. Особенно насекомые — они были совсем рядом со мной. Было ужасно приятно наблюдать, как туда-сюда снуют мелкие жучишки и паучишки. Как ползут божьи коровки — красные, оранжевые, желтые, с черными пятнышками-горошками на спине, как они внезапно взлетают, поджав лапки и выпустив из-под плотных верхних крыльев полупрозрачные нижние. Как, расправив крылышки, взмывают вверх мотыльки. Как грациозно порхают разноцветные бабочки и опускаются на листок или травинку. Я смотрела на бойко семенящего муравья и представляла, что это я бегу, и будто *своими* глазами видела, как перед этим бегущим муравьишкой перемещаются все предметы. И завидовала им всем, самостоятельно передвигающимся на своих ногах...

«В умственном развитии отстает...»

Незаметно пролетело короткое сибирское лето. Казалось бы, совсем недавно было все зеленым зелено, но вот уже видна осторожная поступь осени. У тополя возле корпуса с каждым днем золотого в листве все больше и больше.

В конце августа 1964 года к нам приехала важная областная медкомиссия с проверкой, особенно дотошно проверяли нас, колясочников. Несколько человек с нормально работающими руками сразу же отправили в другой детдом. Подошла моя очередь. С меня сняли платье прямо в коляске, и я осталась в здоровенной, не по размеру, майке и без трусов. Их на меня в тот день почему-то не надели.

— Почему на тебе нет трусов? — взяв меня на руки, строго спросила Нина Степановна, родная сестра зловредной Анны Степановны Лившиной, словно я сама одевалась и раздевалась.

— Мне их не надели... — шмыгнула я носом, мне и самой было неловко предстать в таком виде.

Положив на стол, члены комиссии долго разглядывали мое тщедушное тельце и тихо переговаривались между собой. Кое-что из разговора я расслышала, а кое о чем могла догадаться по их лицам.

— Она что, обходится без трусов? Она хоть понимает, что так ходить стыдно? Она в состоянии сама себя обихаживать?

— Нет, она себя не обихаживает, — ответила Нина Степановна. — За ней ухаживают няни, кормят с ложки. Девочка очень слабая, постоянно плачет. В умственном развитии отстает.

Фраза была убийственной. Она заявила о моем умственном отставании, даже не поинтересовавшись, как проходило моё начальное обучение! А я, меж тем, успешно выучила все буквы и могла складывать слова и предложения. Учеба давалась легко и была лучшим из развлечений, я уже мечтала, что, помимо чтения и письма, меня будут обучать другим интересным предметам. Но Нина Степановна своим нелепым и безапелляционным утверждением перечеркнула всё мое будущее, лишив меня права на образование. А для комиссии большего доказательства не требовалось — заключение главной медсестры казалось им вполне достаточным.

В октябре в нашем корпусе подключили паровое отопление, начали красить палаты и игровые комнаты, перебрасывая нас из одной комнаты в другую. Понятно, что никаких занятий не было — их невозможно проводить при ремонте.

Занятия начались только после Нового года, в январе 1965-го. Оказалось, никто из ребятшек ничегошеньки не помнил из пройденного, только я могла назвать выученные буквы, да еще те, кого привезли из вспомогательных школ.

Материнское отвращение

С горечью вспоминаю эпизод, связанный с посещением матери и окончательно определивший наши отношения. Это случилось в октябре 1964-го, когда ремонт в корпусе шел полным ходом, уроки чтения были отложены, погода хмурая, настроение паршивое... Я ждала маминого визита с особым трепетом.

Однако мать в тот день повела себя весьма странно. Когда я попросилась на руки, она вытащила меня из коляски и стала водить под руки, как, бывало, делала дома, но при этом старалась отодвинуться подальше и не касаться меня. А когда я попыталась прижаться к ней, резко отстранила и с укоризной спросила:

— Тома, ты почему какаешь в штаны?

— Я не какаю в штаны! Нас за это ругают, — стала оправдываться я, опешив от несправедливого обвинения.

— Тогда почему у тебя все штаны в какашках? — брезгливо поморщилась она.

— У нас бумажек нету... — виновато засопела я, разглядывая на себе женские панталоны, которые мне были так велики, что свисали ниже колен, заменяя рейтузы.

Малоприятная картина — неухоженная малышка-инвалидка в коротком платьице, из-под которого чуть ли не до пяток свисают панталоны-рейтузы, и со сползшими чулками, волочащимися по полу. Могу представить, таким несуразным чучелом я выглядела! Да еще матери сообщили о моем умственном отставании и решении комиссии...

Я не в состоянии понять свою мать Екатерину Ивановну. Она же поначалу любила меня! Сохранились трогательные фотографии, где я у нее на руках — привлекательная женщина и милая малышка с ещё не выраженными признаками болезни. Когда я жила дома, она была ласкова со мной и принимала меня такую, какая есть, с изрядными отклонениями в физическом развитии и верила в мое выздоровление. Неужели вот так, из-за болезни, можно разлюбить своего ребенка? И так легко согласиться с умственной отсталостью, придуманной медсестрой — не врачом, не педагогом — и утвержденной небрежной комиссией? Ведь я жила дома почти семь лет, и мать могла объективно и *по-матерински* оценить мое умственное развитие!

Почему эта женщина во время своих нечастых визитов в детдом, видя собственное дитя в грязи и коросте, *ни разу* не попросила теплой воды, чтобы хоть чуть-чуть привести его в порядок? Ведь теплую воду всегда можно было взять в столовой и обмыть девочку над тазом.

Зато как ей нравилось рассказывать, что когда вернулась от меня домой, у нее на руках обнаружили чесотку и на две недели отпустили на больничный. Я ее заразила чесоткой — вот что главное, а не то, что от этой чесотки страдал полулежачий ребенок, который не мог даже почесаться.

В её глазах было только отвращение к запущенной детдомовке, в которую превратилась ее дочь, и тайное желание, чтобы этой неудачной дочери вообще не было бы в природе. Получалось, что для неё было бы лучше, если бы я поскорее умерла, чтобы, наконец, исчезла несурaziца — у такой красавицы такой уродец ребенок. И она вынуждена регулярно посещать этого уродца в детдоме — иначе люди осудят, мол, бросила, забыла. И она исправно приезжала ко мне раз в 3–4 месяца. Потом выяснилось, наносила визиты мне исключительно тогда, когда ей было плохо, когда ссорилась с бывшей родней: со свекровью или золовками.

Бедная моя мама Екатерина Ивановна! Я ее не презираю, не осуждаю, скорее жалею. Ведь, наверное, нелегко таскаться «из-под палки» в детдом и возиться с вызывающей отвращение дочкой-инвалидкой даже четыре раза в год.

Я думаю, что не любить человечка, которому дала жизнь, брезговать и тяготиться им — один из самых страшных грехов. Потому, что невозможно измерить глубину страдания этого маленького человечка.

К другим детдомовцам, которые, как и я не были сиротами, тоже приходили родичи. Но не так вот, нехотя, формально, будто исполняя повинность, а с виной, любовью и заботой. И в первую очередь смотрели в чистоте ли ребенок? И не забывали приласкать и понежничать. Как же мне не хватало вот этой, хотя бы эпизодической, любви, ласки, нежности и заботы! Потом, во взрослых стационарах, я наблюдала, как родители навещают взрослых детей-инвалидов, сброшенных на попечение государству, чтобы отгородиться от убогого или потому, что не в состоянии ухаживать сами. Это всегда было не для галочки, визитеры приходили, чтобы позаботиться, подкормить, поддержать, развлечь, понежничать...

Когда, после многолетнего кочевья по кузбасским приютам для инвалидов-психохроников, я наконец добилась перевода в Новокузнецкий дом инвалидов № 2 общего типа, Екатерина Ивановна объявилась вновь. Многие думают, что ее привлекло то, что я стала кемеровской знаменитостью. Однако она ни разу не отметила мои писательские успехи.

Эти годы многое изменили. Мать постарела и подурнела, а я, наоборот, перестала считать себя уродиной, недостойной существования, и приняла себя такой, какая есть. Но она по-прежнему намекает на диссонанс — красавица-мать и дочь-уродец. И теперь исправно навещает меня всё в том же безотрадном жанре — холодном, формальном, унижающем и поучающем. Очень хочется сказать ей: ты больше сюда не приходи. Но что-то мешает, возможно, жалость к ней...

Кому пожаловаться? Солнышку!

В декабре 1964 года нашу палату расформировали. Взрослых девчонок оставили, а малышей перевели в соседнюю, и моя койка оказалась первой возле двери.

Теперь больших ходячих девочек по вечерам няни заставляли вместо себя мыть полы в игровых комнатах и в коридоре. За это их добавочно кормили — давали остатки от ужина и домашнюю снедь, приносимую нянями для себя и на угощение. Девчонки не забывали поделиться со мной: преподнесут то крохотный кусочек салца на ломтике хлеба, то колечко соленого огурчика. Никто из нянь не был против, ещё и потому, что бутерброд и огурчик я могла держать и есть самостоятельно, никого не обременяя. А когда было очень голодно, я просто просила у них хлеба.

— Только не сори на пол, — говорили они, подавая мне кусок.

И, чтобы не насорить крошками, я клала хлеб на полотенце и начинала грызть, придерживая рукой, потом только оставалось аккуратно вытряхнуть полотенце в ведро с отходами, и все чисто. Смириться с этим не могла только злобная Анна Степановна Лившина. Если она замечала, что кто-то из девчонок несет мне в палату кусок хлеба, начинала истерически орать:

— Что, опять Черемновой хлеб несешь? Немедленно положи его обратно на стол!

Сейчас, много лет спустя, я думаю: а нормальной ли была Лившина? Такая ярко выраженная агрессивность по отношению к беспомощному ребенку свидетельствует о явных отклонениях в психике. Такую неуравновешенную женщину, конечно, не стоило подпускать к детям, тем более в качестве дежурной няни, которая обязана присматривать за детьми постоянно и совершенно бесконтрольно.

Когда Лившина начинала орать, я вздрагивала и инстинктивно поджимала ноги. Эта привычка, увы, закрепится и останется на всю жизнь, впоследствии мне так и не удастся перебороть непроизвольное поджимание ног при волнении.

Однажды мое терпение иссякло. В ночь, когда работала Лившина, девчонки, как обычно, пошли мыть полы. Я, лежа в постели, услышала, как она говорит девчонкам в коридоре, чтобы те не таскали Черемновой хлеба, иначе не выдаст им вкусного копченого сала. Я почувствовала внутри себя какой-то вязкий страх, в глазах защипало, а в следующую секунду во мне вскипела ярость. Возле кровати на стуле у меня стояла эмалированная кружечка с водой, и я, обезумев от обиды, начала швырять эту кружечку на пол. Ходячая девочка, находившаяся рядом со мной, поднимала кружечку и ставила обратно, а я снова кидала ее. Лившина, услышав звон бросаемой кружки, потребовала объяснений. Девочка вынуждена была выйти из палаты и признаться, что это я кидаю кружку. Я слышала, как Лившина несколько минут молчала, видимо, осмысляя мой протест и перемалывая собственные эмоции, потом заорала, привизгивая:

— Черемнова, если бросишь еще раз кружку, завтра пожалуюсь на тебя воспитателям!

— Иди, жалуйся хоть Деду Морозу... — прошептала я, давась слезами. — А я пожалуюсь солнышку!

Больше пожаловаться было некому, но от этой спасительной мысли мне полегчало.

Телевизор

В феврале 1965-го открылся административный корпус, который строили почти год. Кроме директорского кабинета, бухгалтерии, столовой для ходячих, там оборудовали клубную комнату с телевизором — единственным на весь детдом.

В марте в честь Женского дня в эту комнату создали ребятню — посмотреть только что купленный телевизор. В игровой, где мы в это время находились в своём корпусе, стоял веселый гомон. Договаривались, кто из ходячих поможет добраться неходячим, обсуждали, какой фильм пойдет по программе.

Узнав, что меня не берут, я расплакалась. Очень-очень хотелось посмотреть, что же это такое телевизор? Дома у нас телевизора не было. Я, вконец исплакавшаяся, лишь обессилено хрюкала, когда в игровую комнату вошла воспитательница Нелли Семеновна.

— Тома, ты чего плачешь? — удивилась она.

— Я тоже хочу к телевизору... смотреть кино... — призналась я ей, приостановив порсячье хрюканье.

— Мы бы вас, колясников, взяли, да на улице еще холодно. И вдруг кто-нибудь из вас в туалет захочет, как тогда быть? — спросила она.

— Нет, не захочу, я могу терпеть, я дотерплю до своей палаты, — завершала я, и надежда затеплилась в моей душе.

— Ладно, что-нибудь придумаем, — пообещала Нелли Семеновна, погладив меня по голове. — Сейчас договорюсь с нянечками и попрошу пацанов, чтобы отнесли тебя в клуб.

Няни завернули меня в одеяло, нахлобучили на голову чью-то зимнюю шапку, два взрослых пацана подхватили мою «безногую» коляску и притащили в клуб.

Не буду описывать, в какой шок поверг меня телевизор — чудо техники 20-го века. Я не могла отвести глаз от экрана с мелькавшими на нем фигурками, и от чрезмерного волнения и восторга впервые в жизни описалась в одеяло. Оказалась, что не я одна такая. Многие ребятки вернулись с просмотра кино мокрыми. Однако нас никто не отругал за это, и так как няня Лившина в тот вечер не работала — а уж она бы точно разразилась скандалом — обошлось без криков.

Сегодня, когда телевизор стал повседневностью, и цветные модели вытеснили черно-белые, я с улыбкой вспоминаю тот первый в моей жизни телепросмотр. С улыбкой и с благодарностью тем, кто устроил мне этот праздник.

Потом нас по выходным дням регулярно носили к телевизору смотреть мультики. Какая же это была радость для колясочников!

Сестренка Ольга

Мои родичи выбрали удобный вариант жизни, в котором не нашлось места моим интересам и желаниям, хотя соблюдали приличия и иногда навещали. От этого мне становилось даже хуже, чем тем, у кого и вправду не было никого из родителей. Сегодня статус, подобный моему, именуется «социальная сирота» — родители наличествуют и

даже время от времени проявляются, но это мало что меняет в горькой сиротской жизни. Получалось нелепо и неловко — приезжала здоровая красивая женщина, торопливо вытаскивала из сумки что-то в бумажке, клала на тумбочку, говорила мне что-то поучительное, уходила поболтать с воспитателями «о своем, о женском», уезжала, порой даже не попрощавшись.

То, что мне было плохо, ее не касалось. Я даже не смела ей пожаловаться. Екатерина Ивановна — как яркая бабочка — залетала, попорхала крылышками и улетела. Какое там выслушать! Лишней секунды подле меня не просидит! Это даже выглядело глупо — проделать такой длинный путь из Новокузнецка до станции Бочаты, там только на электричке два часа, и уделить мне считанные минуты.

Каждый раз словно снимался один и тот же эпизод кинофильма: мать подхватывала меня под руки и держала как куклу, и, не обращая ни малейшего внимания на мои неловкие телодвижения и отчаянные попытки поговорить с ней, болтала с сотрудницами детдома. А если я жаловалась, что устала так стоять, сразу же сажала в коляску, не выслушивая моих объяснений и не пытаясь перехватить меня поудобнее.

Мне была совершенно непонятна материна симпатия к садистке Анне Степановне Лившиной. Понятно, что она не рассказывала матери, как унижает меня, но я-то пыталась пожаловаться на неё. Впоследствии выяснилось, что сотрудницы рассказали Екатерине Ивановне о лившинских злобных выпадах в адрес ее дочери Тома Черемновой, но мать выслушала безо всякого интереса. В отличие от других родственников, она не приставала к персоналу расспросами о жизни и здоровье дочери, ей было все равно. А меня разрывала обида, боль и ревность ко всем, кому моя мама уделяла внимание в ущерб мне.

После долгих уговоров мама согласилась привезти ко мне в гости младшую сестренку Ольгу. Приехали втроем — мать, ее младшая сестра Валентина и четырехлетняя Ольга. Я ужасно соскучилась по своей маленькой сестренке — ведь она была частичкой моей счастливой домашней жизни.

В день, когда они приехали, да еще с намерением остаться на ночь, я радостно визжала от избытка чувств, а когда в палату заходили няни или воспитатели, хвасталась — это моя сестренка Олечка! Ольга непонимающе таращила глаза, она и на меня-то непонимающе смотрела, маленькая еще, всё забыла.

Ближе к вечеру всех разогнали по койкам, а в ночь как раз заступила на дежурство Анна Степановна Левшина. И мать побежала с ней посплетничать и показать свою младшенькую. Тетя Валя тоже устремилась за ними. Ребяшня стала уже засыпать, когда они вернулись в палату. Мать держала Ольгу на руках, прижимала к себе, целовала и приговаривать, намеренно картавя:

— Ты моя холёсая! Ты моя сладенькая девочка!

Я выпучила глаза от удивления — никогда не видела мать такой. По крайней мере, меня она так никогда не ласкала.

— Кать, ты с малышкой ложись на свободную кровать, а Валя ляжет с Томкой, — распорядилась Анна Степановна, зашедшая в палату.

— Нет, мама ляжет со мной! — храбро воскликнула я.

— Не ори, ребятишек всех поднимешь на ноги! — рявкнула Лившина.

— Мама ляжет со мной, — повторила я звенящим от страха голосом.

— Тома, когда Ольга заснет, я к тебе приду. Мама придет к тебе, Томочка! — стали наперебой уговаривать меня мать и тетка.

Но я, что называется, «уперлась рогом», дивясь собственной смелости, а потом мы с Ольгой заревели дуэтом и, действительно, подняли всех на уши. Я чувствовала свою правоту, ведь Ольга жила с матерью дома, а я тут. К тому же мать спровоцировала меня на этот крик, тетешкая Ольгу при мне.

После этого Екатерина Ивановна больше не привозила сестрёнку ко мне. Привезла только, когда мне исполнилось восемнадцать лет, и нас с Ольгой уже ничего не связывало — стали чужими...

Прошли годы. Моя сестра Ольга вышла замуж за парня из Бийска, родила сына Димку. Иногда навещает меня, но когда приезжает, держится поодаль, словно боится коснуться, дотронуться, будто я заразна. Но, что касается заразы, то она серьезно заразилась от матери черствым и брезгливым отношением ко мне. И, словно в наказание, инвалидность в очередной раз коснулась семьи — после 14 лет брака муж Ольги стал инвалидом. Работал газосварщиком на верхотуре, крепёж под ним обвалился, он упал с 13-метровой высоты. Слава Богу, хоть ходит своими ногами, не сел в инвалидную коляску.

У нас с Ольгой разница в возрасте четыре года, мы могли бы стать подругами. Я же ее любила, и она со временем полюбила бы меня. Но мы не стали близкими, благодаря усилиям Екатерины Ивановны, построившей меду нами каменную стену, и обозначив нас как уродинку-обузу и любимую дочку. Бийск не так уж далеко от Новокузнецка, мы с Ольгой могли бы встречаться более душевно и переписываться. Особенно сейчас, когда есть электронная почта. Сестры ведь! Но не сложилось...

Через несколько лет после развода с отцом мать вышла замуж во второй раз. Новый муж признал Ольгу, а про меня мать даже не рассказала, будто меня и нет вовсе. Постыдилась признаться, что вдобавок к здоровой красивой дочери у нее имеется еще и дефектная-уродливая. Конечно, правда со временем всплыла наружу. К счастью, факт моего существования никак не отразился на материной семейной жизни, но то гнусное подлое сокрытие меня от мужа берedit мне душу и по сей день.

Пожар

Страшный 1965 год... Первые полгода протекли нормально. Учебные занятия шли с начального повторения, то есть все пришлось повторять заново. Я же в первый год обучения немного путала мягкий знак с твердым, но во второй уже прочно запомнила, как пишется твердый, а как мягкий.

В мае занятия закончились, стало тепло. Воспитатели облегченно вздохнули — теперь все смогут бывать на свежем воздухе. Ходячие смогут гулять на речку Бачатку и купаться, а колясочников можно будет сажать либо под тополем, либо в прохладных сенях.

Середина лета была сухая, без дождей. С самого утра нас выносили на улицу, а в тот ничем не приметный день меня взяла с собой погулять одна девчонка, сейчас не припомню имени. Она, подхватив меня под руки, увела за корпус, где — была не вытоптанная трава, и можно было сидеть на завалинке. Сначала мы сидели вдвоем, она мне что-то говорила, а я, занятая своими невеселыми думами, слушала ее вполуха, поддакивая. Потом к нам присоединились пацаны и завели разговор. Я поначалу не вслушивалась и, только когда слово «пожар» влетело в мои уши, повернула к ним голову. У нас был безобидный парнишка Саня Смоличенко, он-то и говорил о каком-то пожаре.

— Санька, где пожар? — поинтересовалась я.

— Вот здеееся будет гореть, — невнятно проговорил он, показывая на окно туалета.

— Ты что мелешь? — возмутилась я и уставилась на указываемое окно. — Как тут будет гореть? Тут же сразу увидят.

— А вот будет! — прогнусавил он и ушел.

Я ту же забыла про этот малоосмысленный разговор, а через день, где-то под вечер, когда мы сидели в сенцах, спасаясь от жары, я услышала суматоху, поднимающуюся в корпусе.

— Ох, горим, горим, девки! — кричали няни и воспитательницы, вбегая в сенцы.

Нас выдернули из колясок и унесли на большое крыльцо нового каменного корпуса, но даже после этого я не вспомнила про Санькино предсказание пожара.

Просидели мы на крыльце недолго, и к ужину нас водворили на свои места. Няня, кормившая ужином, поведала, что в туалете задымился угол подоконника, но его быстренько затушили. И тут я ничего не вспомнила! Будто кто стер в моей памяти разговор о предстоящем пожаре.

В ночь пришли дежурить няни Анна Степановна Лившина и тетя Аня Фудина, на руках которой я в буквальном смысле выросла, даже называла ее бабой, хотя та по возрасту в бабы не годилась — слишком молода. Мы стали наперебой выдавать свои версии происшествя в туалете.

Ближе к десяти часам всех разогнали по койкам, корпус затих. А в два часа ночи девочка из старшей палаты, что по соседству с нашей, пошла в туалет, находившийся в конце коридора и, открыв дверь, заорала нечеловеческим голосом. Туалет и кусок примыкавшей к нему игровой комнаты были объаты огнём.

На ее крик прибежала Лившина, увидев, что дело нешуточное, отправила девчонку поднимать всех в палате, чтобы выбегали на улицу. Вторая нянечка, тетя Аня, побежала в «слабый корпус», звонить пожарным. Лившина начала всех выгонять на улицу.

Вы только представьте себе, что такое поднять в два часа ночи сонных ребятишек-инвалидов! К тому же у нас было два выхода на улицу и получалось, что она их в одну дверь выгоняет, а они в другую забегают обратно. Неразумные напуганные дети.

Я спала сладким сном, и вдруг как будто меня кто-то толкнул, почувствовала, что в палате что-то не так. Открыв глаза, увидела, что горит свет. Прислушалась — из коридора доносятся крики. Через минуту в палату заглянула Анна Степановна Лившина и скомандовала, чтобы все выбегали на улицу.

— Дом горит! Все на улицу! — выкрикнула она.

— Анна Степановна, вынесите меня, пожалуйста! — попросила я жалобно.

Лившина остановила на мне равнодушный взгляд, а потом отвернулась и скрылась в коридоре. В палате уже никого не осталось, все выскочили, и только одна взрослая девчонка еще медлила, что-то разыскивая, кстати, ее тоже звали Томой. Я поняла, вот Тома сейчас уйдет из палаты, я останусь одна и сгорю. Поняла, что Лившина оставила меня умирать...

— Том! Возьми меня, пожалуйста, — выдавила я умоляющим голосом.

Было очень страшно — потому что эту Тому не всегда можно было уговорить помочь. Но тут она безропотно взяла меня на руки и вынесла на улицу.

Нас собрали на полянке возле конторы. Все были в трусах и майках. Ночь, хоть и июль, а прохладно. И непонятно, от чего больше стучали зубы, от страха или от холода. Под утро стало совсем холодно. Я сидела и смотрела на пламя, плясавшее на крыше нашего корпуса. И на полянке, озаренной пожаром, было светло как днем.

Ближайший населенный пункт от нашего детдома — мордовский поселок. Как мордовцы попали в Кузбасс — не знаю. Может, сослали в сталинские времена, а может, приехали добровольно по призыву на работу. Поселок существовал давно, и несколько человек оттуда работали в нашем детдоме. И, несмотря на ночь, они сразу, как увидели пламя и услышали крики, прибежали к нам. А зарево пожара было далеко видно. Вскоре приехали две пожарные машины, а потом запросили третью.

В восемь часов утра нас загнали и затащили в клубную комнату административного корпуса. В это время спешно убрали из соседних комнат бухгалтерию и освобождали кабинет директора, чтобы разместить детей. Со склада принесли матрасы, раскидали по полу, и мы, испереживавшиеся и обессиленные повалились на них.

Но я так и не смогла заснуть, закрывала глаза и тут же вскакивала, всё казалось, что у меня тлеет угол матраса. В очередной раз подпрыгнув, я открыла глаза. Передо мной стояла воспитательница.

— Тома, ты чего не спишь? — спросила она.

— У меня матрас горит, — пожаловалась я.

— Где? — испугалась воспитательница. Внимательно осмотрев матрас, она догадалась, что меня мучают кошмары из-за потрясения. — Спи, у тебя нигде ничего не горит, — успокоила она и ушла.

А я долго лежала с открытыми глазами, и вот тут-то вспомнила Санькины пророческие слова. В окнах плясали отблески пожара, шумели пожарные машины, а я лежала и думала над Санькиными словами. Ведь он же точно показал на окно в туалете! Откуда он узнал про пожар? Если бы он был ясновидящим, то бы мог и другие вещи предсказать, однако ничего подобного ни разу не выявил. Вероятнее всего, пацанов кто-то подбивал на поджог. В то время директора в детдоме уже не было, должность по очереди занимали какие-то два мужика, которых выгнали. Причем последнего за полмесяца до этого пожара. Место директора временно замещал завхоз, и со дня на день должен был приехать новый директор. Но как я ни напрягала свои детские мозги, ни до чего не додумалась.

Утром разбудили голоса. Я открыла глаза и увидела, что ребятня облепила окно, выходящее в сторону пожара и что-то бурно обсуждала. Нам, колясочникам, принесли завтрак, а ходячих повели в столовую, которую на скорую руку устроили через комнату от нас. Есть я не могла, только выпила чай. Через несколько минут стали возвращаться из столовой девчонки. Я попросила одну из них, Валю, поднять меня, чтоб посмотреть в окно. Перед моими глазами предстал пылающий барак, из окон валил черный дым. Перед ним стояли пожарные машины, скорая помощь, а на земле возле дороги лежало что-то, закрытое белыми простынями. Я спросила:

— А что это такое под простынями?

— Это сгоревшие пацаны, — возбужденно ответила Валя, крепко держа меня.

— Кто? — я застыла от ужаса.

— Вадим, который сабли делал из палок и золотинок от конфет. И еще другие... — в Валиных глазах были слезы. — В той палате все пацаны сгорели.

— Но я же видела Вовку и Витьку из ихней палаты. И Вадик вроде бы был с ними... — сказала я неуверенно. Вчера на поляне я точно видела, как Вовка радостно плясал на траве и орал: «Ура, мама, пожар!».

Валя в ответ пожала плечами. Да и откуда она могла знать наверняка, кто погиб, а кто уцелел.

Вадим, Вадик — новенький, его совсем недавно привезли. Этот мальчик не был похож ни на кого из наших, на вид совершенно здоровый, руки-ноги нормальные и говорил чисто, только больше молчал. Почему его сдали в детдом, да еще специализированный? Мы знали, что у него не было матери. И, видимо, мачеха постаралась избавиться от пасынка, отправить его куда подальше. И получилось, что отправила далеко-далеко — туда, откуда не возвращаются...

После завтрака со склада стали приносить новые койки, и я старалась никому не мешать и не надоедала вопросами. Но когда новые спальни уже оборудовали, выбрала момент и рассказала воспитательнице Нине Павловне Камаевой про Санькины предсказания.

— Не болтай, что попало, иначе отправим в «слабый» корпус, — прошипела Нина Павловна.

На третьи сутки после пожара все еще чадившие бревна от сгоревшего корпуса раскатали бульдозером, чтобы не тлели. Как только пожарные уехали, ребята помчалась на пепелище и притащила оттуда мою обгоревшую коляску.

Через неделю прибыла бригада строителей, и началось строительство нового здания для нас. А Саньку, продолжавшего болтать лишнее про пожар, в спешном порядке отправили во взрослый мужской психоневрологический интернат в Чугунаше. Так что можно было не бояться откровений Саньки с другого конца Кемеровской области.

Сгоревших пацанов было шестеро, все из одной палаты. Оттуда спаслись только самые старшие и крепкие — Вовка и Витька. Был в той палате мальчик, который, невзирая на запрет, курил. На него всё и свалили. Только как-то не вяжется — курящий пацан поджег в туалете окно и преспокойно отправился спать, чтобы погибнуть в огне?

В отчёте следственной группы написали, что пожар произошел из-за неосторожного обращения с папиросой невменяемого подростка. Дело быстренько замаяли, а нянечек оправдали тем, что их было в ту ночь всего лишь двое на весь детдом и невозможно вдвоем спасти всех детей. А потом — нигде и никогда — ни гу-гу про тот пожар. Будто не детдом сгорел, а бесхозный шалаш, и будто в пламени погибли не шестеро детей, а ничейный инвентарь.

Что касается няни Лившиной, намеренно оставившей меня на верную гибель в огне, то в её понимании я была бесполезным балластом — не работала, не мыла полы, да еще сама нуждалась в уходе. Зачем меня спасать?

Всплыл в памяти еще один рвущий душу эпизод. Однажды мы сидели в игровой. Воспитательницы не было, только Лившина. В какой-то момент, слушая детские смешилки, я громче всех засмеялась. И тогда Лившина сразила меня фразой:

— Вот Черемнова вырастет, и ее отправят в Кедровку, и будет она там жить до самой своей смерти!

В Кедровке находился психоневрологический интернат, все знали, что это гиблое место. Прибитая безрадостной перспективой, я надолго замолчала. А в голове стучал один-единственный вопрос: неужели моя мама Екатерина Ивановна допустит, чтобы меня навеки отправили в Кедровку, как безнадежную?

После пожара

Мы понемногу отошли от потрясения, связанного с пожаром и гибелью мальчиков, жизнь потекла своим чередом. Утром няни вставали и открывали двери, чтобы проветрить помещение. Духота, большая скученность в небольшом помещении, это можно понять. Но, когда ты спишь под простыней вместо одеяла, которых на складе не оказалось в запасе, то стучишь зубами от холода. А уж когда распахивают двери и врывается сквозняк из коридора... Эти ощущения останутся на всю жизнь, дрожь и унижение пробирают при одном воспоминании.

После того, как пожарники вытащили из горевшего корпуса мертвые тела сгоревших ребятшек, родственникам выслали скорбные приглашения, чтобы приехали попрощаться с погибшими. Но приехали лишь к двоим, у остальных никого не оказалось. Удивительно, но тело Вадика мачеха увезла домой, чтобы похоронить пасынка по-семейному, хотя администрация детдома на этом не настаивала. Остальных похоронили за казенный счет на том самом детдомовском кладбище.

Мою мать известили о пожаре и попросили привезти ватное одеяло, чтобы обшить мою обгоревшую коляску. Она приехала только через полтора месяца в сентябре. Вручила мне коробку с леденцами и журнал «Веселые картинки», который выписывала для Ольги, и пошла, как всегда, поболтать с нянечками, спешившими поделиться с ней впечатлениями от случившегося пожара. Спустя годы нашлись сердобольные работницы, передавшие ее слова, относящиеся ко мне:

— Лучше бы и она сгорела!

Я не сержусь на нее за эту фразу. Во-первых, мало ли что ляпнет сгоряча эмоциональная женщина, а во-вторых, подтекстом было «лучше бы она отмучалась». Да я и сама, когда подросла, частенько прокручивала в голове ту же мысль — ну почему я тогда не сгорела? Зачем продолжаю жить, если вся жизнь будет убогой, ненужной и всем в тягость? У девчонок, что обитают со мной по соседству, есть хоть какая-то надежда выкарабкаться, они физически более-менее здоровы. А я? На что мне надеяться?

Задолго до слов «лучше бы она сгорела», я понимала, что никому из родичей не нужна, даже родной матери. Острее всего я почувствовала это после ее очередного приезда, она тогда осталась ночевать в нашей палате.

Возле меня в дни материнского приезда крутилась девчонка Ритка, у которой родителей не было вообще. Мать уже легла, когда я попросилась в туалет.

— Сноси Тому пописать, — попросила мать Ритку.

Та согласилась, поискала ночной горшок и, не найдя его, понесла меня на улицу — я же была совсем легонькая.

— Том, а у твоей матери теперь есть муж? — по дороге в туалет спросила Ритка, страсть как любившая разговоры про мужчин.

— Не знаю... — ответила я и впервые задумалась.

А действительно, если мать развелась с моим отцом, так вполне может выйти замуж за кого-нибудь другого.

— Спроси у матери, ходит она с ним на танцы? — не унималась Ритка.

Водворив меня на место, Ритка встала возле койки и стала ждать разговора с матерью про мужа. Я стеснялась спрашивать мать про ее личную жизнь, но под незримым давлением Ритки все же спросила:

— Мам, а у тебя есть муж?

— Есть! — немного помолчав, ответила она, не открывая глаз.

— А вы с ним ходите на танцы? — беззастенчиво встряла в наш разговор Ритка.

— А как же? Ходим, конечно, — призналась мать.

Я почувствовала, что мою душу будто чем-то тяжелым придавили, и после ее отъезда снова начала беспричинно плакать время от времени. Сижу, вроде никто ничего дурного не сказала, а я начинаю реветь. Даже воспитатели отметили: что-то Томочка часто плачет. Слава богу, не требовали объяснений. Я же не желала открывать причину слез — мне тут так плохо, а у моей матери уже новый муж, с которым она беспечно ходит на танцы!

Приехал новый директор — Виль Михайлович Бикмаев, который будет руководить детдомом до моего отъезда. С его вступлением в должность жизнь понемногу улучшилась. Стали вкуснее кормить, наряднее одевать, наладили быт и даже организовали передвижную библиотеку.

Благодаря директору наш детдом вошёл в число образцовых и занял второе место по Кемеровской области. И нам даже закупили школьные формы. Смешно — школьные формы без школьного образования!

Мои первые книги

С приходом зимы, в ноябре 1965-го, воспитатели постарались возобновить прерванные занятия, невзирая на отсутствие условий — игровые-то сгорели. Мы рассаживались прямо в палатах, в проходе между койками. Нам нарезали наглядные пособия в виде бумажных цифр и букв, и при помощи таких нехитрых приспособлений учили счету и письму. «В тесноте, да не в обиде» — шутили воспитатели. Все бы хорошо, да только опять начали учить с самого начала!

Этому очередному повтору была причина. Старших ребят отправили во взрослые ПНИ — девушек в Кедровку, парней в Чугунаш. Ох, и невеселые места, особенно Кедровка, однако отправляли с добрыми напутствиями и наилучшими пожеланиями. А к нам из Кемеровского сборного детдома привезли новеньких — моих ровесников и с нулевой подготовкой. Стало тяжело без помогавших мне взрослых девушек, но радовало, что детдом пополнился новенькими. Хотя огорчало, что эти новенькие были несведущи ни в грамоте, ни в арифметике.

На занятиях по устному счету я однажды поймала себя на том, что с трудом вспоминаю, какая цифра идет после пятнадцати. Хотя в шестилетнем возрасте, живя еще дома, прекрасно считала до двадцати. Стало страшно от мысли, что я становлюсь такой bestолковой и плохо соображающей.

Однако литературная память у меня была отличная, стоило воспитателю прочитать какую-нибудь детскую книжку, написанную в стихах, и я эту книгу могла продекламировать без запинки от корки до корки, не заглядывая в нее. Всех это удивляло, меня хвалили и называли умницей. Я упивалась успехом и готова была на новые подвиги в учебе, но их от меня никто не требовал.

Но один случай перевернул мою дальнейшую жизнь. Как-то после конца занятий, когда дети разбежались кто куда, оставив меня одну в палате, я заметила забытую на моей постели потрепанную книгу. Взгляд зацепился за красные буквы названия на обложке. Я подтянула книгу к себе и прочла по складам: «За фронтом — фронт». А внизу — А.М. Садиленко. Сообразила, что это имя автора. От скуки открыла книгу, начала складывать буквы в слова, попала на диалог героев, и мне это показалось удивительным — будто разговаривают два человека, и все это на одном листке написано

и так понятно. Ведь нам никто еще не объяснял, что на бумаге можно писать диалоги, монологи, описывать природу, и т. д. Я прочла впервые в жизни сразу, не отрываясь, пять страничек. После чего подняла голову и изумилась, как же быстро пролетело время, уже готовятся разносить обед. И мучившей меня скуки как не бывало!

Но мне не дали дочитать, вскоре книгу у меня отобрал Васька, пацан на коляске, когда я ему стала хвалиться, захлебываясь от восторга, что читаю интересную книгу о войне.

— Дай посмоооттреть! — заикаясь, попросил он.

Я, не подозревая худого, попросила девочку передать ему книгу. А к вечеру послала ту же девочку забрать книгу обратно, но Васька не пожелал возвращать.

— Сам ее буду читать! — заорал он, выпучив глаза.

Я чуть не заплакала от досады, так хотелось узнать: что же там еще написано? В это время мимо проходила воспитательница.

— Нина Павловна, у меня Васька книгу про войну забрал и не отдает! — пожаловалась я.

— Вася мальчик, ему надо читать военные книжки, — поучительным тоном ответила Нина Павловна. — Пусть сначала он прочитает, а потом даст тебе.

Васька в это время ехидно улыбался. Но когда через три дня я спросила у Васьки про книгу, он нагло заявил:

— А я ее отдал — не помню кому. Плохая книжка.

— Но там же так интересно написано, — чуть не плача, возмутилась я. — Сам не стал читать и мне не дал!

— Ты еще мала, чтоб такие книжки читать, — нахально изрек Васька, вытягиваясь в коляске.

Ночами, когда не спалось, я вспоминала ту загадочную книгу и тихо вздыхала. Я бы сумела разыскать ее в детдомовских палатах, если бы могла передвигаться самостоятельно, если бы ходила ногами...

Забегая вперед, скажу, что где-то через пару лет кто-то из ребят принес мне ее, уже совсем ветхую, зачитанную до дыр, но все страницы, к счастью, были целы. Я к тому времени уже читала без запинок и быстро проглотила «За фронтом — фронт» Алексея Садиленко от корки до корки.

Символично, что первой книгой, которую я взяла в руки, была именно «За фронтом — фронт». Ведь моя жизнь была сплошным фронтом, вечной ареной военных действий, обороной и наступлением, отражением атак и укреплением тылов, войной за мое полноценное существование, насколько это возможно при ДЦП.

Спустя три месяца после истории с книгой мать привезла донельзя истрепанный учебник «Родная речь». Кто-то из родственников закончил четвертый класс, учебник стал не нужен, но его неприлично было «передать по наследству», слишком изодран. Все страницы существовали по отдельности, а твердая обложка была настолько обшарпана, что картинка «Три богатыря» Васнецова еле виднелась. А детдомовской инвалидке и драный сгодится. После отъезда матери, я открыла учебник наугад и прочла:

Уж побледнел закат румяный

Над усыпленную землей,

Дымятся синие туманы,

И всходит месяц молодой.

И в моих ушах вдруг зазвучала прекрасная музыка слов. Казалось бы, обычные слова, но как красиво и таинственно они звучат! Я стала читать дальше. Благодаря неумемному воображению прочитанное переливалось в моей головке божественными красками. Я сидела, согнувшись над стареньким учебником в три погибели, лишь бы разобрать еще хоть одну строчку в наступивших сумерках.

— Тома! Тебе что, плохо? — спросила зашедшая нянечка в палату.

Я даже не сразу вникла в смысл заданного мне вопроса.

— Тома, ну-ка подними голову, — приказала она уже сердито.

Я подняла голову, увидела сумерки в палате и стоящую передо мной нянечку.

— Нет, тетя Поля, мне вовсе не плохо, — ответила я.

— Тогда почему сидишь, согнувшись? — спросила она. — Помочь тебе лечь?

— Я читала, — важно ответила я.

— Ну-ка, ложись, читательница! Завтра будет светло, и хоть целый день читай свою книжку, — беззлобно проворчала она, укладывая меня.

— Положите, пожалуйста, книжку мне под подушку, — попросила я.

— Успокойся, под подушкой она, спи давай. — И накрыв меня одеялом, тетя Поля ушла.

А я в тот незабываемый вечер засыпала счастливой от того, что у меня под подушкой лежит волшебная книжка, и эта книжка моя собственная, и что ее не надо будет никому отдавать.

Годы спустя я ретроспективно порадовалась, что первыми стихотворными строками, попавшимися мне на глаза, были строки из «Руслана и Людмилы» Пушкина.

Робко, но уверенно протекало начало моего знакомства с мировой литературой, с которого, по сути, и началось формирование моей личности. Именно литература впоследствии поможет мне выстоять, не согнуться, не потерять человеческого достоинства. Именно книги наполняют мою жизнь смыслом.

А по номерам книжных страниц я со временем научилась считать сначала до ста, потом по нескольку сотен. А в уме до миллиона. Вот таким «книжным» образом я и восстановила забытый из-за отсутствия практики счет, и усовершенствовала свои математические навыки.

Зовущие облака

Ватное одеяло, которым обшили мою обгоревшую при пожаре коляску, в скором времени порвалось, железный остов пришел в полную негодность, и жалкое средство передвижения пришлось выбросить. Заботливые ребята притащили младенческую коляску, которую, видимо, позаимствовали без спросу, потому что через три дня за ней пришла хозяйка, и коляску пришлось вернуть. А я надолго осталось без коляски и возможности сидеть с опорой. Меня теперь кормили в лежачем положении, усаживать и

прислонять к чему-либо было слишком хлопотно, а сама я спину не держала. Жидкая еда стекала на подушку, на белье, противно затекала под спину, особенно, когда няни небрежно держали тарелку и кое-как подносили ложку.

Когда я впоследствии рассказывала про этот период своей невеселой жизни, раздавались вопросы:

— Почему тебя кормили лежа? А почему не могли усадить с опорой и кормить сидя? Тем более что ты умела садиться самостоятельно.

Поясню. Чтобы я устойчиво сидела на койке, надо было подложить мне под спину три-четыре подушки, они у нас были жиденькие, плоские. А где взять дополнительные подушки? Лишних не имелось. Можно было на время просить у моих соседок по палате, но те сразу бы возмутились и раскричались, я же могу их запачкать. Да и подкладывать под меня подушки на каждый завтрак, обед и ужин, потом убирать и возвращать владелицам, требовало усилий, а няням неохота со мной возиться.

Однако вопросы не стихали:

— А почему твоя мама не могла привезти тебе коляску — пусть не новую, а какую-нибудь из-под выросшего ребенка? Ведь ты же сидела не в специальной инвалидной, а в обычной детской прогулочной коляске? Неужели она не могла купить подержанную коляску? Это же недорого! Или попросить у тех, кому она уже не нужна? То, что ребята притащили младенческую коляску, это трогательно, но почему этого не сделали взрослые? Почему кто-нибудь из персонала не раздобыл тебе хоть какую старенькую коляску? Или тогда в Кузбассе детские коляски были в дефиците?

А вот на эти вопросы я затрудняюсь ответить. Вероятно, всем было наплевать на никому не нужную и всем осточертевшую калеку-уродинку, требующую индивидуального ухода...

Справедливости ради отмечу, что сотрудницы детдома обращались к моей матери с требованием обеспечить коляску для меня. Но та парировала: «А Черемнов почему не сделает ей коляску?». И отсылала к моему отцу.

Мое «лежачее» житие продолжалось долго, очень долго, больше полутора лет. И учебные занятия в детдоме заглохли — месяц проведут и бросят. Так что мне оставалось только читать и размышлять.

Часто, недвижно лежа на постели, я с тоской смотрела в окно. С кровати можно было увидеть лишь небо да плывущие облака. Я наблюдала за ними и чуточку им завидовала. Облака равнодушно плыли за окном, ни за что не цепляясь...

Как же мне хотелось очутиться на вольном облаке и уплыть из детдома! Куда? Да хоть куда, лишь бы больше не видеть этих опостылевших стен. А облакам с высоты было не различить крохотного местечка, где стоит Бачатский детдом для несчастных детей-инвалидов. Они знай себе плыли, не догадываясь, какой тоской наполняют мне душу и все зовут, зовут за собой...

Эпидемия дизентерии

Сентябрь 1967 года. Антисанитария и пребывание в тесном помещении дали свои горькие плоды — в детдоме вспыхнула дизентерия. Ночью у меня жутко разболелся живот. В ту ночную смену, к счастью, дежурила тетя Аня Фудина. Будь то А.С.Лившина, мне бы пришлось совсем туго. Я не одна в ту ночь маялась животом: еще у одного пацана и у ходячей девочки случилась та же беда. Утром нас троих

изолировали в другое помещение, отдельно стоящий домик возле детдомовской ограды. Нянечки приносили нам туда еду, сажали на горшок, поправляли постель и возвращались в корпус.

Я целыми днями лежала на койке. Иногда ходячая девчонка Надька сажала меня на деревянное крылечко и тут же убегала. Но было совсем не страшно одной, наоборот, я как-то встряхнулась и будто зажила новой интересной жизнью.

В первые дни изоляции нас проверяли врачи, приехавшие из поселковой больницы, назначали лекарства. Но быстро ретировались, видимо, боялись заразиться. Они каждую неделю брали пробы на анализ, но остановить эпидемию не удалось. Вскоре у половины детдомовских обнаружилась дизентерия, и пришлось оборудовать еще несколько изоляторов. К этому времени сдали новый корпус, возведенный после пожара, но не всех туда сразу перевели, больные остались в изоляторах.

Мое лечение подходило к концу, но тут прицепилась новая зараза — повторная чесотка. Но, слава Богу, чешущиеся пятна выступили только на животе. Да и чесотка ли то была? Нечто подобное я видела в Прокопьевском ПНИ, когда меня туда перевели, — такое могло произойти от нехватки витаминов, от общей ослабленности организма. Так тех девушек в Прокопьевском ПНИ со схожими симптомами мазали мазью, облучали кварцем и давали таблетки, чего в нашем детдоме не было и в помине.

О Господи, что же за детский дом у нас был? Ни удобств, ни условий, ни санитарно-гигиенических норм, ни нормальной еды, ни своевременной медицинской помощи, ни толкового лечения, ни противопожарной безопасности! Я уж молчу про черствость и равнодушные...

Недельки через две болеющих дизентерией объединили в один изолятор. То есть тех, кто не болел, заселили в новый открывшийся корпус, а нас оставили долечиваться на старом месте. Вечером в окна нового корпуса зажегся свет, и мне было отчетливо видно, как девчонки прыгают по кроватям. Создавалось впечатление, что им там до чертиков весело, а на самом деле их гоняли няни, чтобы они побыстрее определялись со своими местами.

В наш изолятор забежала тетя Аня Фудина:

— Ой, Тома! Там не корпус, а дворец! Светло, просторно, чисто, есть душ. Станем теперь тебя часто купать, и ты больше не будешь чесаться.

Новый корпус

Перевели нас, переболевших дизентерией, в новый чудо-корпус, когда все окончательно выздоровели. Мы еле-еле дождались этого радостного момента. И самое яркое воспоминание — как меня посадили под душ. Плескалась и хлюпалась там от души.

Одно огорчало: нас поселили на втором этаже, а на первом разместили ребят из «слабого» корпуса. В то время были большие поступления новеньких с большими отклонениями от нормы и с выраженной умственной отсталостью. А со второго этажа меня кто-то должен был таскать на улицу и после прогулки поднимать по лестнице обратно. Так и таскали до самого моего отъезда из детдома: то кто-нибудь из пацанов на руках спускал-поднимал меня, то девчонки под руки тащили по лестнице.

А тётю Аню Фудину перевели от нас в «слабый» корпус. И я плакала от этой потери.

Едва открыли новый корпус, приехала очередная выездная бригада врачей, предыдущая приезжала еще в старый, сгоревший, барак (когда меня вывели к ним без трусов). А эта бригада приехала, когда мне шел двенадцатый год и одежду выдавали нормальную. В бригаде были терапевт, хирург и дерматолог. К сожалению, не было ни окулиста, ни невропатолога, ни психиатра — врачей, участие которых было чрезвычайно важным для больных нашего типа.

Терапевт осмотрела меня, сделала назначение, и я ошалела от счастья — она со мной разговаривала по-дружески и как со взрослой. До этого врачи не вступали с нами в беседы — общались только с персоналом.

— Я тебе назначу витаминные укольчики, и ты будешь чувствовать себя получше, — пообещала она.

После отъезда врачей я три дня ждала этих уколов витаминов, а на четвертый спросила про них медсестру.

— Какие еще уколы витаминов? — округлила та глаза. — Вам дают на полдник витаминки, и хватит.

А через несколько лет, добравшись до своей истории болезни, прочту запись того года — «девочка здорова, чувствует себя хорошо, получает...» и далее числятся уколы витаминов группы В, которые я так и не получила.

Радость проживания в новом корпусе омрачил очередной инцидент с Лившиной. Вечером после уборки ко мне подошла Людка, взрослеющая деваха из нашей же палаты. Она взялась ухаживать за мной и сегодня днем пообещала искупать под душем.

— Мне Аннушка (так по-дружески она называла Лившину) разрешила после уборки помыться в душе, — сообщила Людка.

— А мне, наверно, не разрешит, — засомневалась я.

— Я поговорю с ней, может, разрешит — обнадежила Людка и убежала в коридор. А я стала прислушиваться к ее разговору с Лившиной.

— Аннушка, там Томка просится помыться под душем, я ее пообещала сегодня помыть, — услышала я Людкин голос.

— Она что, сегодня в шахте работала, что ей надо в душ? — съехидничала Лившина и не разрешила.

Я лежала на постели и гадала: ну почему мне нельзя сейчас помыться в душе? Ведь у меня в жизни так мало простого бытового удовольствия! Ведь с точки зрения гигиены, человек должен каждый вечер принимать душ, к тому же я столько страдала кожными заболеваниями именно из-за того, что долго не мылась. И, к сожалению, не у одной Лившиной были столь странные воззрения в области санитарии...

Два месяца спустя к нам пришла работать новенькая медсестра Елена Петровна, после окончания медицинского училища. Однажды, приняв нас у воспитателей, отдежуривших смену и отправившихся по домам, и покормив обедом, она милостиво разрешила старшей группе в «мертвый час» посмотреть телевизор. Были праздничные новогодние дни — наступил 1968-й. По телевизору как раз должна была идти музыкальная передача, которую я обожала. Так вот, сижу на полу и терпеливо жду, когда меня доставят к телевизору, девчонки о чем-то шепчутся, я их не тороплю. Заходит наша благодетельница и, малокультурно ткнув пальцем в мою сторону, командует:

— А эту отнесите спать!

Девчонки вступились за меня:

— Это Тома, она все понимает, пусть посмотрит телевизор.

Но Елена Петровна подхватила меня со спины под руки, причинив боль, приказала взять меня за ноги, вот таким изуверским способом притащила на кровать и, положив лицом вниз, ушла. Я, покряхтев, все же перевернулась на спину. У меня даже не возникло желания заплакать. Я просто пыталась переварить содеянное и искала слова, каковыми можно было все это объяснить. Но возможно ли в принципе это хоть как-то объяснить? Я тогда поняла лишь одно — у меня появился еще один недоброжелатель.

К весне 1968 года подросли волосенки на голове, и девчонки стали завязывать мне бантики. При виде этого невинного занятия у Елены Петровны почему-то возникло острое желание обкорнать меня как можно короче. Однажды, увидев меня в коридоре с бантиками, она ни с того ни с сего заявила во всеуслышание:

— Черемнову надо срочно обстричь!

Все, кто был в коридоре, с удивлением обернулись на меня. Я потупилась и опустила взгляд: ну зачем же, у меня же только-только начали отрастать волосы, я тоже хочу чувствовать себя девочкой, а не мальчиком... Елену Петровну никто не поддержал, и она не стала повторять своего требования остричь.

Но я боялась попадаться ей на глаза — как ее смена, так обязательно раздастся громогласное «Черемнову надо обстричь». Я не выдержала и рассказала воспитателю Людмиле Васильевне Суходольцевой. У персонала как раз в тот день намечалось собрание, и она вынесла мой вопрос на повестку дня, саркастически спросив всех работников:

— Надо ли обстригать Черемнову?

Все засмеялись — постановка вопроса идиотская. Вот уж воистину «быть или не быть?». Но тут, погасив улыбку, встал директор Виль Михайлович:

— Тамара уже большая девочка и сама решит, какую прическу ей делать. Оставьте Черемнову в покое, ведь волосики для нее единственная радость...

Сотрудницы с удовольствием рассказали мне про то собрание в подробностях и не без злорадства — многие не любили Елену Петровну. После директорского заступничества посрамленная Елена Петровна не повторяла своих нападок.

Зато потом, когда она поехала сопровождать нас в Прокопьевский ПНИ, отыгралась. Когда нас из машины перенесли в приемный покой, Елена Петровна во всеуслышание заявила:

— Вот *эта* пишет стихи, но стихи слабенькие, никуда не годятся!

Я пыталась найти ответ — почему ко мне так относятся некоторые сотрудники? Я же никому не делаю ничего дурного и лишней раз стараюсь не беспокоить. Да, со мной много хлопот — надо помогать с одеванием, умыванием, туалетом, кормлением. Так я же не единственная, кто нуждается в помощи. И все-все, что в состоянии делать самостоятельно, делаю сама и зову на помощь только в тех случаях, когда самой ну никак не справиться. Я вызываю отвращение? Да, меня часто трясет, спастика и гиперкинезы производят на окружающих удручающее впечатление. Да еще косоглазие — собеседнику неприятно, если смотрят не на него, а в сторону. Но ведь это все — не моя вина, а моя беда! Почему же это вызывает не сочувствие, а отвращение? Долго я ломала голову над этими вопросами, но так и не нашла точного и исчерпывающего ответа...

Негативное отношение персонала было не самым большим горем. Куда больше горестей вызвало отсутствие инвалидных колясок. А такая коляска нужна мне как воздух! Ведь большую часть времени я проводила на кровати.

После того, как я пролежала без коляски более полутора лет, сердобольная воспитательница Зинаида Степановна разыскала на местной помойке более-менее сносный остов от инвалидной коляски. Это был только «скелет», колеса отсутствовали, вместо сидения она прикрепила дощечку, а к остатку спинки приладила подушку. Вот в такой помойно-самодельной коляске я и сидела. Это сооружение было настолько неудобным — напрягало спину, затекали ноги, — что большую часть времени я все равно проводила в кровати.

В 1968 году у нас в детдоме появились первые инвалидные кресла-коляски заводского изготовления, аккуратной и красивой конструкции. Мне досталась желтенькая, с красным мягким сидением, с такой же спинкой и подлокотниками. Я была счастлива и чуть не запрыгала от радости. Коляска была механическая, рассчитанная на ручное управление — на больших колесах крепились обода для рук. Но я со своей единственной немного работающей рукой плохо управлялась с ней. По корпусу еще туда-сюда, а на улице возили друзья-товарищи, в обязанности персонала это не входило.

Сидеть в коляске было удобно и эстетично, ощущение — будто в роскошном новом платье. Но роскошество длилось недолго. Через три дня наша группа собралась на речку, прихватили и меня. Едва вывезли на дорогу, ведущую к реке, как у моей великолепной коляски вылезло из гнезда левое колесо вместе с осью. Ребята еле-еле дотащили меня с коляской обратно. Коляску починили, но выезжать за ворота я уже не решалась.

Позднее, в 1970-м, мой отец привез самодельную коляску, не такую красивую, зато надежную. И в этом же году мне выдали новую казенную коляску, так что я стала обладательницей уже двух колясок. Детдомовская ребятня уже их не ломала. Даже наоборот, повзрослевшие ребята подкачивали колеса, меняли ниппеля. И казенные коляски стали менять по мере изнашивания, так что я уже не оставалась без транспортного средства.

Загадка местопребывания

В моем многострадальном детстве и отрочестве, терпя все тычки и плевки от разных людей, я и не предполагала, что это безобидные цветочки, и что очень скоро судьба-злодейка попробует согнуть меня в бараний рог.

Я хорошо запомнила солнечный летний день 1969 года. Мне шел четырнадцатый год, подросток-девушка, даже какая-то миловидность появилась. Местные добряки отметили, что «Томка-то наша как расцвела» и особенно хвалили «бирюзовые глазщи», попутно поясняя, что молодая бирюза вот такая светло-голубая, а потом темнеет. И именно в это время, когда я несколько успокоилась по поводу своей внешности и даже с удовлетворением изучила себя в зеркале, судьба нанесла мне удар под дых. Почему-то всё самое плохое не обходилось без участия моей матери. И в тот день все произошло тоже с ее подачи. Мы с ней сидели на улице, она уже собиралась идти на станцию, к нам подошла медсестра, и они разговорилась.

— Умненькая у вас девочка, письма сама читает. Кабы здоровая, какая помощница была бы. И красотулька, на вас похожа, — рассыпалась в комплиментах медсестра. — Кажется, у нее полиомиелит? Не помню, что у нее записано в истории болезни.

— Нет, у нее умственная отсталость, — ответила мать, нисколечко не смущаясь того, что я сижу рядом, — и в истории болезни это записано.

— А... Вон оно что... — разочарованно протянула медсестра.

Солнце светило по-прежнему, но на меня будто опустилась тьма. Я даже не слышала, что еще говорила мать.

Я и до этого была необщительна и беседам предпочитала чтение, но с того момента замкнулась окончательно и стала цепенеть и зажиматься при виде воспитательниц. Почему воспитательниц? Потому что они составляли наши характеристики, а в характеристику обязательно заносили диагнозы из истории болезни. Я решила узнать, как и что вписывают воспитательницы в наши характеристики.

По натуре я паникерша, чуть что не так, начинаю паниковать, психовать, впадаю во внутреннюю истерику, а тут захотела спокойно проверить диагноз, заглянув в свою историю болезни. Потихоньку, конечно. Попросить напрямую невозможно, все равно бы не дали. Я выждала день, когда воспитатели обновляли наши характеристики. До неприятного разговора матери с медсестрой я не задумывалась о своей характеристике.

Когда всю нашу группу посадили в игровой комнате, и воспитательница раздала карандаши и бумагу для рисования, а сама села писать, я шепнула Любе Лабышевой, девушке, которая за мной ухаживала до самого моего отъезда из детдома, чтобы та незаметно принесла мне мою историю болезни. Пока воспитательница оформляла чью-то характеристику, Любка втихаря притащила папку с моей историей болезни.

Открыв папку, я опешила. Помимо пресловутого «необратимого поражения ЦНС», стоит диагноз «олигофрения в стадии дебильности» с воспитательским добавлением «примитивное мышление». Но с этим я смирилась, меня изумило другое — указание моего местопребывания. Я же великолепно помню, как меня в шестилетнем возрасте привезли в этот самый Бачатский детдом, а до этого жила в семье в Новокузнецке. Тогда почему в моей истории болезни на первой странице черным по белому выведено совершенно иное — Чугунашский детский дом?

Насколько мне известно, в Чугунаше есть взрослый мужской ПНИ. Даже если там имеется и детдом в придачу, то почему я живу не в нем, а здесь, в Бачатском, уже семь лет? Можно предположить что заполнявший эту графу ошибся, описался, ведь Чугунашский ПНИ в нашем обиходе фигурирует часто, туда отправляют подростков парней. Но ведь воспитатели, регулярно просматривающие историю болезни, не могли не заметить несоответствие, они же пролистывают первую страницу, когда заполняют характеристики. Или им все по фигу? Если они на неверные диагнозы относительно умственного развития смотрят сквозь пальцы, то какая разница, к какому детдому приписана Тома Черемнова?

Мне захотелось получить объяснение: почему, проживая в Бачатском, я числюсь в Чугунашском? Судьба давала в руки отличный шанс возмутиться. Но я сдрейфила, струсила, испугалась...

Читатели недоумевают: а чего испугалась-то? Взрослая барышня, без малого 14 лет, имеет право знать содержание своей истории болезни, тем более первой страницы. Подошла бы к воспитательнице, спросила бы в лоб: а почему я числюсь в Чугунашском детском доме? Да еще уточнила бы: а в Чугунаше хоть есть детдом или только мужской ПНИ? Да еще съязвила бы: или вы меня сразу приписали к мужскому ПНИ, как раньше дворянских отпрысков с малолетства записывали в военный полк?

Поясняю ситуацию. Я не осмеливалась допытывать воспитательниц по поводу их характеристик — после того разговора матери с медсестрой — потому, что страшилась своего будущего. Догадывалась, куда попаду после совершеннолетия со своими малоутешительными диагнозами...

Однажды, осмелев, я заикнулась персоналу о моих диагнозах и перспективах. Так меня чуть ли не пытали: откуда я знаю про диагнозы и планы в отношении меня? Если бы я выдала Любу, тайком принесшую мою папку с документами, её бы наказали. А наказывали девочек, даже уже взрослых, издевательски — раздевали до нижнего белья, забирали матрас, одеяло, оставляли простыню да подушку — лежи на голой сетке, пока не одумаешься. И Любу эта участь не миновала бы. Так что я помалкивала.

Официальное местопребывание Тома Черемновой так и осталось загадкой.

Я взрослою

В 1970 году в нашем детдоме построили еще один корпус, такой же, как выстроенный после пожара, в два этажа, сходной планировки, но, к сожалению, с бытовыми условиями похуже — туалеты, умывальники и душевые только на первом этаже. Нас, девчонок, поселили на втором этаже, где только палаты и игровые комнаты. У меня-то под койкой свой горшок, а бедным девчонкам приходилось бегать на первый этаж за всем, связанным с водой — и в туалет, и гигиену соблюсти, и даже воды попить.

С гигиеной — просто кошмар! Особенно в те проблемные женские дни, которые нынче деликатно именуют критическими. Гигиенических пакетов и ваты (современных впитывающих прокладок и тампаксов тогда и в помине не было) нам не выдавали, а вместо этого посылали в прачечную, где в качестве прокладок можно было получить выстиранные тряпочки. После использования по назначению воспитатели и нянечки заставляли их тут же выбрасывать, а прачки орали:

— Где мы вам столько тряпок наберем?

Тяжелее всех приходилось мне. Если кто-то из девчонок постирает мне тряпочки, то хорошо, но чаще их приходилось выкидывать и кланчить новые. Не приведи Господь вам, милые женщины, пережить такое унижение!

В том же 1970 году полностью обновился состав нашей группы, из старожилов остались лишь я да Вася. Завезли много ребят из вспомогательных школ, тех, что не справлялись с учебной программой, и продолжали с ними заниматься, примерно придерживаясь программы тех школ.

Тут-то мне и пригодилось то, что я по страницам книг самостоятельно научилась считать. Примеры с иксами и игреками у меня тоже не вызвали затруднений — та же арифметика, только надо найти спрятанные числа. Я легко справлялась. Воспитательница пишет на доске задание — я тут же следом за ней решаю. И, когда я в математическом рвении выдавала решение вслух, она меня одергивала:

— Тома, не подсказывай! Решай в уме.

Мне было тяжело от того, что я не могла писать руками, но в остальном ни в чем не уступала другим ученикам.

Однажды задали пример, когда из одного десятка в другой надо было перенести единицу, пример непростой, когда дело имеешь с несколькими десятками. Я подумала-подумала и решила его верно. Напротив меня сидела девочка, которой это было непонятно, хотя она закончила семь классов вспомогательной школы. А когда я ей объяснила по-своему, девочка справилась. Меня похвалили: «Ну ты, Тома, прям учительница!». И после этого случая частенько просили позаниматься с теми, кто «не тянул».

Читателям смешно читать про столь примитивные занятия математикой в 14–15 лет, но не забывайте, что дело происходило в *специализированном* детском доме. Если бы мне дали возможность учить математику в полном объеме нормальной школы! Но между мною и настоящей математикой воздвигли высоченную стену из моих диагнозов и оценок умственного развития...

Как-то мы с Васькой сидели на колясках в коридоре, и к нему подошла новенькая воспитательница Валентина Федоровна, совсем молоденькая девушка, тогда еще незамужняя.

— Ну что, Вася, прочитал книгу? — спросила она приветливо.

— Прочитал, спасибо, — бойко ответил Васька.

— Может, еще принести? — предложила Валентина Федоровна.

— Ну принесите, — согласился Васька.

— Такую же? Про любовь? — уточнила она.

Не успел Васька определиться с выбором, как встряла я:

— И мне тоже что-нибудь принесите почитать.

На следующий день девчонки передали мне от нее книгу Георгия Егорова «Солонаты, земля». Прекрасная книга самобытного алтайского писателя, серьезная и правдивая. Забегая вперед, скажу, что потом эту книгу несколько раз переиздавали, но ее продолжение «На земле живущим» на много лет положили под сукно из цензурных соображений и издали лишь в перестроечную эпоху.

С Валентиной Федоровной мы подружились, хотя открыто ничем этого не выказывали — зачем «дразнить гусей»? Я не входила в круг ее служебных обязанностей, она вела младшую группу, но регулярно забегала ко мне, интересовалась моими делами, приносила книги, и я была счастлива от ее внимания.

Благодаря ей я прочла книгу кузбасского писателя Владимира Ворошилова «Солнце продолжает светить» — о шахтере Сергее Томилове. Он ослеп после аварии в шахте, но нашел в себе силы жить дальше, адаптировался к своей незрячести и вернулся в рабочие ряды — стал директором общества слепых, обрел семью. Но это было «не про моё», про случаи подобные моему (ДЦП), книг еще не писали. Потом они появятся, например, замечательная книга Валерия Завьялова «И невозможное возможно», изданная в 1977 году. И книга «Белое на черном» Рубена Гальего, изданная в 2003 году, которая обрела широкую известность и даже была инсценирована.

В мое время героическим примером был Николай Островский, ослепший и обездвиженный человек, продолжавший трудиться и надиктовывать книги. Про него показывали фильм, и после просмотра последней серии со мной, уже вроде бы научившейся сдерживать эмоции, случилась такая истерика, что воспитательнице Нине Павловне пришлось вывезти меня из зала в коридор, чтобы я успокоилась.

Без книги в руках меня уже никто в детдоме не видел. Недатка в художественной литературе в детдоме не было. Помимо Валентины Федоровны, книги приносили сотрудники, родственники, к тому же директор Бикмаев организовал библиотеку-передвижку — нам доставляли книги из поселковой библиотеки. Так что воспитанники, включая прикованных к постели, могли выбрать книгу по своему вкусу. Позднее я узнала, что книги в советские детдома еще и дарили, в школах и в клубах собирали книги специально для детдомов, в книжных сборах принимали участие и взрослые и дети.

Ох уж эта моя страсть к чтению... Я даже ухитрялась читать по ночам, кровать стояла напротив стеклянной двери, через которую проникал свет из коридора. После таких ночных читок сильно болела голова, и её усугубляли переживания по поводу прочитанного. Вдобавок обострились гиперкинезы, и, когда в тихий час или ночью я начинала засыпать, то голова оттягивалась назад и принимала неестественное положение. Теперь-то я понимаю, что надо было срочно принимать меры, это можно было остановить и откорректировать. Но тогда никого из детдомовских работников это не волновало. А мне впоследствии откликнулось здорово — развилась спастическая кривошея, замучили боли в области шейных позвонков, ухудшилось зрение.

Наверное, многие думают: ну стоило ли так переживать по поводу диагноза? Подумаешь, липовый диагноз «олигофрения», сколько людей с подобным диагнозом, не соответствующим действительности, живут и так не убиваются! Я неоднократно слышала утешения типа «ну записана в твоей медицинской карте умственная отсталость, а на деле-то ты умница-разумница, вот и живи и пользуйся своими блестящими мозгами».

Конечно, можно проигнорировать неправильный диагноз, но ведь я была полностью зависимым человеком и не получила никакого регулярного образования. За плечами нет даже нормальной начальной школы, а на руках нет свидетельства о получении хоть какого образования. Даже характеристику воспитателей, упоминающую мое обучение, в историю болезни, с которой меня переводили из детдома в ПНИ, не вложили. Но это как раз правильно — разве можно назвать образованием то, что нашу группу шесть лет учили считать до десяти, а потом сделали прыжок на иксы и игреки? Смех да и только!

Так что я и по сей день формально числюсь неграмотной, не умеющей ни читать, ни писать, ни считать. Другой вопрос, что сегодня отсутствие аттестата и диплома меня уже не смущает, а в анкетной графе «образование» пишу «самообразование».

Но тогда... тогда я не видела никаких перспектив для себя, впереди маячила лишь кромешная тьма, в которой можно деградировать, утонуть с головой и пойти ко дну... Ночами я до зубовного скрежета муссировала один и тот же вопрос, почему с моим физическим недугом человек обязательно должен быть умственно неполноценным? В чем выражается мое отставание от других детей? Да, я не такая как все, с больными руками и ногами, но ведь нормально мыслю и трезво рассуждаю, что указывает на сохранный интеллект. Все, что мне оставалось, это пытаться доказать сохранность своего интеллекта и отсутствие ментальных нарушений.

И я начала хвататься за все школьные учебники, какие только попадались. Даже выпросила у матери учебник по физике за шестой класс, после пререканий мать его все-таки купила, благо они тогда были дешевые. Я впиалась в этот учебник, читала его как приключенческую книгу. И без труда понимала в нём всё: закон Архимеда о теле погруженном в воду, закон Ньютона о земном притяжении. Я даже не запнулась на теории относительности Эйнштейна. Просто примерила ее на себя — сидя в коляске, я нахожусь в состоянии покоя относительно коляски, а относительно дороги, по которой везут мою коляску, я нахожусь в состоянии движения. Впоследствии я напишу сказку «Чья луна упала в речку», где разьясню теорию относительности детям на примере луны и догоняющих ее щенка и котенка.

Читатели недоумевают: в чем же дело? Имея самостоятельно добытые знания, в том числе и по физике, надо было действовать, а не маяться в ПНИ, куда меня впоследствии отправили органы соцзащиты. Но, дорогие мои читатели, дело в том, что изучая школьные дисциплины самостоятельно, я не была уверена, что правильно их понимаю, а выставить это напоказ не решалась.

Однажды одна из медсестер спросила:

— Интересна тебе учебная программа?

И я простодушно призналась, что мне это скучно, что хотела бы получить более углубленные знания. А она передала наш разговор воспитателям, и те меня тогда чуть не съели. И долго высмеивали — умственно отсталая Черемнова жаждет углубленных знаний!

Любаша

Хочу описать еще один эпизод из нашей жизни и посвятить его Любаше Лабышевой, которая три года подряд бесценно ухаживала за мной в детдоме.

Любу тоже привезли из родного дома. Она страдала эпилепсией. Закончила четыре класса общеобразовательной школы, но учиться дальше не позволило здоровье — частые приступы эпилепсии срывали уроки в классе, и ее освободили от школы совсем.

Мы сдружились. Странноватая девочка, но незлобивая и отзывчивая. Она хорошо писала под диктовку письма — несмотря ни на что, я исправно писала моей матери и даже посылала свои неумелые стихи. Люба одевала меня, сажала на коляску, иногда помогала стирать. Только меня уж очень утомляла ее привычка пересказывать одно и то же — сядет рядом и заведет вчерашний или позавчерашний рассказ. И ведь не потому, что начисто лишена памяти, а явно нарочно. Однажды, читая книгу, я не выдержала ее трескотни и сорвалась:

— Любка, умолкни и отвали! Сколько можно перетирать одно и то же?

— Больше не буду, — подчинилась она. — Но можно я с тобой посижу?

— Сиди, — разрешила я, мучаясь раскаянием, что прикрикнула на нее.

Любка села на подножку моей коляски, но минуты не прошло, как опять застрекотала. Ну что с ней поделаешь? За привычку трещать под ухом одно и то же прозвали ее сорокой. Сидит сорока, трещит без умолку, а я в это время изучаю по «Хрестоматии» стихотворные размеры: ямб, хорей, анапест, амфибрахий, дактиль. Но под Любкино стрекотанье ничегошеньки не могу понять из прочитанного, а ухо ловит повторы озвученного час назад. Раз пять попросила ее помолчать, но мои слова как об стену горох. Тогда у меня терпение лопнуло, я взяла в горсть ее роскошные густые волосы, собранные в конский хвост, потянула и строго сказала:

— Больше ко мне не подходи!

Любка обиделась, ушла, проревелась, вернулась, извинилась:

— Тома, прости меня, больше не буду тебя доводить.

— А зачем ты это делаешь?

— А мне иногда нравится человека позлить, — призналась она.

На следующий день воспитательница Нина Степановна сделала мне замечание:

— Тома! Ты почему Любу обижаешь? Она за тобой ухаживает, а ты как себя ведешь?

— Нина Степановна, а почему мне мешают, когда я занимаюсь? — принялась защищаться я.

— Девочки, не лезьте к Томе. Вас много, и если каждая будет приставать к ней со своими разговорами и затеями, то у нее не останется времени для себя, — заступилась воспитательница.

Я описала этот случай для того, чтоб покаяться перед девчонками, которых обижала своей резкостью, отталкивала от себя, пытаюсь погрузиться в самостоятельное изучение того или иного предмета. Самообразование в тот момент стало для меня наркотиком, но никто не хотел этого понимать.

Незадолго до моей отправки в ПНИ к нам пришли работать воспитателями две учительницы из общеобразовательной школы — выбыли оттуда по состоянию здоровья. Я чертовски обрадовалась: вот покажу им свои знания, оценят и, может, подскажут, что учить дальше и по каким книгам заниматься, помогут, дадут школьные программы. Но...

Как-то в игровой, после занятий, вновь пришедшая учительница мирно разговаривала с Любой Лабышевой, но потом Люба со свойственной ей назойливостью стала отстаивать свою точку зрения. Ничего ужасного и выходящего за рамки вежливости в ее речи не было, со старыми работниками мы свободно полемизировали на подобные темы. Вдруг новая воспитательница схватила Любку за шиворот как нашкодившего щенка, потащила в палату, там собственноручно содрала с нее одежду, скинула матрас с койки и пихнула ее на голую сетку, приговаривая:

— Будешь знать, как перечить старшим!

Когда она ушла, мы успокаивали заходившуюся в рыданиях Любку всем девичьим коллективом, но Любка была безутешна. Еще бы, почти взрослая девушка, и пережить такое унижение!

После этой экзекуции мой пыл пообщаться с новыми воспитателями на тему образования и попросить совета мгновенно угас. Да и самообучению стали ставить палки в колеса. Если у старых работников я могла сидеть одна в палате и читать в тишине, то эта горе-воспитательница в свою смену загоняла меня вместе со всеми в игровую. И злобно шипела, что в игровой тоже можно читать. Но как читать под шум и крики играющих подростков! Я не настолько владела руками, чтобы заткнуть уши пальцами, и с трудом абстрагировалась от фона, вчитываясь в текст. Иногда это удавалось.

На какие ухищрения приходилось пускаться, чтобы нормально спокойно почитать! Например, отпрошусь в туалет, а сама рулю в коляске в палату и погружаюсь в чтение. Никто из старых воспитателей мне это в вину не ставил, ну сидит Черемнова одна в палате, читает, и что? Ничего ведь не натворит. На то, чтобы новые смирились с этим, ушло очень много времени и сил. Потом они говорили между собой: надо же, до чего девка жадна до книжек и до учебы! И добавляли: жаль, что увечная, на фига ей чтение и ученье?

Последние годы в детдоме

В последние два года в детдоме ко мне уже не придирались — выросла девушка умная, серьезная, начитанная, не требует особых забот, не причиняет никаких хлопот, имеет личную помощницу в лице подруги Любы и ничем не утруждает персонал.

Все бы ничего, но здоровье стало стремительно ухудшаться — то ли от усердных самостоятельных занятий, то ли от чрезмерных переживаний. И шея побаливала все чаще, и голова гудела, и спина ныла. А однажды, сидя на первом этаже, я заглянула в висевшее на стене зеркало и сначала даже не поняла, что на моем лице не так. Глаза какие-то странные... А потом и воспитатели стали замечать, что у меня развивается косоглазие. Но никто не призадумался, что означало для взрослой девушки косоглазие, никто не потрудился вызвать глазного врача. Все равно увезут в ПНИ и будет там гнить до самой смерти, рассудили детдомовские сотрудники. Когда я окончательно убедилась

в том, что глаза у меня смотрят вразнобой, упала духом. И так придавлена жуткими диагнозами, а тут еще это! Требовать осмотра окулиста наивно, всё равно и его не пригласят, и меня к нему не повезут. И снова началась депрессия — как ночь, так закушу край подушки и захожусь в беззвучных рыданиях.

А в последнюю детдомовскую весну тосковала в открытую. Вынесут меня на улицу, сижу, читаю, вроде все привычно, а как посмотрю на цветущие деревья, как подумаю, что у меня сейчас тоже формально период цветения, так захлестывает истерика. Воспитатели молча отвезили меня в сторону, чтобы не мешалась и не раздражала. Проревусь в одиночестве, а горечь в душе все равно остается. И мрачные мысли сверлят, сверлят... Я сознавала, что у меня ничего не будет в жизни, ни любви, ни близкого человека, ни родного дома. Будет только казенная палата и кровать, на которой буду лежать ещё неизвестно в каком состоянии и окружении. Но где-то в глубине души всё-таки таилось крохотное зернышко надежды, оно неслышно лежало там и ждало своего часа.

По детдому зашелестел слухок, что мне скоро придет путевка в ПНИ. И не только я покину детдом, на остальных воспитанников нашей группы тоже придут путевки, но их увезут в Инской дом-интернат для престарелых и инвалидов.

В последние два года моего пребывания в детдоме в нашей группе уже не вели учебных занятий, а вместо этого девушек учили вязать и шить. И тут я приняла живейшее, хотя и теоретическое участие. Плохо владела руками, но хорошо владела мозгами, и даже умудрялась подтягивать отстающих, помогая советами. До сих пор помню, как вяжется английская резинка, а как похожая на нее спортивная, могу кого угодно научить вязать носки, рукавицы, шапки, шарфы, несмотря на то, что у самой руки никудышные.

Обидно, ведь воспитатели видели и мое участие в вязании, и мои учебные достижения, и то, что я схватываю на лету, но никто ничего не предпринял, чтобы меня отправили не в ПНИ к психохроникам, а вместе с девушками в дом инвалидов общего типа. Между стационарами для психохроников и домами инвалидов общего типа огромная разница! Конечно, я не могла шить, вязать и еще что-либо делать своими руками. Но я же могла приносить иную пользу, ведь, невзирая на диагноз, была интеллектуально развитой и начитанной. Неужели это нигде бы не пригодилось? Понимаю, при выдаче путевок в стационары дальнейшего пребывания в первую очередь принимали во внимание диагнозы из истории болезни. Но ведь были и другие показатели!

За две недели перед моей отправкой в ПНИ приехала медико-педагогическая комиссия. Дождаясь своей очереди в коридоре, я с надеждой думала: вот откроет врач историю болезни, увидит, что указан не тот детдом, и поинтересуется, где же написано, что я живу здесь, в Бачатском? И почему вместо этого «Чугунашский детский дом»? Вот и повод завязать беседу и показать, что я умственно полноценная и могу избежать дурдома. Но, увы, когда меня завезли в игровую, где комиссия вела прием, женщина-председатель зачитала диагнозы из карты, мельком скользнула по мне взглядом, что-то буркнула старшей медсестре, и меня оттуда вывезли, не дав сказать ни слова.

Так убийственный диагноз, свидетельствующий об отставании в умственном развитии, поставленный в августе 1964 года и ни разу не пересматриваемый до моей выписки из детдома 1974 года, перечеркнул мою жизнь крест-накрест. Этот неверный диагноз сложился из небрежности приезжих комиссий, наплеватьства местного персонала и низости моей матери. А как раз она, Екатерина Ивановна, могла бы вмешаться, опротестовать диагноз, потребовать экспертизы. Екатерина Ивановна, что же ты натворила?..

Накануне моего отъезда в ПНИ в палату вошла Анна Степановна Лившина. Я сидела на кровати и читала книгу. Она присела на краешек и вымолвила:

— Давно ты, Томка, у нас живешь — почти с открытия этого детдома. Мать-то не собирается хоть разок перед отъездом взять тебя домой погостить? Уж можно было бы за столько лет один-то раз взять тебя домой...

Я молча разглядывала ее лицо, стареющее, уставшее, с грубыми чертами, без малейшего намека на женское обаяние. Черствая несчастная женщина с садистскими наклонностями, но даже в ней, оказывается, иногда просыпается сострадание.

— Нет, тетя Аня, не возьмет она меня погостить... — ответила я, вспомнив свои многочисленные просьбы забрать домой, хоть на время, хоть на недельку, хоть на пару дней. Других детей ведь забирали. И еще вспомнила, как однажды у воспитателей зашел разговор о наших родителях, и одна воспитательница сказала:

— А мне Томина мама нравится, никогда ничего не требует.

Да уж, удобная для детдома мама — ничего не требует для своего ребенка, не заступает, ни на чем не настаивает, на все закрывает глаза. Екатерина Ивановна и дальше будет удобной. Изредка, с частотой раз в квартал, будет появляться у меня и в ПНИ, и в Доме инвалидов, что-то рассказывать, показывать. Но никогда не будет вникать в мои проблемы, и ничего не будет просить для меня — ни у персонала, ни у администрации, ни у вышестоящих органов.

Хочу описать ещё один эпизод. К нам в детдом привезли новеньких из Кемеровского сборного детдома — двух девочек и двух мальчиков, круглых сирот. Одна из них, Валентина Позднякова, видимо, закаленная в борьбе за существование, была не в меру активной и боевой. И из уменьшительных ей больше всего подходило решительное «Валюха». А где-то через неделю один татарин привез сдавать свою дочь Наташу. Тихая татарочка Наташка вскоре сдружилась с Валюхой, вернее, безропотно подчинилась той, сразу же взявшей ее в оборот. И дошло до того, что добровольная рабыня стала отдавать своей повелительнице порционные пироги. Я, глотавшая книгу за книгой, не сразу усекла суть их далеко зашедших отношений и однажды, видя, что Наташа носит в палату пироги из столовой, оторвалась от чтения и попросила:

— Наташа, принеси заодно и мне.

И когда та с обеда принесла мне полпирожка, я поблагодарила и, не задумавшись, почему полпирожка, а не целый, засунула в рот и, жуя, уткнулась в книгу.

— А мне почему не принесла? — капризно спросила Валюха.

— Мне всего один пирог в столовой дали, половину я съела, а половину принесла Томе, — стала оправдываться Наташка. — Завтра я тебе принесу целых два, сама есть не буду.

— Тогда не подходи ко мне, раз ты без пирогов, — заявила Валюха, и Наташка отошла от нее грустная-прегрустная. — Принесешь пироги, тогда буду дружить с тобой.

Я подняла глаза от книги и увидела их лица — Валюхино грозно-повелительное и Наташкино униженно-рабское. У меня пирог застрял в горле — оказывается, Наташка не только отдает свои пироги Валюхе, она еще и мне свою порцию принесла. Получается, что я ничем не лучше этой «рабовладелицы». Мне было ужасно стыдно...

Двадцать четвертого мая 1974 года я сидела в игровой, как всегда с книгой на коленях. Дверь открылась, зашла медсестра.

— Тамару на выход, — скомандовала она.

— А что, ее уже отправляют в дурдом? — загалдели девчонки.

— Тихо! Не пугайте Тому зря! Лучше идите и помогите ей переодеться, — приказала сидевшая с нами воспитательница. — Тома, ты поедешь в интернат в городе Прокопьевске.

Переодевать меня пошли всей палатой. Люба с Наташей натягивали на меня одежды, остальные стояли молча. У нескольких девушек выступили слезы на глазах. Я в тот момент ничего не чувствовала, как одеревенела. И только когда меня подняли в кузов крытой грузовой машины, тихо заплакала.

В Прокопьевский ПНИ со мной в кузове грузовой машины везли еще четверых человек из «слабого» корпуса. Один из них, совсем больной на голову пацан, всю дорогу истошно кричал, и от этого становилось еще грустнее и больнее. «Вот с такими тебе предстоит жить до смерти, — думала я с горечью, а слезы лились потоками. — И сколько бы ты не прочитала умных книг, все равно будешь под той же планкой, что и эти несчастные с поврежденными мозгами».

— Не плачь, Томочка, может, там еще лучше будет, — успокоила меня нянечка из «слабого» корпуса, сидевшая с нами в кузове, и бережно промокнула мое лицо своим носовым платком.

Слава Богу, сопровождавшая медсестра Елена Петровна сидела в кабине с шофером, а то бы непременно выступила, кинув напоследок что-нибудь колкое и едкое, типа «там тебе и место — в дурдоме — среди дурачков».

Часть 2. Прокопьевский психоневрологический интернат

Сумасшедшая ночь и безумный день

Нас привезли в Прокопьевский психоневрологический интернат под вечер. Местные пацаны небрежно сгрузили новоприбывших инвалидов в изолятор, дежурившие сотрудники осмотрели нас, после чего заперли на замок. Не покормили, и даже воды не оставили. Когда я, исплакавшаяся и мучимая жаждой, попросила у зашедшей сотрудницы дать водички, та, поджав губы, с минуту разглядывала меня, только потом расцепила рот:

— Сейчас скажу нянечке, чтобы принесла тебе попить.

Она вышла в коридор, дверь изолятора захлопнулась, замок защелкнулся. До самой темноты я ждала воды и прислушивалась к шагам у двери изолятора, но к нам так и не подошли.

Эту ночь не забуду до самой смерти! Ведь меня заперли в компании умственно отсталых, среди которых были настоящие идиоты: беспричинно гогочущие, бессвязно бормочущие, выкрикивающие несурезицы, издающие непристойные звуки. Зачем запирают изолятор, если в нем не было ни одного ходячего? Ведь и я, и мои «однокашники» из «слабого» корпуса Бачатского детдома не могли передвигаться самостоятельно. Они вообще лежачие, а меня привезли без коляски — казенные инвалидные коляски положено было при убытии оставлять в детдоме.

До самого утра к нам никто не заглянул. Я лежала и облизывала пересохшие губы, но потом подумала: нет худа без добра, если б меня напоили водой на ночь, я бы сейчас захотела в туалет. А судна или горшка здесь, кажется, не имеется, да и кто подаст мне его? Ладно, полежу, подожду, все равно должны зайти проведать, утешала я сама себя. Но как ни напрягала слух, за дверью изолятора царило безмолвие. Тогда я крикнула один раз, второй, третий. Проснулся лежащий по соседству пацан-крикун и загорланил, издавая животные звуки.

— Не кричи, все равно до утра не придут, — подала голос лежащая рядом Любка, более-менее вменяемая.

Накануне вечером, едва нас затащили в этот изолятор, вместе со всеми зашел нетрезвый дежурный санитар и, как конфетами, накормил Любку таблетками аминазина. Сначала дал одну, через минуту сунул еще две и приготовился всучить третью порцию.

— Она же умрет от передозировки! — не выдержала я.

Санитар испуганно посмотрел на меня, пьяно икнул и смылся.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила я Любку.

— Спать хочу, — сказала она и затихла.

Пацан-крикун тоже затих, и меня постепенно сморил сон.

Проснулась, наверное, около десяти утра, за окном было светло и солнечно. Зверски хотелось в туалет, ведь увезли из Бачатского детдома где-то в двенадцать дня накануне и с тех пор не предложили судна, в дороге я не писала и здесь целую ночь терпела. В голову полезла дурная мысль — может, нас тут специально бросили? Через месяц откроют — а тут трупы! Ведь никто же из нас не ходит...

Но вот раздались шаги, дверь отомкнули, зашла медсестра с парнями-помощниками и приказала:

— Грузите всех на телегу и везите в «слабый» корпус. А там поднимите на второй этаж, в бывший красный уголок.

Я отметила про себя: ну надо же, та же терминология, что и в нашем детдоме, «слабый» корпус. И ужас в том, что туда собираются определить и меня, нормально мыслящую и умственно развитую. Вот она — сила неверного диагноза!

На телеге, запряженной усталой лошадей, нас доставили в самый дальний угол территории ПНИ, подвезли к обшарпанному зданию и занесли на второй этаж. Там уже находились характерные больные с серьезными нарушениями умственного развития и психическими отклонениями. Один из них стоял возле окна и старательно рвал шторы на мелкие ленточки, другой, скинув с себя штаны и трусы, бегал по свободному проходу. А ведь это были не маленькие мальчики, а взрослые мужчины.

Меня посадили на диван. Персонал ушел. Когда я услышала отдаленные голоса и расслышала, что всех нас оставят здесь ночевать, пока не освободятся места в палатах, то заревела зверем, наверное, произведя такое же впечатление, как детдомовские крикуны из «слабого» корпуса. Но мне было не до впечатлений.

Через десять минут вошла медсестра «слабого» корпуса. Постояла, посмотрела. Ноль внимания на мой рев — уже привыкла к подобным явлениям. Собралась уходить, взялась за дверную ручку, и тут я заорала во весь голос:

— Пожалуйста, уберите меня отсюда куда-нибудь, я же не умственно отсталая, у меня нормальные мозги, я боюсь здесь оставаться!

Она посмотрела на меня и сказала, размышляя:

— Куда же я тебя уберу? Свободных мест в палатах нет. Ладно, сейчас придет сестра-хозяйка, что-нибудь придумаем.

Она отогнала от штор ненормального парня и вышла. Лучше бы осталась. Как вспомню, что было дальше, так мороз по коже. Едва она вышла, как безумный, что бегал нагишом, дико завопил и направился ко мне. Мне показалось, что сейчас упаду в обморок. Понимала лишь одно — нельзя вступать с ним в беседу, надо делать вид, что не замечаю его. Я молчала, давая испуг и глотая слезы. Покрутившись около меня, безумец притих и отошел. Я немного успокоилась и, так как никто из персонала к нам не шел, даже задремала.

Не знаю, сколько времени прошло, когда сквозь дрему я услышала шаги возле двери. Вошла та же медсестра и еще одна женщина, которая и была сестрой-хозяйкой. Как я узнала позже, сестра-хозяйка носила звучное прозвище «Пиковая дама», и только так ее звали за глаза. Она была величественная, черноволосая и, действительно, смахивала на пиковую даму из карточной колоды.

— Вот эту девушку надо поскорее увести отсюда, — сказала медсестра. — Она разумная, все понимает и боится тут оставаться. Нет в какой-нибудь палате свободной койки?

— Надо посмотреть, — с высокомерным безразличием ответила Пиковая дама. — Кажется, в седьмой свободная кровать.

— Скажу парням, пусть ее спустят, — обрадовалась медсестра, и вышла, оставив меня в обществе Пиковой дамы.

— Белье на тебе казенное? — безучастно спросила та. — Или тебя из дома привезли?

— Нет, из детского дома для инвалидов, — ответила я.

— Из какого? — равнодушным, даже каким-то механическим голосом продолжала допрос Пиковая дама.

— Из Бачатского. — И я вздохнула, вспомнив, что в «родном» детдоме жила в палате с ходячими нормальными девочками, а не с безумцами.

— Ботинки у тебя казенные? — продолжала ревизию моего гардероба Пиковая дама.

— Да, казенные. И пальто, что на мне, тоже казенное, а также майка, панталоны, трико, — перечислила я, упредив дальнейшие вопросы. — Но у меня есть и свое белье, оно в чемодане.

— Ботинки я заберу — они тебе ни к чему на койке, — решила Пиковая дама.

— А разве у вас тут нет инвалидных колясок для неходячих? — упавшим голосом спросила я.

— Колясок у нас нет, — равнодушно ответила она и ушла, прихватив мои ботинки.

Вернулась медсестра с двумя парнями.

— Мы тебя до завтра в седьмую палату положим, а завтра утром на пятиминутке скажу, чтобы тебя переселили в женский корпус, — пообещала она.

— Скажите, пожалуйста, а как вас зовут? — спросила я ее, в надежде продолжить дружелюбный диалог.

— Зинаида Ильинична.

— А я Тамара Черемнова, — представилась я.

Однако продолжения диалога не последовало. Зинаида Ильинична внимательно на меня посмотрела, будто обдумывая, как лучше доложить обо мне начальству, и приказала парням спустить меня в седьмую палату. Спустили, разместили.

Попав в палату, я огляделась. Светло, довольно-таки чисто. Посередине — круглый стол. Пять коек, меня положили на пустующую. На трех койках лежали старушки — недвижимые, ни на что не реагирующие. Трупы, а не люди... На четвертой была девушка примерно моего возраста, плохо ходившая. Зашла нянечка, я спросила про горшок.

— А горшков у нас нет, — осведомила она. — Подать тебе судно?

Я согласилась. После нехитрой процедуры няня ушла, а я, лежа на кровати, оценивала ситуацию. Конечно, палата с полутрусами куда лучше, чем красный уголок с непредсказуемыми сумасшедшими, но провести вот так всю оставшуюся жизнь... Ведь я же тут рано или поздно сойду с ума... и сравнюсь с обитателями «слабого» корпуса.

Когда принесли ужин, подошла та же дежурная няня с миской молочного супа, я не стала капризничать и съела все дочиста, запив кружкой чая. После чего повалилась на подушку и провалилась в забытие... Раздеться мне так и не предложили.

Меня определяют к Машам

Утро нового дня началось с непривычной замогильной тишины. Прежде я просыпалась под веселый гвалт девчонок в палате. В дверь заглянула нянечка и скрылась, даже не спросив кому что нужно. Полежав немного, я решила действовать, ведь, в конце концов, я еще не покойница.

В это время зашевелилась плохо ходячая девчонка. Я подняла голову и попросила:

— Ты можешь дойти до медсестры? Позови ее. Скажи, что новенькая, Тамара Черемнова, зовет, и что мне очень плохо.

— Ладна, сяс, — прошепелявила девчонка, поднялась с кровати, пошла в коридор, и, вернувшись минут через десять, доложила: — Сяс она приидет. — И улеглась обратно.

Я принялась ждать, но никто не шел. А мне все больше и больше хотелось в туалет. Если они ждут, что я описаюсь, надую в постель, чего я никогда в жизни не делала, то не дождутся. Пусть у меня лопнет мочевого пузыря, лучше сдохнуть, чем лежать по уши мокрой, для меня это мерзко и унижительно.

Я вспомнила случай из детдомовской жизни.

Примерно три года тому назад ребята взяли меня купаться на речку. Они часто это делали, и я сидела на мелководье близ берега, где вода лишь по щиколотку. Вот так сидя в речке, я задумалась, уйдя от реальности, со мной такое часто бывало. В это время сзади ко мне кто-то подошел, пощекотал за шею и отбежал. Я от неожиданности напряглась, и, потеряв равновесие, а у меня оно и так слабое, хлопнулась лицом в воду. Хорошо хоть не захлебнулась и сумела поднять голову. Не знаю, сколько секунд или минут я так пролежала с вытаращенными от страха глазами. Помню лишь мутно-желтую от песка воду, и как я её глотала, а она все лезла и лезла в меня, будто речка предлагала выпить ее досуха. Потом неведомая сила приподняла меня, и я вновь села на попу.

Огляделась, ничего не соображая от страха. Рядом никого, значит, я каким-то образом сумела подняться сама. И, кажется, никто даже не заметил, что я упала лицом в воду. Если бы заметили, помогли бы мне. Но ребята радостно визжали, бултыхаясь в воде, и я подумала, что будет весьма глупо сейчас расплакаться и поведать всем, что минуту назад я чуть не утонула. После такого признания воспитатели больше ни за что не

отпустят на речку. Я подозвала к себе девчонку, плескавшуюся неподалеку, попросила ее вытащить меня из воды и посадить в коляску.

Когда возвращались в корпус, к нам навстречу по дороге — вот чудо! — шла моя мать. Она подошла к моей коляске, внимательно посмотрела в глаза, и мне тогда почему-то показалось, что она приехала в детдом и пошла на речку, именно предчувствуя беду со мной. Мать затараторила:

— Я приехала, а мне сказали, что вы все ушли купаться на речку, мне показали, по какой дороге идти, я и пошла...

Не знаю, почувствовала ли она тогда, что мне угрожает что-то страшное? У любящей матери всегда срабатывает шестое чувство.

И вот, лежа на койке и дожидаясь няню, я снова задала себе вопрос: что сейчас чувствует моя мама? Может, до нее долетит, что мне очень-очень плохо, и она приедет?

Не в силах терпеть переполненный мочевой пузырь, безжалостно давящий на все окружающие органы, я уже приготовилась к самому худшему. Но, видимо, Бог меня пожалел. Дверь в палату открылась и вошла медсестра Зинаида Ильинична.

— Скажите, пожалуйста, нянечке, пусть подойдет ко мне! — завопила я, уже не соблюдая никаких приличий. — Я на судно хочу! Нет мочи терпеть! День начался уже давно, а я в туалет еще не сходила. Под себя я никогда не ходила и не буду.

— Успокойся, Тамара. Мы как раз на пятиминутке решали твой вопрос. Сейчас переведем тебя в женский корпус, — сказала Зинаида Ильинична.

В палату уже входили два парня, один подхватил меня с койки и понес к телеге все с той же усталой лошастью. А в женский корпус они занесли меня вдвоем на носилках и поставили носилки на пол. Вокруг тут же столпились дежурные няни, фельдшер Ольга Федоровна и кое-кто из проживающих.

— Куда ее положить? В каких палатах места? — спросила Ольга Федоровна у нянь.

— К нам ее не надо! — заголосила неопрятная тетка в грязном платке, сидевшая на лавке. Взаимно: вот уж кого я не хотела бы иметь в соседках, так подобную тетку.

— Замолчи! Тебя ни кто не спрашивает. Надо будет — положим к вам, — прикрикнула на нее Ольга Федоровна.

— Давайте положим ее в 15-ю палату, — предложила нянечка. — Там Маруся Диборских, в случае чего, ей поможет, и там есть свободная койка.

Парни занесли меня в 15-ю, положили на свежестеленную кровать и ушли. С койки, что стояла возле окна, встала молодая женщина.

— Здравствуйте! — пролепетала я.

— Здравствуй! Меня зовут тетя Маруся. И это тоже Марии, — приветливо ответила женщина, указав на двух пожилых соседок, — тетя Маша и баба Маша. Только они глуховаты, надо громко говорить.

— Меня зовут Тамара. Тетя Маруся, позовите няню, я в туалет очень хочу! — взмолилась я, теряя терпение.

Она вышла и через минуту зашла с дежурной няней.

— Я на горшок сильно хочу, — повторила я нянечке. — У вас здесь есть горшки?

— Даже не знаю, — озадачилась нянечка. — Маш, посмотри в туалете горшок, там, кажется, оставался один.

— А почему у вас горшков нет? — спросила я. Странно, уж такой простой предмет в специализированном заведении, где полно парализированных, уж должен быть.

— Проживающих, которые тут до вас жили, отправили в Инской дом инвалидов, и они все свои вещи забрали с собой. Может, со временем нам привезут этот инвентарь, — пояснила няня.

Тут в палату вернулась тетя Маруся с облупленным горшком в руках.

— Только такой нашла, — сказала она. — Ветхий, но не дырявый. Потом получше подыщем.

Облегчившись, я огляделась. Четыре одинаковые кровати с тумбочками вдоль стен, один шифоньер, круглый стол возле окна, динамик на стене, все чин чинном. И соседки неплохие. Несмотря на общее имя, их легко различать: тетя Маруся, тетя Маша, баба Маша. Я немного успокоилась, и звериный страх слегка отступил.

Никуда не годный

Моя жизнь потекла в новых стенах. Тетя Маруся кормила меня, тетя Маша помогала спускаться на горшок, а баба Маша скорбно озидала и иной раз, не выдержав, выкрикивала:

— Ну никуда не годный! — Почему-то в мужском роде.

— А ты сама-то куда-нибудь годная? — дерзила я с обидой в голосе. И подчеркнуто обращалась на «ты», невзирая на разницу в возрасте.

— И я никуда не годный, — соглашалась она, безуспешно пытаясь разогнуть свою парализованную руку. И, отчаявшись совладать со скрюченной конечностью, поджимала губы и надолго затихала.

Ночью, когда умолкал настенный динамик, дыхание у соседок становилось ровным, что свидетельствовало о глубоком сне. Вот тут-то меня и прорывало, я чувствовала в полусне, как струятся слезы и растет ком в горле. И я, боясь разрыдаться и всех перепугать, распахивала глаза и таращилась в потолок.

— Ну что тебе еще надо? — спрашивала я себя. — Все сообразно твоему состоянию. Лежишь в кровати, вся кривая и косая. И ничего впереди... — Кусала губы и беззвучно захлебывалась слезами. Мне было девятнадцать...

Привитое книгами, что я тоже Человек и должна для чего-то жить, если родилась в образе человека, не давало мне смириться. По какому признаку меня сослали в *такой* интернат? Чем я опасна для общества? За что меня спрятали за высоким забором, изолировали, отделили от себя те здоровые, не кривые и не косые люди, живущие по ту сторону забора в большом мире? Потому что я, как говорит баба Маша, «никуда не годный»?

История трех Маш

Все три мои соседки Маши когда-то были здоровы и жили семьями, в разных уголках нашей страны.

Тётю Марусю Диборских еще ребенком отдали в няньки. В пятнадцать с половиной лет ее изнасиловал хозяин, после чего родился сынишка. И хозяйка, чтобы не подали в суд на мужа, устроила ее учиться на повара.

Окончив кулинарное училище, Маруся завербовалась на Сахалин, но незадолго до отъезда сынишка погиб под колесами автомашины. На Сахалине она нашла работу в ресторане, но обнаружилась нехватка, свалили на молодую повариху. Она попала в тюрьму, где снова стала жертвой насилия, на сей раз это был следователь. Досрочно освободившись за хорошее поведение, Маруся вышла из тюрьмы с дочкой на руках.

Наконец-то фортуна улыбнулась ей, устроилась работать в портовую столовую и познакомилась с солидным мужчиной. Два счастливых семейных года пролетели как сон — достаток и благополучие, любимая работа, заботливый муж, дочка.

На третий год счастье оборвалось — к ее благоверному внезапно приехала законная жена. Маруся проглотила горечь и отошла в сторонку... А когда отмечали День рождения двоюродного брата, законная жена в присутствии гостей залепила Марусе пощечину. Муж не заступился. На этом разборка с соперницей закончилась, и законная жена увезла мужа с собой на материк.

Маруся после этого запыла, но нашла силы остановиться и вышла раз замуж ещё раз. Но новый муж нещадно бил ее, а потом проломил голову, в результате чего развилась эпилепсия, которая неуклонно прогрессировала, несмотря на лечение.

После очередного эпилептического припадка ее поместили в психоневрологический интернат, а судьбу дочери решили органы опеки, не известив мать о решении. Решили, что женщине с такой тяжелой формой эпилепсии лучше вообще не контактировать с дитем. И Маруся осталась одна-одинешенька — муж исчез, первый ребенок в могиле, второй неизвестно где...

Тетя Маша тоже жила с мужем, у них росли четыре дочки, и они очень хотели мальчика. И, когда, казалось бы, осуществление мечты было уже близко, совсем рядом, у Маши на четвертом месяце беременности проявилась тяжелая шизофрения. Приступы не удавалось компенсировать, и все разрушилось, включая семейное счастье... В итоге этот дом скорби.

У бабы Маши все было проще. Бездетная, работала на стройке, муж умер, ее парализовало после инсульта. Итог тот же.

И вот в скорбной 15-й палате Прокопьевского ПНИ жизнь собрала вместе трёх Маш и одну Тому...

Как-то после обеда, лежа на кровати, коляски мне так и не выдали, я заметила, что тетя Маруся перебирает свои бумаги. И спросила:

— Что это за бумаги?

— Да это письма — ответы оттуда, где я дочку свою искала, — ответила она грустно.

— Вы ее нашли?

— Пока отовсюду отвечают, что такая не значится. Сколь уже писем переписала и никакого толку — вздохнула тетя Маруся.

— А куда вы писали? — продолжила я расспрос.

— В интернат в Южно-Сахалинске. Она там жила и училась еще, когда я была здорова.

— А сколько ей лет?

— Она уже взрослая... Столько годков прошло...

— Тогда вам непросто будет ее отыскать, она могла выйти замуж и сменить фамилию. И если живет под фамилией мужа, её не найти, — сделала я неутешительный вывод.

— Совсем невозможно найти? — расстроилась тетя Маруся.

— Надо попробовать направить письма в нужные места. — Я вспомнила, как, еще живя в детдоме, смотрела по телевизору передачу, где женщина нашла своего пропавшего сына через Красный Крест.

— Это в какие места?

— Напишите письмо в Красный Крест. Это международная организация, которая имеет доступ во все архивы всех городов во всех странах, включая Советский Союз. Они ваше письмо направят туда, куда нужно, и на их запрос дадут ответ.

— Ты точный адрес Красного Креста знаешь?

— Он всем известен: Москва, Международный комитет Красного Креста. Только свой адрес полностью укажите. На такие письма в Красном Кресте обязательно отвечают. И обязательно организуют поиск вашей дочки по всему СССР, — заверила я тетю Марусю.

Продиктовав тете Марусе текст письма, я подумала про себя, что даже самая слабая надежда все ж лучше безысходной тоски. По себе знаю — каково это, когда тебя по уши затягивает тягучий омут безнадежности, высасывающий душу и выдавливающий жизненные силы.

А тетя Маруся после отправки письма в Красный Крест начала считать дни и ежедневно спрашивать, была ли почта и есть ли что для Диборских? Шли дни, месяцы, менялись сезоны, но ответа все не было. Прошло два с половиной года. Маруся терпеливо ждала.

Ответ с адресом Марусиной дочки пришел в 1977-м. Такой поиск — дело долгое, поэтапное, многоступенчатое. Сотрудники Красного Креста переслали Марусин запрос в уголовный розыск Кемеровской области, потребовав разобраться и разыскать дочь, а угрозыск навёл справки по своим каналам, обращаясь в региональные отделения милиции и организации. Человек не иголка — нашелся!

И началась переписка Маруси с дочкой. Оказалась, что та живет недалеко, в Алтайском крае, вышла замуж и родила сынишку. Вот была радость для тети Маруси узнать, что дочка обрела семейное счастье и что есть внук!

А уж какая радость была, когда дочка с внуком приехали к тете Марусе в Прокопьевский ПНИ. Два года спустя тетя Маруся поехала в гости к дочке, когда та родила второго ребенка. И обратно в ПНИ она уже больше не вернулась...

Два месяца мы ее ждали, думали, что дочка решила ее забрать домой в семью. Но все оказалось печальнее... Ольга Федоровна послала письмо дочке, и та ответила, что мама умерла в больнице во время приступа эпилепсии.

Так закончилась история тети Маруси. Но хорошо хоть, что она смогла найти дочку и успела поласкать внуков. И хорошо, что умерла не безвестно в ПНИ и положена не в казенный гроб, а оплакана и похоронена своей семьей, и на могилу ходят родные люди...

Я завидую тете Марусе, несмотря на все ужасы ее жития и несправедливо ранний уход как раз тогда, когда она обрела семью. Я бы тоже хотела умереть в домашних стенах, и чтобы меня оплакал кто-то из близких родичей. Увы...

Оберегают семьи — от меня

Прошло три недели, как меня привезли из Бачатского детдома, я старалась не думать о плохом, тем более что за окном стояли солнечные деньки и всюду куражилось лето.

В один из залитых солнцем дней тетя Маруся открыла окно. Я увидела в оконном стекле отражение белых облаков, безмятежно плывущих по голубому небу, и тоска наполнила душу. Надо же, снова эти зовущие облака... Стало жарко, и окно держали открытым с самого утра и до вечера, чтобы я могла наблюдать в оконных стеклах отражения сводящих с ума облаков.

В таком настроении меня застала медсестра Любовь Кузьминична, которая за неимением квартиры, жила с семьей в нашем корпусе прямо у нас за стенкой. Дело в том, что здесь раньше был дом инвалидов общего типа, потом его перевели в поселок Инской под Белово, где отстроили новое здание улучшенной планировки, а сюда переселили ПНИ из поселка Кировский, что близ Кемерово, и оттуда приехала половина персонала. Так что квартирами в Прокопьевске обзавелись ещё не все.

— Тома, ты чего такая? Болееешь? — заботливо спросила Любовь Кузьминична.

— Просто тоскливо, — ответила я и почувствовала, что вот-вот заплачу.

— Может, врача тебе вызвать? — предложила медсестра. — Сюда приходит городская врачиха, правда, она психиатр, но все равно что-нибудь назначит. Дай-ка я твою историю болезни отложу.

Я пожала плечами, сомневаясь в помощи психиатра. Разве вылечишь тоску таблетками? Можно на время приглушишь успокоительными, а после окончания их действия тоска навалится с новой силой.

Где-то ближе к обеду дверь в палату распахнулась и с лучезарной улыбкой вошла моя мать Екатерина Ивановна. Я потянулась ей навстречу, но вместо того чтобы спокойно начать диалог, закатилась от рева. Мать под села на мою койку и, придерживая меня, вытирала слезы.

— Мамочка, возьми меня домой! Хоть на недельку, хоть на три денька! Здесь же совсем близко от Новокузнецка! — набросилась я с мольбами. И сбила в кучу все доводы: и горячее желание погостить дома, и потребность пообщаться с мамой и сестрой Ольгой, и желание увидеть других родичей, и близость Прокопьевска от Новокузнецка. Я клялась, что свыкнусь с неизбежностью пребывания в ПНИ, но прошу о маленьком празднике.

— Куда же я тебя возьму? И как подниму на пятый этаж? И кто с тобой будет сидеть? Я весь день на работе, а Ольга в школе, — твердила мать, повторяя как попугай свои обычные непробиваемые фразы. Про нового мужа она деликатно умолчала.

— У тебя есть сестры и братья, молодые и сильные, неужели меня не поднимут? Я же мало вешу! И надо-то всего только один раз поднять и один раз спустить! Пусть по очереди понесут! Один-единственный разочек возьми меня домой! Ненадолго! В свой отпуск или в отгулы! — выла я.

Мать молчала, по щекам побежали слезы, но глаза оставались безучастными. Я знала, что это слёзы на публику, и понимала, что отказом взять меня погостить эта женщина оберегает свою семью, где для меня нет и никогда не будет места. И где я не должна появляться, потому что для всех ее членов, а также для всех знакомых и друзей дома меня фактически нет.

В эту минуту я вспомнила совсем свежий эпизод. В один из последних дней в детдоме мне неожиданно передали письмо от отца. Мать не поленилась узнать его адрес через адресное бюро. Я написала отцу письмо, не питая особой надежды получить ответ, но, вопреки пессимистическим прогнозам, ответ пришел. Я обрадовалась, что хотя бы

налажу с ним регулярную переписку. Но после того как вскрыли конверт и вытащили оттуда листок из школьной тетрадки, радость улетучилась — письмо написал не отец, а его дочь от второго брака.

Вот содержание письма: «Здравствуй, Тома. Твой папа теперь стал моим папой. Меня зовут Лена, мне одиннадцать лет. Тома, вышли свою фотографию». Остаток листка был исчеркан зигзагами шариковой ручкой, так всегда делают, когда не знают, о чем больше писать. Скорее всего, Лена написала эти строки под диктовку своей матери. Уж очень по-женски подчеркнуто, что папа теперь принадлежит им. А выслать фото, может быть, Лена просит сама, не понимая, в каком я заведении и в каком состоянии. Но, может быть, это ядовитый намек ее матери на мое убожество, ведь своего фото Лена не приложила.

Я оставила письмо без ответа, только мысленно произнесла: «Пожалуйста, Леночка, забирай папу себе, я дарю его вам».

А что отец не ответил — его право. У него другая семья, в которой мне нет места.

И сейчас, рыдая перед женщиной, которую звала с рождения самым лучшим в мире словом — мама — в очередной раз поняла, насколько всех устраивает, что меня упрятали за высоченный забор, да так надежно, что правды обо мне никто никогда не узнает. Пришедшая на шум фельдшер Ольга Федоровна уговаривала:

— Тома, зачем ты расстраиваешь маму? Посмотри, как она плачет!

— Тома сейчас успокоится, — ободрилась мать, услышав поддержку в свой адрес. И слез ее — как не бывало. Затем умело перевела разговор на другую тему, и все попытки заговорить о поездке к ней в гости были жестко отбиты.

Мать твердо дала понять, что ее нынешний дом — это не тот дом, из которого меня увезли; это *ее* дом, где обитает *ее* семья. Иные стены, иные обитатели. И мне в том доме не место. А мой дом — это ПНИ — пожизненно. И нечего рыпаться — паршивой овце не место в семейном стаде.

На казенном обеспечении

Хорошо, что есть ночи! Время, когда люди спят, а ты остаешься одна, сама с собой, и, не боясь никого, можешь отвести отяжелевшую слезами душу и искушать подушку, не пряча своей слабости. Сколько еще всего, глубоко запрятанного в сердце и в голове, можно сделать ночью! Особенно, если ты находишься в интернате исключительно в лежачем положении, и у тебя нет возможности выйти на улицу, отыскать укромный уголок и выплакать всю свою горечь. Ночь — это твоя единственная роскошь!

Прошла неделя после приезда матери. Я тогда совсем «слетела с катушек». Утром — вроде бы все нормально, тихая смиренная девушка, покорно принявшая действительность, ничего не требующая и ни на чем не настаивающая. А ночью — откуда что берется? — бурные мечтания вперемешку с реальностью! Только не думайте, что я выделялась от безделья. Как раз дел у меня было предостаточно.

Уход за мной полностью лег на одну тетю Марусю. Мать поставили в известность, персонал намекнул, что в благодарность неплохо бы приплачивать этой больной женщине, хоть десятку в месяц. Но какое там! Мать не желала понимать подобных намеков, ведь ее убогая дочь полностью находится на иждивении государства, и ее жизненное обеспечение целиком на его совести, и все проблемы должен решать интернат и не перекладывать их на родителей.

Однажды, чтобы хоть как-то отблагодарить тетю Марусю, я попросила у матери палочку копченой колбасы, как бы для себя. В ответ услышала гневную отповедь:

— Я что — миллионер? Ты знаешь, сколько эта палка стоит? Семь рублей! — И понесла такую чушь про свою вопиющую бедность на грани голодания, что даже вспоминать стыдно. Ведь Екатерина Ивановна работала в заводской столовой, не бедовала, тем более не голодала. И разочек могла бы разориться на копченую колбасу для дочки-инвалидки.

Уже потом она иногда вкладывала в письма мне три рубля, и я тут же радостно отдавала их тете Марусе.

Тетя Маруся... Не знаю, почему эта женщина, настолько серьезно больная, не отказалась от меня до последнего, ведь ей же тяжело было за мной ухаживать! Поначалу дежурные няни помогали меня купать, потом всю заботу обо мне переложили на тетю Марусю. Иногда по утрам у неё случался выматывающий приступ эпилепсии, после него ей надо было хоть немного поспать, а мне в это время хотелось в туалет после ночи. Сколько раз, вот так лежа и изнывая от нетерпения, я проклинала себя за то, что еще жива, что мучаю людей и сама мучаюсь.

Иногда эпилептический приступ случался у тети Маруси в обеденное время. Садится меня кормить — и неожиданно приступ. Смотрю на ее сжатую судорогой руку, в которой зажата ложка с куском котлеты или гарниром, и хочется заорать: «Тётя Маруся, миленькая, да бросьте вы меня!». Не бросала.

Жизнь текла дальше... Изредка навевывалась мать. Она могла бы помочь помыть меня, но ни разу не предложила. Однажды я не выдержала и высказала: помоги Марусе. В ответ услышала:

— У вас есть нянечки, ухаживать за тобой — их святая обязанность!

Когда я ей попыталась вдолбить, что ухаживать за чадом, в принципе, это святая *материнская* обязанность, она задрала на лоб глаза и бесстыже сделала вид, что не понимает, о чём я.

Как-то меня надо было помыть. Тетя Маруся, обработав ванну, посадила меня в нее. Видимо, ванна еще не согрелась, и меня свела спастика — все тело скрючилось. У меня в ПНИ от постоянного стресса, естественно, обострились и спастика, и гиперкинезы. Тетя Маруся прикрикнула:

— Щас как дам шваброй — сразу распрямишься!

От этого неожиданного окрика я расплакалась, но нашла в себе силы сквозь слезы выдавить улыбку, простить ей окрик. Я видела, что и тете Марусе не по себе, стыдно за срыв. И срыв-то не со зла, а от плохого самочувствия.

Я старалась поменьше досаждать Марусе просьбами. Если видела, что моя кормилица не в духе, не приставала к ней. Но как в моем бедственном положении не обращаться к человеку, от которого зависишь во всем? Ну, иногда от обеда откажусь или промолчу полдня, и вижу, что все довольны: молодец, Томочка, ничего не просит!

Однако лежать в палате, созерцая стены и потолок, или сидеть на улице, куда тебя вынес кто-нибудь из персонала, было ужасно. Слава Богу, через год после моего поступления в ПНИ, наконец-то выдали коляску, и я смогла хотя бы бывать в коридоре.

Попытка вырваться из ПНИ

На меня сплошняком падали неприятности. Всего и не опишешь. И не хочется.

Я услышала от медиков, что в Инском доме-интернате для престарелых и инвалидов созданы хорошие условия для колясочников моего типа, с парализованными конечностями. Попроситься туда? Но это не ПНИ, а стационар для инвалидов без умственных отклонений. Для перевода туда нужно получить заключение врача. Я долго колебалась, заранее предполагая отрицательный ответ врача. И все же решила повоевать за свое будущее. Долго готовилась к встрече с врачом, и этот день настал. Я заехала в медпункт, где прием вела врач из города. Как ни странно, а может, и символично, но врача звали тоже Тамарой — Тамара Федоровна.

Пожилая дама в очках, крашенные рыжие волосы, непроницаемое лицо. Смотришь на нее — и ощущение, что это не лицо человека, а восковая маска. Может, врачи, общаясь с нами, сложными инвалидами, специально прячут истинное лицо? И вот сижу перед ней, внутри себя чувствую противный холодок, начинаю волноваться, все убедительные слова и весомые аргументы, приготовленные с вечера, разбегаются в стороны.

— Как зовут? — чуть заметно пошевелив тонкими губами, спросила врач.

— Тамара Черемнова, — ответила я. Хотелось добавить «ваша тетка», чтобы стать поближе, но выражение лица Тамары Федоровны было непробиваемым.

— На что жалуешься?

— Я не жаловаться приехала, мне надо с вами поговорить. Хочу попросить вас дать мне медицинское заключение о том, что я могу находиться в доме инвалидов общего типа. Мне хочется переехать в Инской дом-интернат. Там много подобных мне людей на колясках, и удобств там больше, и уход лучше. Там много молодых, мне там будет интереснее жить, и, может, удастся проложить учебу, мне ведь всего двадцать лет.

— Ты училась? — спросила она, глядя на меня в упор и держа перед собой мою историю болезни.

— Да, но, к сожалению, у нас в детдоме не было регулярных занятий. В истории болезни должно быть написано про мою учебу, воспитатели в детдоме делали записи, кто сколько освоил учебной программы. И там должна быть моя характеристика.

Тамара Федоровна пролистала мою историю болезни и, пожав плечами, сказала:

— Тут нет никакой характеристики. Ты сколько классов окончила?

Я ступевалась, не зная, что ответить. Начать рассказывать, что я не хуже ходячих осваивала учебную программу, что я самостоятельно изучила физику за шестой класс, и вдобавок перечислить ей законы физики? Только вряд ли она сама их помнит в таком возрасте. И тут я вспомнила про тетрадку со своими стихами, предусмотрительно прихваченную на беседу с врачом.

— Я даже стихи сочиняю. Вот! — И протянула дрожащей рукой тетрадь.

Тамара Федоровна заглянула в тетрадь, перевернула пару страниц и подала мне назад. Но я не смогла взять ее в руки — от волнения усилился гиперкинез.

— Свои стихи ты можешь читать своим друзьям. А заключения такого дать не могу. Тебя же всю дергает, а это признак психического заболевания, — оглоушила меня моя тетка. Я в очередной раз почувствовала, как из-под меня уплывает земля и душа каменеет от безнадежности.

Мне кажется, ни один врач не имеет право вот так ломать человека. И без того тяжело, что ты не похож на других, на нормальных-здоровых, что у тебя существенные отклонения и в здоровье, и во внешнем облике. А от такого категоричного врачебного заключения, да еще в такой резкой форме, да высказанного столь недоброжелательным тоном тут же хочется покончить с собой. Особенно если ты не придаешь значения своему пребыванию на земле, если оно тебе и самому в тягость...

Ту ночь я снова провела без сна, молча закусив подушку. Богатое воображение не заставило себя долго ждать — я отчетливо увидела себя со стороны: сижу криво-косо на коляске, мотаю хаотично из стороны в сторону головой, дергаюсь всем телом. От этой неприглядной картины больно сжалось сердце. И еще больше оно сжалось от последующей мысли, что все-все знают, что эти хаотичные движения, эти дерганья — признак психического нездоровья. И все могут смело тыкать пальцем и называть психохроником. И захотелось спрятаться ото всех — чтобы меня больше никто не видел. А куда спрятаться?

В голове промелькнула спасительная, как мне показалось, мысль. Если меня не будет больше в живых, тогда никто не будет видеть моего безобразия. Мысли о смерти посещали меня еще в детдоме и неоднократно, порой я страстно мечтала о смерти, видя в ней избавление от всех страданий, но ничего не предпринимала, только ждала. Так зачем мечтать и ждать, когда можно ускорить, сделать все своими руками? Тем более что в руках у меня надежное смертоносное средство — накопленные таблетки паркопана-5, большая доза которых смертельна, на мой тщедушный организм уж точно подействует. Я обрадовалась: получается, не зря их копила. В окно уже вползал бледный рассвет, когда я наконец-то вздремнула, обрадованная и успокоенная своим решением.

День начался как обычно. Няни принесли завтрак. Тетя Маруся спросила, буду ли я есть. Я попросила лишь чаю и старалась ничем не вызвать подозрения. Лежа на койке, думала только о пузырьке с таблетками паркопана-5, что стоял в тумбочке. Все предельно просто — надо только суметь проглотить без воды противные на вкус таблетки и не подавиться, иначе весь план провалится. Неужели через несколько часов я не увижу, не услышу и не почувствую больше ничего? Ни этих стен, ни колючих взглядов, ни убийственных слов, ни душевной боли, ни себя самой, такой, какая я есть в данный момент. И, самое главное, освобожу людей, которым приношу столько хлопот и неприятностей. Тете Марусе не придется больше напрягаться из-за меня, мать освободится, отца уведомят, и он вздохнет с облегчением и, наверное, даже не поинтересуется, где меня закопали... И родителям больше не надо будет оберегать семью от моих посягательств.

После обеда, немного отдохнув, соседки отправились на улицу, я сделала вид, что сплю. Когда все вышли из комнаты, села на койке, изогнулась, достала таблетки и положила их под подушку. На ужин принесли молочный суп, который я недолюбливала, — как нельзя кстати.

— Будешь молочный суп? — спросила меня тетя Маруся.

— Не, — скорчила я кислую рожу. — Только чаю попою.

После ужина они снова все разбрелись кто куда, и я осталась одна в палате. Вытащила пузырек с таблетками паркопана-5 и, глядя на него, старательно припоминала, какой режим приема мне назначали, чтобы точно рассчитать смертельную дозу.

Когда мне назначили эти таблетки, я поначалу обрадовалась, что меня меньше будет дергать, и тете Марусе легче будет меня кормить. Однако эти таблетки туманили рассудок, и я становилась настолько вялой и безразличной, что самовольно прекратила их прием. А на мои гиперкинезы они нисколько не влияли. Поприемав паркопан-5 несколько дней, я обратилась к фельдшеру Ольге Федоровне с просьбой отменить их и заменить другими. Но та запротестовала и стала истово убеждать, что это именно то, что нужно. И вообще, лучшее фармацевтическое средство для снятия гиперкинезов. И, подбоченясь, посоветовала мне, безграмотной, не спорить с дипломированными представителями медицины, а неукоснительно выполнять предписания. Могу предположить, что паркопан-5 «не брал» меня, потому что у меня не кончалась депрессия, а на её фоне никакие фармакопейные средства не действуют. К тому же

лечение гиперкинезов дело сложное и подбор средств ведется индивидуально. Пробуют одно, другое, третье, смотрят на результаты, сочетают с физиотерапией, меняют курсы, дозировки, схемы приема и так далее, а не как в Прокопьевском ПНИ в те годы — пей назначенные таблетки и не рассуждай.

Воспоминание об унижительном разговоре с фельдшером добавило желания уйти из жизни — беспомощного инвалида. Я поднесла ко рту пузырек, выдернула зубами пробку и всыпала в рот таблетки, сколько смогла. Так как рука дрожала, половина рассыпалась на постель. С трудом проглотила и обессилено откинулась на подушку. Собрать рассыпанное уже не осталось сил.

Полученной дозы паркопана-5 хватило, чтобы ввести меня в беспробудный полусон и вызвать галлюцинации, продолжавшиеся неделю. Вроде бы я все видела, слышала и понимала, но как-то фантастично. Казалось, что вижу сквозь стену, как в коридоре наши девчонки из детдома играют в мяч, я их умоляла зайти ко мне и высказывала наболевшее...

Когда я пришла в себя, сидевшая рядом на стуле медсестра Любовь Кузьминична произнесла с укоризной:

— Томочка! Зачем ты это сделала? Тебя же могли бы не откатать!

— И это было бы лучше, — буркнула я, окончательно вернувшись в реальность.

Через полгода я повторила попытку суицида, сумев раздобыть еще таблеток. Но персонал был начеку. Как только увидели меня в беспамятстве, силком разжали посиневшие губы и влили два бидона воды с марганцовкой, чтобы промыть желудок.

Так мне и не удалось в тот период выбраться из ПНИ — ни в дом инвалидов, ни на тот свет...

От атеизма к Богу

Я росла в эпоху воинствующего атеизма. В детдоме нам настойчиво внушали, что никакого Бога нет, всё это выдумки темного необразованного народа, а человек не божье творение, а плод эволюции. У меня, естественно, возник вопрос, поставивший воспитателей в неловкое положение:

— А почему сейчас эволюция не происходит? Вон медведей в цирке дрессируют-дрессируют, учат вести себя по-людски, одевают в человеческие одежды, почему они в людей не превращаются? И с обезьянами столько опытов ставят, пытаются их развить, а они все равно остаются обезьянами?

— Не умничай! — одергивали воспитатели и переводили разговор на другую тему.

Я признавала отсутствие Бога, но иногда задумывалась, что за светлая и добрая сила бережет меня все эти годы? Ведь если прокрутить всю мою жизнь, найдется куча отчаянных ситуаций, когда, кажется, ну все, Томка, кранты тебе!

Взять хотя бы случай на речке, когда упала лицом в воду. Больной парализованный ребенок сам по себе не смог бы подняться, к тому же я так сильно испугалась, что руки свело, и крик застрял в горле. Но я отчетливо почувствовала, что какая-то неведомая сила поднимает меня из воды и сажает. Ведь если бы я завалилась на бок, непременно бы захлебнулась.

И после того, как в Прокопьевском ПНИ эта сила снова воспрепятствовали моему добровольному уходу из жизни, я поняла, что жизнь дана мне всевышней силой, и не стоит вмешиваться в её планы.

Тогда, в семидесятые я еще не осмеливалась произнести слово «Бог». Позже, когда к религии стали относиться терпимее, смогла сказать вслух, да, меня создал Бог. Он даровал мне жизнь и поручил определенную миссию, которую я обязана выполнить в течение жизни, определять начало и конец которой он будет определять без моей помощи.

Не только мне, каждому человеку дается своя миссия. И за её выполнение человек отвечает только перед Богом. И ни один человек не имеет права убивать себе подобного ни морально, ни физически. И точно также не имеет права убивать себя самого.

Когда в 20 лет я собралась покончить с собой, то не думала ни о Боге, ни о грехе самоубийства. После приговора врачихи Тамары Федоровны, для беседы с которой я взяла тетрадь со стихами, я думала о другом. О том, что Сергей Есенин, Владимир Маяковский и Марина Цветаева ушли из жизни добровольно. А поэт Иосиф Уткин оправдывал самоубийство:

Есть ужас бездорожья,

И в нем — конец коню!

И я тебя, Сережа,

Ни капли не виню.

Бунтующий и шалый,

Ты выкипел до дна.

Кому нужны бокалы,

Бокалы без вина?..

Кипит, цветет отчизна,

Но ты не можешь петь!

А кроме права жизни,

Есть право умереть.

Мне казалось, что ужас бездорожья даёт мне право умереть... Если такой выход из беспросветности нашли великие и нужные человечеству люди, то никчемная и никому не нужная я и подавно могу это сделать...

Какое счастье, что мои попытки лишиться себя жизни провалились! И подтвердили моё право на колясочную жизнь, совершенно не похожую на жизнь здоровых прямоходящих людей.

Ещё я поняла, что общество не должно изолировать меня, запиравать, прятать за забором. Я не преступник, не несу никакой опасности, не причиняю никакого вреда. И имею право на появление в обществе, а не только на четыре казенных стенах. А кто не может без содрогания смотреть на парализованного инвалида в коляске — пусть не смотрит! Но если Бог создает таких, как я, значит, нас надо *принимать*, и пусть здоровые-ходячие свыкнутся с нами и нашим присутствием в общем жизненном пространстве.

Переселение в «слабый» корпус

Снова возвращаюсь в мое самое трудное время, когда не хотелось жить и не получилось умереть. Лучшие молодые годы прошли как один тяжелый ненастный безрадостный день.

Я еще раз попыталась поговорить с врачом, но та отказалась меня принять, пояснив:

— Я эту больную знаю, ей бессмысленно что-либо назначать, все равно ничего не поможет!

Эти слова мне передала медсестра, и даже в ее широко распахнутых глазах я прочитала неприятие этих ужасных слов. Мой мозг тоже отказывался их принимать и понимать...

Тетя Маруся уехала в гости к своей найденной через Красный Крест дочери, и уже не вернулась. С тетей Марусей я прожила в одной палате с 1974 года по 1979 год, и она постоянно и бережно ухаживала за мною. А теперь ухаживали, кто придется, то одна проживающая поухаживает, то другая.

Однажды ко мне подошла новая сестра-хозяйка из «слабого» корпуса. Поначалу она работала няней у нас, затем ее перевели в тот корпус.

— Тома, может, ты пойдешь к нам? — предложила она. — Я организовала отдельную палату для молодых девчат, таких как ты, тебе там будет веселее. Ты любишь читать, но читать можно и у нас, тебе не будут мешать.

Читала я много. По палатам «ходили» газеты и журналы, выписываемые администрацией и приносимые из дома сотрудниками. Имелась своя библиотека, оставшаяся от дома престарелых и инвалидов, находившегося здесь раньше. Кроме этого, книги приносили из дома сотрудники и родичи проживающих, а также присылали в подарок «с воли». Правда, та же беда, что и в Бачатском детдоме: книги, в основном, художественные. А мне нужны книги не только для чтения, но и для занятий, я же пыталась сама пройти школьную программу.

Я призадумалась над предложением сестры-хозяйки. Вспомнила свой первый страшный день в Прокопьевском ПНИ — как раз в «слабом» корпусе... И засомневалась насчет того, что мне не будут мешать читать и заниматься, ведь крикунов и буйных ведь не остановишь и не уговоришь. Но оставаться в моем нынешнем корпусе без Маруси не было никакой возможности. Все вокруг недужные, немощные. Персонал не справляется, один день меня накормят, а на следующий не найдется кому, и оставят голодной. Поблагодарила сестру-хозяйку за заботу, но сразу согласия не дала — взяла время на

размышление. Вечером в нашу палату зашла медсестра Галина Николаевна. Я рассказала про разговор с сестрой-хозяйкой.

— Тамара, тебе так или иначе придется перейти туда, ведь тут за тобой некому ухаживать. Света, которая тебя кормит, не имеет права этого делать, она же работает в свинарнике, а там грязь, занесет тебе какую-нибудь заразу. Так что соглашайся на предложение сестры-хозяйки, — посоветовала Галина Николаевна.

Я взвесила все «за» и «против» и утром сообщила о решении перейти в «слабый» корпус. Моя приятельница Татьяна, которая иногда катала меня по территории, помогла собрать вещи и на коляске повезла к печально знакомому зданию. Я ехала с холодком в груди, но с сухими глазами, предчувствуя очередной крутой поворот в жизни.

В «слабом» корпусе на входе нас встретила нянечка и проводила до палаты. По коридору я ехала с опущенной головой и даже не разглядела, каков он, изменив привычке внимательно все рассматривать и прикидывать, где смогу спокойно посидеть, почитать, позаниматься, подумать.

Меня завезли в палату, где стояло четыре койки и одна тумбочка. Потом комнату доукомплектуют тумбочками и столом.

— Вот тебе, Люся, подружка. Ты же просила, чтоб тебе нашли соседку помоложе. Принимай на проживание, — обратилась сопровождающая няня к черноволосой девушке, сидящей на койке.

Я поприветствовала кивнувшую мне Люсю и стала осматриваться.

— Ладно, девчата, я пойду, — сказала Татьяна, явно тяготившаяся и пребыванием в «слабом» корпусе, и видом обитателей палаты, и моим молчанием.

Напротив черноволосой Люси, возле койки на полу сидела моя старая знакомая — Любка, привезенная вместе со мной из детского дома. И сразу встал перед глазами памятный день: как ехали на машине, как провели страшную ночь запертыми в изоляторе, как Любку накачали аминазином... А возле окна напротив меня лежала бабуся, которая уже почти сама не ходила. Ничего себе «девчата»!

— Тебя как зовут? — чуть слышно спросила Люся.

— Тамара, можно Тома. Сказали, что тут палата для девочек. Бабулю они тоже относят к девочкам? — хмыкнула я.

— Ее переведут в другое место, когда привезут следующих молодых. В этой палате будут жить только молодые, — сказала Люся.

Тут в палату зашла вторая няня.

— Новенькую привезли? — поинтересовалась она.

— Я не новенькая, меня перевели из женского корпуса. Там за мной ухаживала одна женщина, но она умерла. Теперь некому ухаживать, вот я и попросилась сюда. Я сама не могу есть из тарелки и пить из чашки, меня надо кормить. А вот на койку могу залезать, и одеться могу, — перечислила я свои умения, умолчав, что одеваюсь очень медленно, да и на койку карабкаюсь очень долго.

— Ладно, уж накормим тебя, — буркнула няня и вышла из палаты.

Я посмотрела на Любку — узнала она меня или нет? На лице Любки — ноль эмоций. Наверное, забыла за пять лет, а на территории интерната мы никогда не встречались, у каждого корпуса было свое место для гулянья.

Про Люсю расскажу подробнее. Ее физическое состояние было куда лучше моего — руки совершенно здоровые и речь нормальная, лишь ноги стянуты в коленях, сведены

так, что не могла ходить, передвигалась на коляске. С таким состоянием вполне можно было и дальше учиться. Однако Люся, пока жила дома, окончила всего один класс, потом с ногами стало хуже, и она перестала ходить в школу. Почему не стала учиться дома? И почему ее определили в ПНИ? Не знаю, а спрашивать неудобно. У Люси имелся брат-инвалид Леша, его состояние было значительно тяжелее. Сначала Леша обитал в другом ПНИ, а потом его перевели в наш, Прокопьевский.

Раздали обед. Я посидела, подождала няню, думала уже, что никто не придет и здесь будет та же свистопляска с кормлением. Но няня заглянула, окинула взглядом палату. Не услышав от меня никаких просьб, хотела было уйти, но Люся мягко попросила ее покормить меня. И няня, усевшись рядом, начала меня кормить с явной неохотой.

Вечером, уже лежа в постели, я почувствовала, что в душе появилось какое-то новое чувство — смесь безрадостного спокойствия и тупого равнодушия. Нехорошее чувство, не надо ему поддаваться. Главное, не ослабеть и не распластаться на койке раньше времени, ведь хронические лежачие больные, махнувшие на себя рукой, как правило, уже никогда не поднимаются... А мне никак нельзя становиться лежачей!

Однако, несмотря на внутреннее сопротивление, моя жизнь в «слабом» корпусе будто потекла по наклонной плоскости. Я стала равнодушнее к себе самой, нянечки все неохотнее садились кормить меня, окружающие уделяли мне минимум внимания, а я их ни о чем и не просила. Умом понимала: если не найду выход из сложившегося положения, то меня затолкают в 25-ю палату, где обитают клинические идиоты, которых тоже надо кормить с ложки. При идиотах находилась своя нянечка, и был свой метод кормежки — всю еду помещали в большую чашку, похожую на тазик. А может, это и был тазик. Так вот, в этот тазик крошили булку хлеба, потом наливали суп, вываливали второе и третье. Всё смешивали, и этой массой кормили идиотов. Крошево как для свиней! Но идиоты ели с удовольствием, не выказывая недовольства и не проявляя гастрономических претензий. Я по своим физическим возможностям сильно уступала рукастой Люське и даже слабоумной Любке. Так что, наверное, не буду особо выделяться среди идиотов, если меня пристроят к их общей кормушке...

Однажды в палату зашла нянечка Нинка, сумасбродная бабенка, у которой все разговоры сводились к сексу — о чем бы ни зашел ее разговор, он неизбежно заканчивался темой половых отношений. Нинка зашла поговорить с Люськой, которая здесь считалась самой нормальной: нет косоглазия, спастики, гиперкинезов, да и речь чистая. Они вволю поохотали после того, как Нинка рассказала, как была вчера на природе и имела бешеный успех у противоположного пола. А уходя, Нинка обернулась в мою сторону и прошипела:

— У-у-у, коссачка!

Косоглазая, значит. Сейчас я бы нашла, что ей ответить, а тогда только опустила голову. Да, развилось сильное косоглазие, которое невозможно остановить, и это больно сознавать. Косоглазие — беда многих ДЦПшников. Мое косоглазие не врожденное, на детских фотографиях глазки не косят, взгляд прямой, оно прогрессировало в подростковом возрасте. На начальной стадии его можно было исправить постоянным ношением специальных очков, изготовленных на заказ, стоило все это дешево — полтора-два рубля, от силы три. Детдомовские работники кое-какую заботу проявляли — время от времени призывали поменьше читать, обвиняя в моем косоглазии любовь к чтению и даже пугая, что я совсем окосею и ослепну. Чтение целыми днями без корректирующих очков, несомненно, усугубило мое косоглазие, но без книг я жить не могла. В Прокопьевском ПНИ меня тоже не осмотрел окулист, и никаких очков у меня

не было. Я бы сама их купила, мелкими деньгами располагала, но не могла это сделать без рецепта и посторонней помощи. Зато проживающие по соседству тётки не скупилась на страшилки:

— Ой, не доведут тебя, Томка, книги до добра...

К этому возрасту я уже знала, что обзываются те, у кого много злобы, кто не состоялся как личность, кого тоже постоянно шпыняют, и, чувствуя пустоту внутри себя, они и выплескивают злобу на того, кто, как им кажется, еще несчастнее их.

На память приходят рассуждения американского психолога Дейла Карнеги о том, что никто никогда не бьет мертвую собаку. Что толку пинать мертвую собаку? Взять с нее нечего и завидовать нечему. А вот если вас постоянно задевают, значит, у вас есть то, чему можно позавидовать. То есть мне завидовали...

Вязальный цех

С Люсей, соседкой по палате, я подружилась. Она иногда помогала меня кормить, но было неудобно просить ее об этом часто и безвозмездно. И я предложила ей взаимовыручку. Однажды после обеда, когда она, как обычно, сидела на койке, сложив руки на коленях, я сказала:

— Люсь, у тебя же руки здоровые, почему бы тебе не вязать вещи? Хотя бы одежды для малышей. У тебя бы их покупали, глядишь, заработала бы, не лишняя копейка.

Даже живя в ПНИ я знала, что тогда, в 1979-м, прилавки детских магазинов не ломились от товаров. А многие вещи, в том числе вязаные, были в дефиците. Кофточки, шапочки и шарфики чаще всего вывязывали внукам добрые бабушки, но ведь не у всех есть бабушки, умеющие вязать.

— Я знаю, как набирать петли, а вот когда вяжу, путаюсь. И ничего не получается, — сокрушенно ответила Люся.

— Давай я с тобой позанимаюсь. Руки у меня плохие, но все вязальные ходы знаю. Я помогала в детдоме девочкам. Тем, кто, так же как и ты, вначале не мог освоить вязку. А за это попрошу тебя кормить меня, когда няни не приходят.

— А из чего будем вязать? На что покупать нитки? Я же пенсию на руки не получаю. Может, ты ее получаешь?

— Я тоже не получаю. Но для начала необязательно вязать из новой пряжи. Можно, к примеру, распустить мой свитер.

— А тебя не заругают за этот свитер? — засомневалась Люська.

— Кто? Это же мой личный свитер, могу делать с ним все, что захочу, — заверила я, довольная своей находчивостью.

Распороли по швам мой зеленый свитер, совсем еще целехонький (уж очень мне хотелось начать производство), и распустили на нитки. Люська связывала нитки узелками и сматывала в клубок.

Сначала я ее научила вязать английской резинкой, так как она самая легкая и запомнить ее проще простого. Я сидела рядом и подсказывала, какую петлю нужно провязать. Старалась особо не умничать, чтобы не обидеть Люсю, и здесь помог горький детдомовский опыт, там меня научили вести себя скромно, мигом окорачивали, едва во мне просыпался гордый черт. Один истошный ор Анны Степановны Левшиной чего стоил, до сих пор в ушах звенит. Когда Люська освоила английскую резинку и обычную

вязку лицо-изнанка, мы вдвоем смастерили детский чепчик, который тут же купила одна молодая няня. Главное — почин!

Потом у нас с Люсей пошли другие детские вещицы, сразу находившие своих покупателей. Заработки непостоянные и небольшие, два-три рубля, зато как изменилось отношение окружающих. Все оценили мои организационные способности и Люсины вязальные навыки. Хвалили нас чаще вместе, мол, молодцы девчонки, вон какое нужное дело затеяли. Я и сама гордилась нашим маленьким вязальным цехом.

Теперь няни сами приносили нам старые вязаные вещи, Люся их распускала, а я придерживала распускаемую тряпочку, чтобы ей удобнее было мотать. В процессе вязания старалась не подчеркивать, что «веду» Люсю, ведь людям неприятно, когда их все время учат. А та меня исправно кормила, и я уже не зависела от нянечек.

Потом Люся наловчилась вязать сама, без моей помощи, и, соответственно, уже не была обязана меня кормить. Ох, как сложно мне было с этим кормлением! Иногда я Таську просила покормить меня, иногда других девчонок, так и перебивалась.

Цените, люди, то, что вы сами можете зачерпнуть ложкой из тарелки и поднести ее ко рту! Что вы самостоятельно можете попить из стакана или из чашки! А уж если ваши руки в состоянии орудовать вилкой, ножом и прочими столовыми приборами, вы просто счастливый человек!

Страхи «слабого» корпуса

Ночами я улетала в свои наивные мечты. Грезила, что рано или поздно найдется хороший врач, который внимательно и по-доброму выслушает меня и исправит этот несправедливый приговор «олигофрения в стадии дебильности».

Обитать в «слабом» корпусе было страшно. Однажды Люся села ко мне на койку, и мы болтали о том, о сем. Вдруг в палату ввалился больной на голову мужик и полез к Люсе с поцелуями. Та наклонила голову и сопротивлялась. Но он здоровый бугай, сила на его стороне, и меня затошнило уже от одной мысли, что он переборет Люсю и достанет ее своим вонючим ртом. И, не задумавшись о последствиях, я что есть силы двинула его ногами — на удар мои парализованные ноги оказались способны. Слабоумный бугай перелетел через Люсину коляску и шмякнулся на пол. Думала, больше не полезет, ведь и ходил-то плохо, ноги заплетались, так нет же, поднялся и опять потянулся к Люсе. Тогда я заорала:

— Люська, ползи скорее в коридор, зови санитару или нянечку!

Пока Люся ползла до порога, бугай набил мне морду и ушел довольный. Няньки пришли, когда все уже закончилось, поохали, развели руками и дали мудрый совет на ночь подпирать дверь койкой. А кто это делает? Я не могу, Люська тоже. Потом бугая перевели на второй этаж, где пригляд за такими больными больше, и назначили ему успокоительные уколы.

Но страшнее выходок единичного бугая было, когда вся дежурившая смена напивалась в стельку. В такие минуты я лежала и думала: вот если бы рядом со мной не было никого из соседок, кто бы мог мне помочь, то что тогда? Вот, например, захочется в туалет, и хоть изойди криком в такую смену, никто не подойдет. А если плохо с сердцем? Конец! И до утра пролежала бы покойником.

Дежурная медсестра никогда не ходила по палатам и не спрашивала, кому что надо, лишь утром настрачивала рапорт о том, как прошла эта смена. А смена прошла так, что персонал напился, завалился спать, к утру все проспались, протрезвели и приступили к работе.

Квалификация младшего персонала оставляла желать лучшего. Не все няни знали, как положить судно под лежащего больного. Они предпочитали более простое решение — на матрас лежащего больного надевали так называемую «матрасовку», сшитую из клеенки, и меняли простыню дважды в сутки. И наплевать, что человек обмочился три-четыре раза и лежит мокрый по уши. Придет время всех перестилать, вот тогда и заменят простыню. Этой же пропитанной мочой простыней повозят по мокрой клеенке, вроде как вытерли, застелют сухую простыню, которая тут же становится влажной от клеенки, и что меняли, что не меняли, простыня лишь по краям чистая и сухая. Вот такая метода — необременительная для нянечек и губительная для кожи больного, постоянно раздражаемой мочевой кислотой. Памперсы в 1979 году уже существовали и широко применялись за рубежом, даже проникли в отдельные семьи и лечебницы СССР, но до глубинки еще не дошли.

Я больше всего боялась, что ослабну, слягу, и подо мной точно так же будет гнить клеенка с матрасом. И вместе с моим телом сгниет до появления живых червей — такое в ПНИ случалось! Поэтому я каждый день, как бы скверно себя ни чувствовала, как бы плохо мне ни было, как бы ни кружилась голова, как бы ни болел позвоночник, обязательно вставала на ноги возле своей кровати и стояла, держась за ее спинку по десять–двадцать минут. Сколько хватало сил.

И, благодаря этому, неплохо научилась держаться на ногах. Эта физкультура помогла укрепить мышцы на ногах, и я начала вскарабкиваться на коляску без посторонней помощи. А сподвиг меня на эту физкультуру животный страх стать лежачей и неухоженной.

Значимые люди

Расскажу о немаловажных для меня людях, с которыми тесно связала жизнь в Прокопьевском ПНИ.

Наша добровольная помощница Тася — замечательный человек. Тася родилась одиннадцатым ребенком в семье, и единственным оставшимся в живых. Но, увы, с идиотией в глубокой стадии, не поддающейся никакой коррекции. Во всяком случае, так считалось в нашем ПНИ. До десяти лет родители держали Тасю дома, пока были силы «пасти» ее, потом сдали в детдом города Березовска, где она прожила до совершеннолетия, после чего отправили в наш Прокопьевский ПНИ.

Когда меня перевели в «слабый» корпус, Тася начала знакомство с того, что поставила мне синяк под глазом, ткнув стаканом в лицо. Неумышленно стукнула, просто отметила нового для себя человека. Я не успела увернуться потому, что еще не знала, как надо вести себя с *такими*. В нашем детдome *таких* держали в отдельном корпусе, и мы с ними никак не контактировали. А тут Тася общалась со всеми без ограничений и не считалась проблемной — наоборот, покорно выполняла чуть ли не всю работу за ленивых нянь, приставленных к нашей палате. Она добровольно приходила к нам, подносила, уносила, поднимала, держала. Физическое развитие у Таси было отличное, руки-ноги сильные, только невнятная речь и несообразная головка. Тася заходила к нам, помогала «по хозяйству», потом подходила к Любке и что-то лопотала. Мне слышалось, что она просит лимонад. Странно.

Однажды я спросила Люсю:

— Люся, а какой такой лимонад Тася все время просит у Любки?

— Да она не лимонад просит, это она «манакает», — засмеялась Люся. — Вот прислушайся, она говорит «Любка моя».

Тася повернулось к Люське и повторила излюбленную фразу уже в другом варианте: «Люська мана»?

— Нет, не мана! — поддразнила ее Люся. И напрасно это сделала. Тася вцепилась в бедную Люську и начала ее тормозить, громко выговаривая:

— Люська мана? Люська мана?

Она чуть не стащила Люсю с койки и «манакала» до тех пор, пока Люся не сказала ей заветного «мана, мана». То есть в переводе на человеческий язык подтвердила, что принадлежит Тасе целиком и полностью и что любит ее. Только тогда Тася успокоилась.

Расскажу про один курьезный случай. Двадцатилетняя Тася по своей комплекции походила на тринадцатилетнего подростка — ни груди, ни бедер, ни каких других женских признаков, и совсем детское личико. А по интеллекту — сущий младенец.

Однажды в туалете потекла батарея, и няни, как всегда, направили безропотную Тасю подтирать воду. Няни вообще активно использовали всех ходячих инвалидов, мало-мальски владеющих руками. Таська с самого утра «пласталась» в туалете, старательно убирая воду, а та все прибывала. И, видимо, ей это надоело, она обозлилась на батарею, шустро сняла ее с крюка, на котором та крепилась, выдрала из трубы и вытащила в коридор.

Мы с Люсей сидели в палате, когда услышали металлический лязг, доносящийся из коридора. Я выехала в коридор и увидела, как слесарь Саня, громила-мордovorот, и двое его нехилых подручных, пыхтя, затаскивают какой-то объемный предмет в туалет и при этом отчаянно матерятся, а рядом стоят няни и тоже сыплют отборным матом. Оказывается, слесарь Саня орал матом на нянечек, решив, что это они коллективно сняли батарею, чтобы позлить его. А няни доказывали, что батарею сняла тщедушная Таська, чему Саня никак не мог поверить.

Я, регулярно читавшая пособия по медицине, пытаюсь разобраться в собственных диагнозах, знала, что больные типа Таси легко возбудимы и в минуты крайнего возбуждения способны поднимать тяжести в четыре раза больше своего веса. Что Тася и сделала. Как говорится, сила есть — ума не надо. После батарейной истории нянечки использовали Тасин рабочий потенциал осторожно и с оглядкой на ее настроение.

С другим значимым для меня человеком знакомство произошло следующим образом. На второй день моего пребывания в «слабом» корпусе после обеда к нам в палату, предварительно постучавшись в дверь, зашла молодая женщина и обратилась к Люсе:

— Люсь, дай, пожалуйста, твою коляску на время. Я своего Витьку привезла на природу отдохнуть, а коляску не взяла.

— Конечно, возьми, — разрешила Люся.

Женщина, проходя мимо, вежливо поздоровалась со мной и, взяв коляску, покатила ее к двери.

— Кто это такая? — поинтересовалась я у Люси, когда женщина удалилась.

— Это Катя Лузянина. Она работает нянечкой в 25-й палате, где все идиоты. А ко мне просто так заходит, по-дружески, — пояснила Люся. — У Кати муж без ног, она для него коляску попросила.

И я выжила в том кошмаре в значительной степени благодаря Кате. Она никогда не отказывала в помощи, хотя я не входила в ее «служебные обязанности». Катя соглашалась помыть меня, когда я просила. И просто забегала ко мне в свою смену. А

когда я схватывала очередную простуду или ухудшалось общее самочувствие, выпрашивала у медперсонала таблетки для меня.

Однажды мы с Люсей откровенничали, и она спросила:

— Том, ты когда-нибудь водку пробовала?

— Нет, ни разу, — призналась я.

— Хочешь попробовать? — спросила Люся, а я в замешательстве не знала, что ей ответить.

— Могу и попробовать, надо же, наконец, узнать, что это такое. А вдруг заругаются? — засомневалась я.

— Кто заругается? Посмотри — здесь же все пьют, — хмыкнула Люська. — Это помогает жить. Самое милое дело, чтобы расслабиться и забыться!

Я попробовала водку... Ничего хорошего! И вовсе не «милое дело». Я выпила маленькими глотками целую кружечку. Действительно, поначалу «отпустило», проблемы и обиды отступили на второй план, стало легко-легко, даже неизлечимые гиперкинезы исчезли. И я блаженно заснула. Но наутро все вернулось в двойном объеме, и проблемы, и обиды, и тоска, и страхи... Да еще голова раскалывалась от боли. И водки уже совершенно не хотелось. Кажется, сам господь Бог направлял меня в нужную сторону и удерживал от ненужного, неправильного и вредного.

Я совсем не знала своего будущего и уж тем более не предполагала, что меня ждет писательский успех, а меж тем жила так, будто готовилась к литературной карьере. Если проследить мою жизнь, то кажется, что путь проложен на четко очерченной схеме строгим пунктиром, с которого нельзя свернуть, как бы я не сопротивлялась.

Через полгода в палату поступила новенькая — Светлана. Она была домашним человеком, по национальности шорочка. Есть такой малый народ шорцы — обитатели горной Шории, в южной части Кемеровской области.

Светина мать умерла, и тетка сдала ее в ПНИ. У Светы был ДЦП, однако она ходила, держась за стенку, сама ела, сама стирала. Но говорила плохо. Ни писать, ни читать не умела, не могла даже расписаться, к тому же страдала эпилепсией. Голова у Светы была не безнадежная, и, думаю, ее можно было выучить грамоте, но, видимо, этим не занимались. Светой нам заменили неходячую старушку — привезли Свету, а старушку перевели в другую палату. Таким образом, как и задумывалось, создали палату для молодых девушек.

Трудно было Светлане привыкать к ПНИ. И самое обидное то, что в первый же день она крепко не поладила с Люсей. В день приезда Светланы к Люсе заезжал друг и увез ее к кому-то на день рождения, откуда Люська вернулась сильно навеселе. Увидев новенькую, беспричинно набросилась на нее.

— Почему в мою комнату без моего спросу поселили незнакомую девку? — возмутилась подвыпившая Люся и напустилась на меня: — А ты почему разрешила ее поселить? Может, она меня обокрала, пока меня не было дома?

— Люся, успокойся, Света ничего твоего не трогала, я же все время была дома, — успокаивала я подругу. Но та ничего не хотела слушать и продолжала кричать и на меня, и на Светлану.

— Ах, ты за нее заступаешься? Значит, она для тебя хорошая? Вот пусть она тебя и кормит, — бросила Люська мне в лицо. Ну что возьмешь с пьяной женщины?

— Если она у тебя что-то взяла, ты завтра проверишь. И если обнаружишь пропажу, то я попрошу у матери деньги и возьму тебе ущерб. А сейчас успокойся и ложись спать, — уговаривала я. Представляю реакцию моей матери в ответ на такую просьбу о деньгах! Отказала бы и обругала.

Я отлично понимала новенькую — попасть из родного дома в казенную обстановку, к тому же совсем недавно похоронив самого близкого человека, и быть обруганной в первый же день... Я слышала ночью, как Света плакала. До боли знакомая мне ситуация.

Через три дня Люся со Светой сцепились в драке. Светка не могла простить, что ее обругали ни за что, ни про что, и агрессивно напомнила Люське об этом. Хотя я поясняла Свете, что Люся не со зла это сделала, а подогретая алкоголем. Но Света не желала этого понимать. Люська подползла к Светкиной койке, которая стояла возле окна, напротив моей, Светка тоже слезла на пол, и очутилась как раз у батареи. Я лежала на койке и не хотела вмешиваться, но когда увидела, что они пристроились сражаться возле батареи, меня охватил ужас — ведь сейчас начнут колотить друг друга головой о батарею и либо убьют, либо покалечат!

— Девчонки, вы хоть от батареи отойдите, — попросила я их.

Но они не обратили внимания. Тогда я тоже спустилась на пол — надо же разнимать, пока не случилось беды. Светка сидела ко мне спиной, я вцепилась ей сзади за платье и дернула на себя, она свалилась на пол, я на нее и скомандовала Люське:

— Быстро ползи отсюда и позови нянечек!

Пока Люська уползала в коридор, я увещевала разбушевавшуюся Светку:

— Светочка, милая, успокойся, я тебе ничего плохого не сделаю. Если ты успокоишься, я тебя отпущу. — А сама думала со страхом: не дай Бог, вырвется из-под меня и выцарапает мне глаза. Я была в безопасности, пока держала ее, но если вырвется — мне несдобровать.

— Ладно, отпусти, я тебе ничего не сделаю, — наконец, смирилась Светка, и я ее отпустила.

Но когда я поднималась на кровать, меня сильно дернуло (чертов гиперкинез!), и я зашибла левую руку. Рука тут же вздулась, опухла, подоспевшая медсестра перетянула ее бинтом, но болело очень долго.

А Люська со Светкой так и остались злейшими врагами до самой Светкиной смерти в 1985 году. Так и воевали. Я это очень переживала, а нашей четвертой соседке, слабоумной Любке, было все равно. Она сама вела себя тихо и ни во что не вмешивалась. С ней проблем не было, ей всегда было хорошо. Я иногда даже завидовала Любке — замечательное состояние, когда всем довольна, ничего не хочется, ни к чему не стремишься — состояние домашней зверюшки, живущей в тепле и сытости.

Смерть Светы была для меня ударом. По официальной версии она умерла от приступа эпилепсии. А на самом деле Светлана нажралась в туалете лизола, который добавляли в раствор для мытья полов. Умышленно. Ее принесли из туалета без чувств в одиннадцать вечера, она всю ночь хрипела, под утро обмочилась, моча была с кровью. А к обеду умерла. Так и не смогла прижиться в ПНИ...

«Слабый» корпус на новом месте

Зима 1979 года в Кузбассе выдалась лютой, морозы под сорок, и наш обшарпанный «слабый» корпус, дышащий на ладан, не выдержал нагрузки — перемерзли все трубы отопления. Пришлось вскрывать полы и отогревать трубы паяльной лампой. Мы

ложились спать, не раздеваясь, а до стен нельзя было дотронуться — сразу же осыпалась замерзшая известка. «Слабый» корпус оказался слабым во всех отношениях. В таком помещении было грешно держать даже скотину! Нашего бессовестного директора уже несколько раз штрафовали, но ведь он оплачивал штрафы не из своего кармана, и ему было глубоко наплевать и на нас, и на наш корпус.

Зиму 1979-го кое-как пережили, а в сентябре 1980-го, не дожидаясь холодов, нас перевели в другой корпус — самый крепкий в ПНИ. Нам выделили большое крыло, где разместили по палатам, второе крыло занимала администрация — кабинеты бухгалтерии, отдела кадров, самого директора и общий медпункт. Крылья разделял небольшой холл, а выход на улицу был общий.

Опустевший «слабый» корпус наконец-то поставили на капремонт и отделявали его качественно — для администрации. Когда ремонт завершили, туда перевели все административные службы.

Несмотря на то, что после переселения в другой корпус у нас произошло немало невеселых событий, я все же радовалась переезду.

Однажды вся смена нянь, заступив на дежурство, наладились в стельку — им накануне выдали получку. А получали они в те годы прилично — 120–140 рублей в месяц, в два приема, аванс и зарплату. Среди нянь той смены была нестарая женщина Алька Гаврина. Перед тем, как получить аванс, Алька забежала к нам в комнату:

— Ой, девчонки, в туалет хочу, умираю, пока у вас сумку оставлю, а сама сбегая!

Бросила сумку рядом с Люськиной койкой и убежала. Отсутствовала довольно долго — сразу из туалета отправилась за авансом. И, получив деньги, вернулась к нам за сумкой. Не открывая ее, умчалась — не терпелось принять участие в общем алкогольном разгуле.

А через три дня, выйдя на смену и надравшись «до потери пульса», Алька ввалилась к нам в палату и понеслась руганью на Люську:

— Ты куда девала мои деньги? Где моя получка?

Люся даже не открывала Алькиной сумки. И сумку Алька оставляла у нас до выдачи аванса, а не после. И вряд ли бы она так беспечно кинула сумку с деньгами. И, если бы в сумке на тот момент лежали какие-то деньги, она бы, забирая сумку, проверила бы их наличие, но она этого не сделала. Люся спокойно ответила, что никаких денег не видела и не брала. Да и куда бы мы такую сумму спрятали? Это же большая сумма по тем временам, у нас самих таких денег не водилось.

— Почему же ты сразу не пришла ко мне, как обнаружила пропажу денег? — задала она резонный вопрос.

Тут Алька Гаврина взбесилась и в качестве ответа начала со всего маху бить Люську по лицу, приговаривая:

— Вот почему не пришла, вот!

Голова у Люськи моталась от ударов, она была совершенно беззащитна. Если б могла ходить — встала бы и отошла, а то и сдачи бы дала. А тут — ну как сладит слабая инвалидка с здоровой бабой? На крик пришлепала Алькина напарница Лиза, неплохая женщина, сама инвалид второй группы по зрению, но несколько заторможенная, и принялась увещевать:

— Аль, перестань, слышишь?

Но Альку это раззадорило ещё больше. Я заорала на напарницу:

— Лиза, будь человеком, позови дежурную медсестру! Ведь Алька может убить Люську!

До тугодумки Лизы наконец-то доперло, она вывалилась из комнаты и пошлепала к медсестре. Та явилась минут через десять.

— Что здесь происходит? — спросила она строгим тоном. Будто не видела, что пьяная няня хлещет по лицу инвалида. Потом, присев на стул, тоже стала увещевать: — Гаврина, перестань бить больную! Так, где дежурный санитар?

Алька не реагировала и продолжала метелить Люську. Медсестра вскочила и распахнула дверь. Санитар стоял в коридоре прямо у нашей двери враскоряку, распутив слюни и сопли, и качался из стороны в сторону, пытаясь удержать равновесие.

— О Господи, вся смена как на подбор, пьянь несчастная! — в сердцах закричала медсестра и снова уселась на стул и снова начала читать мораль Альке, избивающей Люську.

Я не выдержала и крикнула медсестре, не задумываясь о последствиях:

— Зинаида Ильинична, какой смысл в разговорах? Гаврина же ничего не соображает! Почему вы не вызываете милицию?

Медсестра сделала вид, что не слышит меня. Зато услышала Гаврина и, развернувшись ко мне, по-обезьяньи передразнила мою спастическую мимику и хмыкнула:

— А тебя вот так всю корежит, ыыыы!

— Ну и что? — с вызовом бросила я ей. — Зато я не напиваюсь как свинья!

— Не разговаривайте с Гавриной! Никто! — приказала медсестра, видимо, опасаясь, что Алька и на меня нападет. А я и хотела оттянуть драчунью на себя, чтобы у Люски появилась возможность уползти. Гаврина успокоилась только, когда иссякли силы.

Мы надеялись, что эта выходка не сойдет Гавриной с рук, ее непременно уволят. Однако ошиблись — Алька отделалась легким испугом. По жалобе Люсиной матери приехала мадам из Облсобеса, так сокращенно именуется Областной отдел социального обеспечения. И директор в ее присутствии тряс юридическими книгами перед носом присмирившей Гавриной, толковал ей про свод законов, грозил завести уголовное дело за рукоприкладство и нанесение ущерба здоровью больной. Но лишь влепил выговор за нахождение на работе в нетрезвом виде и невыполнение служебных обязанностей. На этом все закончилось. Об увольнении и речи не было. Что ж, директора можно понять — няни в дефиците, даже за приличную зарплату мало кому охота убирать из-под больных. В систему инвалидных стационаров только таких и берут, кого отвергли для более чистых работ.

Позже Лиза поведала нам по секрету, что Гаврина, получив тот злополучный аванс, отправилась к знакомым в гости, славно погуляли, а наутро обнаружила пропажу денег. Но Алька не дура лезть драться со здоровыми, вот и отыгралась на Люське. Обидно же потерять сорок рублей, когда в доме четверо детей.

Ни для кого не было секретом, что здоровые поселковые мужики, подвыпив, по ночам навевались в гости к молодым инвалидкам, жившим на втором этаже. Или те сами убегали к ним в поселок, а по утрам объявлялись в палатах, как ни в чем ни бывало.

И вот в одну из летних ночей вокруг нашего корпуса закружил один такой горе-жених. А началось все еще после обеда. Мы сидели в палате, кто спал, кто просто валялся на койке. Мы жили на первом этаже, окно было открыто, и вдруг через него

перемахивает детина, проходит к двери и, открыв ее, скрывается в коридоре. Поначалу подумали, что это кто-то из рабочих торопится к месту аварии, происшедшей в нашем корпусе. Через десять минут этот трюкач вновь перемахивает через наше окно и выходит в коридор. Мы позвали медсестру, чтобы узнать, в чем дело.

— Так это он через ваше окно перелезает? Мы его в дверь выгоняем, а он через окно прыгает! Вот паразит!— возмутилась медсестра. — Девчонки, закройте окно, чтоб он больше не смог пройти.

— А кто это? — любопытствовала Люська. — Мы думали, что рабочий: сантехник или электрик.

— Какой там рабочий! Это на второй этаж к одной девке «жених» повадился, мы его выталкиваем, не положено ведь, а он снова лезет. Вы его больше не пускайте через окно, — попросила медсестра и ушла.

Закрыли окно и успокоились, а ближе к ночи эта свистопляска началась снова. Ночные няни в своей комнате всегда подпирали дверь шифоньером и преспокойно спали до утра, медсестра запиралась в кабинете на ключ, так что до шести утра персонала не видно, не слышно и не дозовешься. Мы уже начали дремать, когда настырный «жених» заскребся в закрытое окно. Мы всполошились и послали Таську разбудить нянечек. Таська колотила в их дверь так, что руки отбила, потом стучалась к медсестре, но и за ее дверью глухо.

Кое-как пережив ночь, утром пожаловались старшей медсестре. Так медсестра, что дежурила в ту злополучную ночь, придя на дневную смену, первым делом зашла к нам в палату, притащив с собой санитаря, и они дуэтом стали угрожать, чтобы больше не жаловались.

— Все, вставайте, кончилась вам лафа! Теперь будете вместе со всеми вставать! — включив в нашей комнате свет, заорал санитар. — Если сейчас же не встанете, буду скидывать с коек!

Но никто из нас не шелохнулся, только я стянула платье со спинки кровати и уткнулась в него, чтобы не видели, как мне смешно. Посмотрела бы я, как санитар станет скидывать неходячих людей с кроватей. А дальше что? Его же заставят водворять неходячих обратно на кровати.

Подуло ветром перемен

Осенью 1982 года умер генсек Леонид Ильич Брежнев, казавшийся вечным и незаменимым. Вскоре после его кончины «железный занавес» слегка приоткрылся. На щелочку, но этого оказалось достаточно, чтобы просочилась опасная информация — во многих зарубежных странах живет куда лучше. И особенно — инвалидам.

Как-то раз после обеда, это было в 1984 году, я выехала в коридор проветриться. Подъехала к окну в вестибюле, смотрю, на подоконнике истрепанная газета. Я взяла газетный листок в руки, взгляд зацепился за необычный заголовок: «А так ли это?».

Положила листок на колени, стала читать — и у меня перехватило дыхание. Статья была о том, что во вспомогательные школы наряду с детьми, отстающими в умственном развитии, стали попадать дети с сохранным интеллектом. Если ребенок не успевает по школьной программе, его сразу же, неоправданно быстро, безо всяких попыток помочь, стараются отправить в школу для умственно отсталых, сокращенно УО. Я подняла голову и огляделась — рядом никого. И, как профессиональная воровка, сунула драгоценный листок под кофту и рванула в палату. Забравшись на кровать, раз пять перечитала статью. Откуда это? Кто принес крамольную газету? Статья вселила в меня

смелость и желание побороться за себя, я же тоже отношусь к категории несправедливо отнесенных к УО.

В ту ночь я не могла уснуть, все думала: надо действовать, но как и с чего начать? В голове возникали планы, один грандиознее другого. Под утро я задремала и в дреме уже видела себя в учебной аудитории.

Потом всё чаще и чаще возвращалась к потрепанному и помятому моими непослушными руками газетному клочку. Он стал соломинкой для утопающего, пропуском в будущее, а его многократное чтение глотком свежего воздуха.

Та газета оказалась не единственным сюрпризом. Воистину верно — судьба жмет-жмет человека, а потом выдает награду за все его муки.

В те годы в Прокопьевском ПНИ уже работала своя врач-психиатр — Людмила Алексеевна Енина. Когда она проходила курсы повышения квалификации, то приносила на работу научные журналы по своей профессии. Один такой журнал попал мне в руки 1985 году.

В нашу палату часто забегала ходячая девушка Надя, то одно поможет сделать, то другое. Но за хорошей Надей водилась нехорошая привычка — к ее рукам все «невинно прилипало» все, что приглянулось, даже совсем ей не нужное. Потом она всё возвращала, но заставляла людей искать пропавшую вещь и дергаться. Надо отдать ей должное, у нас она ничего не брала, понимая, что нам, лишенным свободы движения, искать весьма затруднительно, и дергаться мы будем как в прямом, так и в переносном смысле.

Однажды Надя вошла в нашу палату, держа в руках «Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова». Я взяла его посмотреть и увидела тему номера: «Все о детях с отсталым интеллектом».

— Надь, дай мне журнал, я тебе за это отдам все конфеты, что будут на полдник, — попросила я.

— Бери, — Надька безропотно протянула журнал.

Он явно принадлежал Людмиле Алексеевне и, видимо, был ее собственным — библиотечного штампа не стояло. И я решила, если она хватится и будет искать, скажу, что он у меня, и упрошу ее оставить на время. Как-нибудь договорюсь. Что плохого, если я хочу ознакомиться с научными изысканиями по своей проблеме. К счастью, та не хватилась журнала, и я прочитала его от корки до корки. Это было подарком судьбы. И разве это простое совпадение? Сейчас, когда начинаю перебирать в памяти все те события, становится страшновато. Ведь так расставить события мог лишь тот, кто распоряжается нашими судьбами и нашей жизнью, тот, кто всё время вёл меня за руку.

Вечером, когда начальство уходило домой, а девчонки отправлялись смотреть телевизор, я, уединившись, вчитывалась в мудреные строчки медицинского журнала. Больше всего боялась, что не смогу ничего понять — журнал все-таки научный. Но все статьи были написаны доступно и увлекательно. Я даже смогла понять шкалу Векслера для измерения интеллекта, по которой ведётся наблюдение за развитием и спадом интеллекта у человека. Читая журнал, я усмехалась: как же все просто. Конечно, формулы, которые там имелись, были для меня недоступны, но остальное я поняла. И уже не мучилась вопросом, как доказать, что я не в таком объеме дебил и олигофрен, в какой меня втискивают врачи. Там было написано, что олигофрен не воспринимает подтекст, то есть двойной смысл написанного. Ну, уж что-что, а это я всегда могла «ухватить» в читаемых произведениях.

Сам Бог давал мне в руки решение проблемы, остальное зависело от меня. Если врачи не хотят меня выслушать и увидеть, как я понимаю подтексты читаемых текстов, то я напишу свои тексты с подтекстами, и это будет исчерпывающе убедительно.

Но что именно написать? Я уже выросла из юношеского стихотворства. Значит, надо писать прозу. Если удастся написать произведение со сложными подтекстами, то докторам ничего не останется, как признать диагноз «олигофрения в стадии дебильности» ошибкой! Не будут же они противоречить научным доводам! Романы я писать не могла, так как мало что видела за долгие годы своей тюремной жизни.

В тот период я белой завистью завидовала Эдуарду Успенскому. Мне казалось, что профессия детского писателя — самая высокая, самая престижная профессия на свете. Поэтому я решила попробовать написать что-нибудь для детей. Но что и как? Мало того, что детей нет в моем нынешнем окружении, я никогда не пробовала писать даже маломальские сочинения, в школе-то не училась, и понятия не имела, как они пишутся. Но, отбросив сомнения, я решилась и сделала первый шаг.

Самостоятельно писать не могу — на такие деликатные движения парализованные руки не способны. Если кто-то поддерживает мою руку, могу вывести пару строк. И я упростила Люську записать под диктовку несколько придуманных мною сюжетов и пообещала заплатить ей за работу писаря. Люська согласилась и записала три моих сказки. Но больше не захотела. Я не осуждаю ее за это, ну не нравится человеку писать под диктовку. Я поблагодарила за услугу и выплатила обещанные деньги. Откуда у меня деньги? Периодически выпрашивала их у матери, и та, хоть с ворчаниями и попреками, но выдавала. В то время она уже давала мне по пять рублей, а то и целую десятку.

Так, Люськиной рукой были написаны мои первые сказки: «Вовкин снеговик», «Из жизни волшебника Мишуты» и «Голубой сороконожек». Впоследствии «Вовкин снеговик» и «Из жизни волшебника Мишуты» были опубликованы, а рукопись сказки «Голубой сороконожек» безвозвратно утеряна, и я даже сюжета не могу вспомнить, только название.

Писатель из дурдома

Итак, процесс пошел — я начала писать! И, кажется, удалось написать не примитивно, не поверхностно, а с подтекстом. Так, чтобы читалось и между строк, что, собственно, и было моей задачей, чтобы убедить медиков снять унижающий диагноз.

А что делать с написанным дальше? Как узнать, может быть, мои сказки доказывают не только умение писать с подтекстом, но и достойны издания? Но как доставить мою писанину в издательство? Почтой? Эмоции зашкаливали от сознания того, что я могу писать сказки, и от предвкушения радужных перспектив.

И ко мне опять пришли на помощь высшие силы.

В 1986 году в наш ПНИ поступила Лена Медведева, девушка из городского интерната, в котором окончила восемь классов общеобразовательной школы. Училась бы и дальше, но с двенадцатилетнего возраста после драки в пионерском лагере у нее развивалась эпилепсия — девахи постарше били её головой об стенку. С таким заболеванием не поступишь ни в одно училище и не устроишься на работу. Вот Лену и сдали в ПНИ. Сильные эпилептические приступы, а во всём остальном совершенно нормальная девушка. Лена, как приехала, сразу стала ходить в нашу палату. Это и понятно, она жила с нормальными людьми, а здесь ее поселили к «совсем никаким», с которыми «ни поговорить, ни поплакаться». Она каждые выходные ездила в гости к своей учительнице русского языка и литературы, а та ее опекала и привечала.

Я попросила Лену показать мою писанину учительнице. И Лена повезла мои сказки, записанные Люськой на отдельных листках. Сказала, что на следующий выходной снова поедет к учительнице и привезет обратно мои листки и ответ профессионала.

Всю неделю я была как на иголках. Когда чего-то ждешь, время тянется медленно, ползет черепахой, и неделя показалась вечностью. Но настало долгожданное воскресенье, и в ожидании ответа я то съеживалась в комочек, то расправляла крылья за спиной. Кое-как дождалась вечера. В пять часов вернулась Лена и сказала мне, что учительница с удивлением спросила:

— Неужели Тамара все это сама придумала? — И посоветовала показать мои сказки в местную газету «Шахтерская правда», там есть литературная рубрика, а также местный литературный кружок, куда мне стоит обратиться.

Я упросила Лену съездить в редакцию этой газеты. Потянулась следующая неделя ожиданий, но я уже не съеживалась в комочек, а нетерпеливо хлопала выросшими крыльями. Ситуация осложнялась тем, что в редакцию надо было ехать в рабочее время, а у Лены тоже работа. Как только ее привезли в ПНИ, сразу заставили ухаживать за нутриями, которых держал для себя директор. Еле дождалась субботы, когда Лену отпустили пораньше с директорской зверофермы. Но оказалось, что в субботу в редакции газеты тоже короткий день. Вот досада! Я умоляла Лену отпроситься для поездки в редакцию в будний день, и ее отпустили. Адрес редакции назвала ее учительница, а дорогу туда Лена знала, она часто бывала в городе.

Редактор «Шахтерской правды» оказался моим однофамильцем — Сергей Иванович Черемнов. И в этом тоже было странное совпадение. Он взял у Лены листки, просмотрел и пообещал передать их в местный узел связи, где проходили собрания литературного кружка. Вела литкружок девушка по имени Рахиль. Еще через неделю, в субботний день, Лена съездила туда и привезла такую новость, что у меня от радости не только расправились крылья, но и напрочь снесло крышу — Рахиль собирается приехать ко мне в гости, а Сергей Иванович прочитал все мои сказки и похвалил меня! Сказал, что у меня «очень теплый литературный язык» и посоветовал прочитать кое-какие книжки, видимо, пособия как писать. К сожалению, Лена не запомнила и не записала их названий.

У нас в ПНИ обитала чрезмерно общительная девушка Марина. И она рассказала всему персоналу, что я пишу сказки, и эти сказки собираются читать по радио. Не человек, а испорченный телефон и искаженный телеграф! Однажды после обеда я прилегла отдохнуть и услышала за стенкой в кабинете сестры-хозяйки шумный разговор и свою фамилию.

— Это надо же — в дурдоме свой писатель объявился! Черемнова — писатель! — ехидничала сестра-хозяйка. — Такое не часто бывает в дурдомах!

И поднялся такой гогот, что у меня на душе тут же стало кисло. Но я попыталась себя развеселить, действительно, писатель из дурдома редкость.

Дня через три после моего публичного осмеяния в нашем ПНИ появилась старушка из близлежащего поселка «Новостройки» — родная дочь выставила её на улицу, а наша старшая медсестра попросила приютить в интернате. Просто так, безо всякой путевки, путевку потом собирались добыть. Не оставлять же живого человека на улице холодной осенью! Но соседи этой старушки возмутились — почему нормального человека поместили в дурдом? Надо ведь в дом престарелых. И послали письмо в «Шахтерскую правду». Если до этого помалкивали, что теперь у нас не дом инвалидов, как был раньше, а ПНИ, ведь на нашей вывеске и в официальном адресе слово «психоневрологический» отсутствовало, то после письма добрых соседок это открылось.

И после этого «рассекречивания» Рахиль из литкружка не приехала. Сколько раз Катя Лузянина звонила этой самой Рахили, но та лишь кормила обещаниями. А потом стала бросать трубку, как только узнавала, от кого звонят.

Прошло три горьких месяца. Лену Медведеву забрал домой родной дядя, и я снова осталась без помощи и поддержки...

Но я по характеру упрямый осёл — если во что-то вцепилась, не отпущу и не сойду с дороги, пока лоб не расшибу. Под мою диктовку записывали сказки уже другие девочки, владеющие руками и письмом. Причем денег с меня не брали и говорили, что им интересны мои сказки. А я тщательно продумывала сюжеты, стараясь сделать их такими, чтобы девочкам было интересно их записывать, а детям было интересно их читать. И постепенно освоила, как правильно строить сюжет и складывать повествование.

Мне сказочно повезло!

И мне снова повезло! Сказочно повезло! Кстати, отличное название для этой главы, его и оставляю.

Началась сказка обыденно — благодаря нашей новой соседке в палате появился телевизор.

В 1986 году поступила новенькая — Ирина, местная, прокопчанка, намного моложе остальных обитателей палаты. Мы стали ласкательно звать её Иришкой. У Иришки был тот же недуг, что и у меня, ДЦП, но руки здоровые. Она могла ползать по полу без посторонней помощи, самостоятельно ела и одевалась. Мама у Иришки — полная противоположность моей: постоянно навещала дочь, помогала с туалетом. И подмоет, и обмоет, и уши прочистит. И никакой брезгливости, присущей моей Екатерине Ивановне. Иришкина мама не ленилась ходить к лечащему врачу и беседовать с персоналом, как сделать дочери лучше, какие попросить для нее таблетки и процедуры. Как я завидовала Иришке! Даже стыдно — взрослая Тамара завидует юной Иришке.

Спустя несколько месяцев, чтобы дочке было комфортнее, Иришкина мама привезла в нашу палату собственный телевизор. Ясное дело, он практически не выключался — это наше персональное окно в мир. И с того дня мы были в курсе всех новостей.

В 1987 году в моей жизни произошел ряд знаковых событий, начавшихся с телепередачи. Как-то вечером я сидела на своей кровати и обдумывала очередной сказочный сюжет. Девчонки смотрели областные новости по второй телевизионной программе. Вдруг слышу:

— Сегодня мы пригласили в нашу студию кузбасскую писательницу Зинаиду Александровну Чигареву.

Когда диктор объявила выступление Чигаревой, у меня уши будто скакнули на макушку. Прислушалась. Ещё в детдоме я читала ее книгу «Золотые холмы детства». Оказывается, у Чигаревой вышла очередная книжка «Круиз». В связи с этим событием ее и пригласили в телестудию.

Ночью, во время составления очередных грандиозных планов, меня осенило: написать Зинаиде Александровне Чигаревой и попросить ее посмотреть мои сказки. Но что потом?.. А потом будь что будет! Уж не знаю, как возникла у меня в голове эта дерзкая мысль, но заснула я с новой надеждой.

На следующий день упросила Люську написать письмо в адресное бюро города Кемерово — тогда можно было по почте узнать адрес любого человека. Я нахально

соврала, будто я племянница Чигаревой, попала в дом инвалидов, о чем моя тетя еще не знает, а я не знаю ее точного адреса, почему и прошу его мне прислать.

И через две недели получила ответ с её домашним адресом. От такой удачи я запрыгала на койке, свалилась на пол и стукнулась так, что искры посыпались из глаз. Девчонки обалдело смотрели на меня, пока не узнали причину буйной радости.

С Люськиной помощью я написала Зинаиде Александровне письмо, в котором поблагодарила за замечательные книги, за поднятые в них актуальные темы, а в конце скромно и ненавязчиво попросила, посмотреть мои сказки. Что мне важно понять — стоит ли вообще писать художественную прозу?

Я боялась даже думать, что получу ответ на свое наглое письмо, однако он пришел через три недели. Зинаида Александровна писала, что мое письмо ей принесли в больницу, где она лежит после третьего инфаркта, и что как только немного поправится, обязательно прочитает мои сказки. После этих строк крылья за моей спиной поднялись до потолка, а их размах перекрыл все койки в нашей палате. И радостно и страшно! Вдруг у Зинаиды Александровны не получится просмотреть мою писанину? Вдруг мои сказки ей не понравятся?

Опасения оказались напрасными — Зинаида Александровна нашла время прочитать сказки и благословить меня на дальнейшее писательство. Я поначалу не хотела сообщать Чигаревой правды — что я инвалид с ДЦП и неверно определенной УО, что обитаю в ПНИ. Потом всё-таки призналась. Зинаида Александровна восприняла это спокойно, и не перепугалась, как Рахиль. Даже прислала мне еще одну статью про такие вот врачебные ошибки. И пообещала, что не бросит меня и будет помогать с литературными советами. В последнем я не сомневалась, потому что уже чувствовала, что на сей раз меня не предадут. И на всю жизнь запомнила ободряющую фразу Зинаиды Александровны: «У нас теперь, Тамара Александровна, долгое будет общение».

Вот счастье-то — оказаться на литературной стезе, да еще с такой путеводной звездой! После того, как Зинаида Александровна окончательно поправилась, она написала:

«Тамара Александровна! Ваши сказки я прочитала, перепечатала на машинке и отдала в книжное издательство с рекомендацией опубликовать. Но сразу предупреждаю, из этого может ничего не получиться. Я в издательстве имею очень маленькую силу, там всем командуют другие, так что будьте готовы к отказу.»

Как я ни готовилась к отказу, из меня всё равно так и выпирала радость. За мою горестную жизнь Бог выдал такую награду — способность сочинять сказки и знакомство с писательницей Чигаревой!

Однажды приснился сон, будто я яростно треплю свою историю болезни, рву ее в мелкие клочки. Проснувшись, подумала, что сон вещий, уж больно он насыщен реальностью. Мне всегда хотелось разодрать эту кипу склеенных обложкой потрепанных бумажек, из-за которых меня столько лет унижали и уничтожали.

И именно в тот день после обеда принесли почтовый пакет с казенным штемпелем — письмо из книжного издательства. У меня внутри все обмерло от ожидания — положительный ответ или вежливый отказ? Вскрыли конверт, я пробежалась глазами по строчкам и ничего не поняла. Машинописные буквы прыгали в глазах.

Попросила прочесть кого-то, кто оказался рядом, уже не помню, кто именно. В письме было написано, что меня собираются опубликовать! Выйдет детская книжка Тамары Черемновой!

Я почувствовала, что если сейчас же не выпущу из себя нахлынувшие эмоции, то просто лопну от них. И испустила такой вой! Наверное, так воют дикие звери в момент достижения добычи. Это был вой победительницы. Навывшись, я культурно заплакала слезами, вслед за мной заревела Люська, а за ней захлюпали носами остальные. Ведь это была коллективная победа духа.

Я тут же письменно сообщила о письме из издательства Зинаиде Александровне. А через несколько дней, вволю насладившись радостью, решила похвалиться перед врачихой Ениной, а заодно высказать свои соображения на психиатрические темы. О том, что с меня непременно надо снять диагноз «олигофрения» — потому что у меня все порядке с головой. Однако Людмила Алексеевна выслушала мою тираду с постным лицом и приклеенной улыбкой, а потом... Ну что ей стоило похвалить меня и как-то поддержать? Так нет же, ей почему-то понадобилось лишний раз пнуть меня:

— Ну и что, что выходит книга? Вон Достоевский был с больной головой. Страдал эпилепсией. И Гоголь был с психическими отклонениями. Какие приступы у него были! А Пушкин был таким неуравновешенным и склонным к психозам. И у нас в Кемеровской психиатрической больнице лежит поэт с шизофренией, такие стихи пишет, фантастические! — Весьма странно психиатр Енина отвечала на мой вопрос по поводу снятия диагноза, лестно сопоставляя с русскими классиками и кемеровским стихотворцем.

— Интересно, а если бы те русские классики жили в наше время, их бы тоже определили в ПНИ? — парировала я, дребезжа голосом и дрожа всем телом.

— Ты ведь даже в школе не училась, а стало быть, умственно отстаешь от своих сверстников! — добивала психиатр Енина. Выговаривая это, она будто крест-накрест перечеркивала восхитительный факт принятия моей рукописи в издательство.

Оправившись от нанесенного удара, я решила действовать дальше. Ведь мне уже 32 года, я взрослый, способный постоять за себя, человек!

Письмо в Минздрав

Я окончательно собралась духом и написала письмо в Министерство здравоохранения СССР на имя министра Евгения Ивановича Чазова. Описала свою медицинскую ситуацию, которая, с точки зрения здравого смысла, не лезла ни в какие ворота. И заодно выплеснула всю накопившуюся горечь. Отправила письмо через Зинаиду Александровну. И та от себя приписала несколько строк — попросила помочь мне.

Мое дерзкое письмо Чазову сработало! Через три месяца я получила ответ. Там написали, что диагноз будет пересмотрен, и я получу назначение в дома инвалидов общего типа. То, о чем я столько лет мечтала!

Об ответе из администрации Е.И.Чазова прознала Енина, тут же прибежала к нам в палату и завела прямо с порога:

— Черемнова, ты почему через головы прыгаешь?

Я сначала даже «не врубилась», что Енина имеет в виду, ведь я меньше всего походила на человека, способного прыгать, да ещё через головы. Но когда вникла в суть претензии, съехидничала:

— А у меня принцип такой — через головы прыгать!

Во время нашего общения Зинаида Александровна несколько раз предлагала мне начать действовать самой, через врачей в ПНИ. Но я более трезво оценивала ситуацию, зная, что это за врачи. Чего стоила только одна фраза психиатра Ениной:

— В издательстве не смотрят, откуда приходят литературные работы, им все равно!

Им, конечно, всё равно. Да только мне не все равно, где я живу!

Еще через два месяца, в октябре 1988-го, в ПНИ приехал замглавврача Прокопьевской психиатрической больницы Павел Петрович Кузин, чтобы согласно указанию из администрации Е.И.Чазова самолично провести осмотр моей особы. Уже не помню, что ему тогда наплела. Однако на его вопросы отвечала вразумительно потому, что результаты собеседования и тестирования не только констатировали сохранность моего интеллекта и нормальное умственное развитие, но поставили вопрос о переводе меня в дом инвалидов общего типа.

До визита Кузина я сама не своя была, так как вдруг в полной мере осознала, что происходит. Осознала и испугалась, ну куда я рвусь? Вот как увидят там мои гиперкинезы, спастическую, подергивания и прочие неконтролируемые движения, а ведь их не утаишь! И что? И так измотала себя сомнениями, что взмолилась о помощи, причем обратилась к Ениной, попросила совета — иначе меня всю издергает. Та вошла в положение и впервые проявила себя как профессиональный психиатр:

— Можно попробовать гипнозом убрать это навязчивое чувство страха. Тебе надо попроситься в больницу, где проводят лечение гипнозом. Во многих психиатрических больницах этим занимаются. И не помешало бы подлечиться в каком-нибудь неврологическом отделении — пройти курс физиотерапии...

И, помня ее совет, я набралась смелости и обратилась к Кузину:

— Павел Петрович, пожалуйста, возьмите меня к себе в больницу или дайте направление в неврологическое отделение, иначе мне будет совсем плохо. Я так долго рвалась отсюда, и уже потеряла веру, что вырвусь. И вот, когда начались подвижки, вдруг стало страшно, и страх не дает покоя ни днем, ни ночью.

Кузин внимательно посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал:

— Вы просто мало общались с людьми, поэтому у вас возникло такое чувство. Вы же все время находились в закрытых стационарах. К сожалению, не могу направить вас в неврологию. А вот к нам в больницу могу взять. Поедете?

— Поеду! — выдохнула я радостно.

Через три дня меня впервые в жизни увозили в больницу, до этого все осмотры и лечения проходили «на дому». Наверное, никто в мире так не радовался, отправляясь в психушку. Но если бы я тогда не напросилась в психушку, то могла бы вообще «отдать концы» от эмоционального перенапряжения — знающие специфику ДЦП меня поймут.

В психушке

В Прокопьевскую психиатрическую больницу я поступила в конце ноября 1988-го и провела там примерно два месяца. По прибытии со мной сначала побеседовала заведующая отделением Татьяна Ивановна, когда меня завезли к ней в кабинет, она поздоровалась и спросила имя.

— Тамара Черемнова, — ответила я.

— А отчество?

— Александровна, — выдавила я, смутившись. Врачи редко интересовались моим отчеством, а в общении обращались по фамилии и на «ты».

— Тамара Александровна, у нас необычная больница — психиатрическая. Вас предупредили об этом, когда везли к нам?

— Знаю и сама к вам попросилась.

— Вы полежите у нас, пока оформят соответствующие документы для дома инвалидов, мы подлечим вас витаминами. А таблетки, снижающие спастичность, вам в интернате давали?

— Я принимаю феназепам, кроме этих таблеток мне, к сожалению, ничего больше не подходит, — ответила я.

Тут в кабинет вошла еще одна врач.

— Тамара Александровна, это ваш лечащий врач Елена Васильевна Дьяконова, — представила ее Татьяна Ивановна.

Меня решили положить в палату, где был постоянный пост нянечек, но оговорили, что будут выпускать гулять в коридор.

Поначалу я никак не могла привыкнуть к тому, что здесь отсутствует ор, столь обычный в моих детдоме и ПНИ. Меня это даже напрягало, и, едва ко мне обращался кто-то из нянь, я испуганно вздрагивала.

— Ты чего вздрагиваешь-то? Кого боишься? Не бойся, здесь тебя никто не обидит, мы тебя в обиду не дадим, — успокаивали меня нянечки.

Но самым непривычным было то, что няни безропотно кормили меня — сами начинали кормить, без просьб с моей стороны, и никто ни разу не посетовал, что это, ой, как трудно. А прежде только и слышала, какая это невероятная нагрузка на окружающих. И я впервые почувствовала себя не обременяющей калекой, а обычным человеком.

Когда Елена Васильевна пролиставала мою историю болезни и прочитала запись, сделанную Павлом Петровичем Кузиным при визите в наш ПНИ, то возмутилась:

— С такими документами ее ни в один нормальный дом инвалидов не возьмут! Все надо переписывать заново и оформлять иначе. Я знаю, как это делается. Недельку-другую пролечим ее, пусть немного успокоится, потом возьмемся за документацию.

И меня начали лечить. Сеансов гипноза не проводили, его в той больнице не практиковали. Но назначенное лечение оказалось эффективным, страхи постепенно проходили, и гиперкинезы значительно уменьшались.

Я стала приглядываться к соседкам по палате. Привозили их сюда в плохом состоянии, в период обострения болезни. Во время приступов они были совершенно неадекватными, будто находились в другом измерении. Но приступ проходил, и они становились обычными людьми в реальном мире. И у всех у них были родные дома с домочадцами.

Первой женщиной, с которой я познакомилась, была Татьяна. У нее не было сложных приступов с потерей адекватности, но она сильно волновалась, что дома остались сын и старенькая мама. Татьяна сама изъявила желание познакомиться и ухаживать за мной.

Затем очнулась от приступа еще одна женщина. Позднее я узнала, что она работает преподавателем в профтехучилище. Потом еще одну бедолагу вернули в сознание. И все они с удивлением взирали на меня, будто видели впервые, меж тем я уже несколько

дней обитала с ними в одной палате. Потом привезли библиотекаря — девушка училась, перенапрягла голову, и вот результат. После нее поступила совсем молоденькая девушка, девятнадцатый год, выучилась на фельдшера, приступила к работе в больнице, а как начался приступ шизофрении, то даже родную мать переставала узнавать. Еще в палате лежала женщина, которая недавно родила ребеночка, и у нее случился послеродовой психоз — перестала со всеми разговаривать. Она целыми днями лежала и молчала, если спросишь о чем-нибудь, то ответит на вопрос и снова молчит.

Прошла неделя, меня начали возить по поликлиникам города для дальнейшего обследования. Вот где испытание: как же унижительно, когда тебя таскают на руках женщины твоего же возраста. После каждого путешествия в поликлинику я так рыдала, что можно было подумать, что живот разболелся у меня, а не у бедных нянечек, носивших меня на руках по лестнице, ведь я лежала на третьем этаже.

— Тамара, мы же потом все равно отдыхаем, и животы у нас нисколечко не болят, — убеждали они. И ни единой жалобы на тяжелую физическую нагрузку.

Как же я благодарна им за доброжелательность и сострадание!

Как ни странно, но именно в психиатрической больнице без интенсивного медикаментозного лечения, без физиотерапевтических процедур, без сеансов гипноза, без участия врачей-неврологов, у меня полностью прошли острые гиперкинезы. Меня лишь немного подергивало, когда начинала шевелиться. Исчезло и частое испуганное вздрагивание. Я успокоилась. А чего мне теперь бояться? Ведь у меня скоро будет новая история болезни без олигофренного диагноза и с рекомендациями по поддержанию улучшенного состояния.

Соседки по палате выписывались по мере выздоровления и уходили домой нормальными людьми. Я не смела им завидовать, понимая, ведь это не окончательное выздоровление, а ремиссия, приступ может повториться, причем непредсказуемо, когда именно это произойдет. Но когда видела их в нормальном состоянии, то все же в глубине души шевелился червячок — вот их подлечили, а я навсегда останусь скрюченной своим ДЦП.

В январе 1989 года, когда документы были полностью готовы, меня выписали и привезли обратно в ПНИ дожидаться путевки в дом престарелых.

Когда я рассказываю про то, как мне там помогли в психиатрической больнице, часто слышу предположения:

— Наверное, все же тебя лечили психотропными средствами, но тебе не говорили!

А вот и нет, только витамины и мой «дежурный» феназепам. Их доставали из упаковок прямо при мне. Плюс хороший уход, спокойная обстановка, доброе отношение и тактичная помощь. И, конечно, психологический настрой пациента — а я жила будущим, меня же твердо пообещали перевести из ПНИ в дом инвалидов к психически нормальным людям.

Какая замечательная в Прокопьевске была психиатрическая больница! И какие квалифицированные и душевные сотрудники. Отношение ко мне не было продиктовано указаниями из Минздрава, там точно также относились ко всем женщинам, что проходили через нашу палату. Такими и должны быть медработники. И такое отношение к больному и подразумевает клятва Гиппократ, которую приносят врачи, получая медицинский диплом.

Когда я вернулась назад в ПНИ дожидаться путевку в дом инвалидов общего типа, наши медсестры, увидев меня, пришли в восхищение:

— Томочка! Как ты хорошо выглядишь! И куда девались твои гиперкинезы? И спастики совсем нет... Чем они тебя так хорошо пролечили?

— Само отошло, — отвечала я с гордостью.

А девчонки в палате заметили, что у меня даже голос изменился, стал более тихим и ровным.

Но стоило один-единственный раз понервничать и сорваться на крик, как спокойствие улетучилось как дым. И все вернулось на круги своя — и голос, и прерывистая речь, и спастика, и гиперкинезы. Будто рассеялись волшебные чары... И я была уже такой, как раньше, обычной, пока дожидалась свою путевку...

Настал тот день...

И вот настал долгожданный день, мне сообщили, что пришла моя путевка. Это случилось в начале мая 1989 года.

Радость была омрачена тем, что в Облсобесе посчитали, что если я из ПНИ, то меня можно затолкать хоть куда, хоть на самые выселки, в самый плохонький дом-интернат, пусть и за это спасибо скажет. Даже наши врачи возмутились, узнав, что путевка пришла в дом-интернат в Благовещенке. Благовещенка — малоизвестный поселок в Мариинском районе, который можно найти только на подробной карте Кемеровской области, далеко от города Мариинска, жуткая глухомань. В тот дом-интернат, в основном, направляли тех, кто, выйдя из тюрьмы на свободу, остался без квартиры. Не сидевшие были в меньшинстве. Впоследствии там сделали спец-интернат для нарушителей порядка.

Страшно ехать в Благовещенку! Всё-таки туда лучше кому-нибудь покрепче, а не беззащитной колясочнице с неуправляемыми руками-ногами. Наш новый врач Андрей Петрович предложил:

— Тамара, так как путевку дали не в тот дом, куда тебя следует поместить, давай-ка подождем с отправкой. Может, будет другая путевка, попримичнее, попробую обменять в горсобесе.

Но сколько ждать другой путевки? Вдруг она придет лишь через год? Удастся ли договориться с горсобесом? Сколько времени займут переговоры, переписка, повторное рассмотрение моего «дела»? И я отклонила предложение Андрея Петровича:

— Спасибо, Андрей Петрович, за заботу. Но не стоит мне ждать. Уж поеду куда направили. — А про себя подумала: я в этой Благовещенке смогу договориться о переводе в другой интернат. Откуда такая уверенность? Наверное, оттуда же, сверху, от того, кто управлял всеми моими поступками.

— Ну, тогда завтра в четыре утра будь готова, — облегченно выдохнул Андрей Петрович, все ж одной проблемой меньше.

Сотрудницы и соседки помогали собрать мои нехитрые пожитки, а я попрощалась со всеми. Постаралась всем сказать что-нибудь доброе и обнадеживающее. Но говорить обнадеживающее в таком безнадежном месте, которое я сама изо всех сил стремилась покинуть... Наверное, это звучало фальшиво.

В ночь отъезда даже не захотела лечь в постель — все равно не усну. Так и осталась сидеть на коляске.

— Ты ляг. Не заснешь, так хоть отдохни. Дорога предстоит длинная — четыре часа езды от Прокопьевска до Мариинска, а там еще черт знает сколько до этого дома-интерната... — уговаривали меня. Но до отдыха ли мне?!

Моя последняя ночь в ПНИ... Я безмолвно сидела в темноте. Девчонки притихли, то ли спали, то ли молчали из деликатности, предоставляя мне возможность побыть одной. И не верилось, что пройдут какие-то три-четыре часа, и случится то, чего я ждала столько лет, — вырвусь из этого скорбного заведения! И уж если мне представилась возможность — вернее, я ее сама добилась, выгрызла зубами — так зачем соглашаться подождать, когда будет путевка получше, в более достойное место? Определенно, я правильно сделала, что отвергла доброе предложение Андрея Петровича. А вдруг это единственный шанс? А потом не будет путевок, мест, поменяются законы и порядки, или про меня вообще забудут и спустят на тормозах всю мою историю. Всяко может быть.

И, сидя на коляске, в последние минуты моего пребывания в ПНИ, я мысленно прощалась с каждым проживающим, с каждым сотрудником, со всеми, с кем была знакома. И вновь и вновь просила прощения у девчонок, с которыми прожила столько времени, за все, что было не так. А еще за то, что покидаю их, понимала, что они сейчас чувствовали: я уезжаю, а они остаются. Если б у меня была возможность, я бы их всех взяла с собой, прочь из ПНИ...

Я сидела и невольно сравнивала эту последнюю ночь — благостную — с моей первой ночью в ПНИ — кошмарной... Какое счастье, что я всё же вырвалась! Долгожданное счастье. Выстраданное.

И вот за окном затарахтела машина. Ну вот и все, вздохнула я. И уже почувствовала себя за стенами Прокопьевского ПНИ...

В палату вошла нянечка:

— Ну что, Тома, проснулась? Собирайся.

— Я не сплю! Я готова! — почти пропела я.

Меня в коляске выкатили на улицу. Возле крыльца стоял микроавтобус. Удобно разместили на сиденье в салоне, и машина тронулась. Выехала за ворота, набрала скорость и помчалась навстречу рассвету и моему будущему...

В Прокопьевском ПНИ я прожила ровно 15 лет — с мая 1974 года по май 1989-го. И прошла путь от крайнего отчаяния и попыток суицида до литературного признания и лучезарных надежд.

Часть 3. Инской дом инвалидов

Неделя в Благовещенке

Машина, несущая меня из Прокопьевского ПНИ в Благовещенский дом-интернат, сначала одиноко мчалась вперед по длинной автостраде, все быстрее и быстрее. Мы красиво въезжали в рассвет из ночной тьмы. Сквозь полузакрытые веки я наблюдала, как машин на автостраде становится все больше и больше, и по мере этого наш стремительный ход замедлялся. Я будто наблюдала телевизионные кадры, но потом спохватывалась и с улыбкой ловила себя на мысли, что вижу реальную обстановку за окном кабины — это ведь еду я! И, как надеюсь, еду в новую жизнь. Не хотелось думать

ни о прошлом, ни о будущем, хотелось просто наслаждаться дорогой. Я ведь так редко передвигалась на автотранспорте, несколько раз за всю жизнь.

Ехали долго. Даже при таком скором ходе до Мариинска добирались четыре часа, и еще два с половиной часа от Мариинска до Благовещенского интерната. Когда проезжали поселок Благовещенка, я отметила, что он чистенький, складненький, везде зелень. Попетляв по проселочной дороге, наконец подъехали к интернату, и сопровождающая медсестра пошла оформлять документы. Меня занесли в изолятор, который разительно отличался от изолятора Прокопьевского ПНИ, в котором лежачих людей привезли и заперли до утра.

Изолятор Благовещенского интерната был чистой жилой комнатой, в которой постоянно находилась дежурившая бабушка. Она была любезна и заботлива, помогла мне раздеться, усадила на кровать поудобнее. Потом зашли менее любезные сотрудники, сразу несколько человек, и уставились на меня с недоумением. Я, встретив эти взгляды, растерялась и отнесла их к моему необычному состоянию, думала, что они впервые видят *такую* форму ДЦП. Но дело оказалась в другом: прокопьевская медсестра успела им выложить, что я приехала сюда писать книжки, и что мне нужен помощник, который помогал бы записывать. Сделала она это из добрых побуждений, а скорее всего, просто похвасталась — детскую писательницу вам привезла! И этим весьма обескуражила персонал, у них такого сроду не было, а уж тем более в «слабом» корпусе, куда меня собирались определить. Терминология та же, что и в моих детдоме и ПНИ, но значение иное. В доме-интернате в «слабом» корпусе обитали *физически* слабые люди, совершенно немощные, которые даже ложку держали кое-как. Понятно, что именно в этот корпус я и вписывалась.

Меня привезли в среду, а в пятницу поселили в «слабый» корпус в палату с двумя ветхими бабулями. И вскоре я поняла, что здесь полный корпус доходяг, которых персонал еле-еле успевает обслужить в самом необходимом. Какое там помочь мне в писательстве! Дай Бог, покормят и помогут умыться-одеться... Если останусь здесь — конец не только моей начинающейся карьере писателя, но и вообще конец.

— Тамара, не переживайте! Выйдет из отпуска наш директор и обязательно во всем разберется, — утешали сотрудники.

Дни проползли черепашим ходом. Наконец, в палату вошел высокий представительный мужчина — директор. Мои соседки-бабули ожили, увидев его, радостно загалдели. Он с каждой поздоровался, расспросил про дела, потом обратился ко мне:

— Мне передали, что вы новенькая.

— Да, — выдохнула я и постыдно разревелась.

— Не плачьте, давайте спокойно разберемся. Может, я смогу помочь.

А у меня ком в горле. Ни единого слова больше не могла вымолвить, только указала взглядом на заранее приготовленное письмо из издательства о приеме моей книги в печать. Директор прочел письмо и хмыкнул:

— Они там, в Облсобесе, что — все с ума посходили? Не знают, кого куда направлять? Да вы не плачьте, я в среду поеду в Кемерово, постараюсь вам помочь, — обнадежил он меня.

Я не очень верила в скорое решение вопроса и уж тем более в незамедлительный отъезд из этого дома-интерната. А зря! Через два дня директор зашел в нашу палату и радостно сообщил:

— Ну вот, привез две путевки. Одна в Кемеровский дом-интернат, другая в Инской. Выбирайте! Вы куда хотите?

Я растерялась, смутилась, но, справившись собой, выбрала Инской. Директор изумился выбору. Почему не Кемерово? Его удивило, что я не прошусь ближе к своей работе, имея в виду областное издательство, где должна была выйти книжка. Я объяснила, что в Инском у меня много знакомых по детдому, там хорошие условия проживания, достаточно персонала, и мне легче будет адаптироваться.

— Ну хорошо, собирайтесь, завтра и поедете. А может, всё-таки у нас останетесь? — спросил он с улыбкой.

— Я бы осталась, будь у меня возможность работать, — ответила я. — Спасибо большое за всё-всё и за то, что так быстро все уладили!

Утром благовещенские няни одели меня, и вот я вновь в дороге — машина мчит меня в Инской дом-интернат. Поселок Инской — это район города Белово. И Инской дом-интернат для престарелых и инвалидов, как раз то место, куда я так стремилась и последний год в детдоме, и все пятнадцать лет моего пребывания в Прокопьевском ПНИ. И предвкушала встречу с детдомовскими друзьями и знакомыми, которых, в отличие от меня, отягощенной тяжелой формой ДЦП вкупе с неправильным диагнозом «олигофрения», отправили туда прямо из детдома.

В Благовещенском доме-интернате я пробыла чуть больше недели, и упорхнула оттуда легкой бабочкой. Простите мне это сравнение, уж слишком легко удалось оттуда выбраться. Воистину выпорхнула, вынеслась, вылетела.

Новый дом и старые подруги

В Инской дом-интернат меня привезли в два часа дня и, как положено, занесли в изолятор. Ай да изолятор! Шикарная комната, два туалета, две кровати, диван. На него меня и усадили. Я ерзала, стараясь справиться с охватившим волнением — так хотелось увидеть своих детдомовских девчонок! Заглянула женщина, явно из персонала, и я спросила:

— Скажите, здесь живут Наталья Волкова и Валентина Позднякова?

— А ты откуда их знаешь? — удивилась женщина.

— Мы в одном детском доме жили, — пояснила я.

Женщина, ничего не сказав, ушла. А я пустилась в детдомовские воспоминания. Наташка — в детдоме таскала меня по лестницам... Валюха — решительная бой-девица, которая преподавала мне полезный урок — как не надо себя вести...

И, вот чудо! Через несколько минут ко мне влетели Наташка и Валюха! Они секунду остолбенело смотрели на меня, потом радостно заорали:

— Томочка! — И кинулись ко мне.

В изолятор вошла старшая сестра Лидия Родионовна, представилась, спросила Наталью с Валентиной:

— Вы что — знаете Тамару Черемнову?

— Она вместе с нами в детском доме была! — заорали в один голос мои родные девочки. Хотя уже не девочки, а взрослые дамы за тридцать. Ведь из детдома мы уехали 15 лет назад...

— Ну, тогда забирайте свою Тамару и несите в ее палату, — распорядилась Лидия Родионовна, еле сдерживая смех, вызванный эмоциональностью встречи детдомовских воспитанниц.

Поначалу меня занесли в заранее подготовленную палату на втором этаже, к пожилым. Но неистовые Наташка с Валюшкой утащили меня на свой молодежный этаж, нашли свободную койку и быстренько договорились с администрацией. Меня поселили с тремя милыми девушками, которые жили и тут же работали няньками, на разных этажах. Они дружили с парнями, после работы бегали на свидания. А сложившимся семьям в Инском доме инвалидов предоставляли отдельные комнаты.

Через неделю после поступления мне выдали коляску, но старенькую и потрепанную, на которой мылся в душе один из мужчин-инвалидов. Сказали, что это на пока, на первое время, потом выдадут новую. И действительно выдали — отличную комфортабельную коляску.

Инской дом-интернат был, наверное, самым благоустроенным во всей Кемеровской области. В каждой комнате раковина с горячей и холодной водой — какое же это удобство для инвалида! Никто на тебя не орет, чтобы быстрее освобождал место. Да и гигиена соблюдается куда тщательнее, уже не придут к тебе в палату умыться или помыть посуду посторонние, у них свои раковины.

Лифт летом работал до одиннадцати вечера, прогулки без ограничений. И, самое главное, благоустроенная внутренняя территория — настоящий сад из карагача! Под ветвями роскошных деревьев лавочки, и в садовую тень могли самостоятельно заехать и спрятаться от солнца в жаркую погоду даже колясочники со слабыми руками, для них имелись удобные подъезды.

Неподалеку от дома-интерната — искусственное море — Беловская ГРЭС. А сам поселок Инской — зеленый и чистый. Вход-выход проживающих за пределы территории дома-интерната и посещение гостей — свободные, не то, что в ПНИ с его тюремным режимом, где на все требовались пропуски и разрешения.

Наверное, надо упомянуть о существенном — как изменилась жизнь Инского дома в лихие девяностые и после распада СССР в декабре 1991-го. А то читатели подумают, что мы в силу нашей изолированности слабо «прочувствовали» государственную шокотерапию. Конечно же, невзгоды этого сложнейшего для всей России периода, ощущались и у нас — уменьшилось довольствие, опустели склады, стало негде закупать еду и белье, начались перебои с необходимыми вещами.

Но было и хорошее: в 1991 году, после избрания Ельцина президентом РСФСР, проживающим в ПНИ и домах инвалидов стали ежемесячно выплачивать на руки четверть пенсии по инвалидности. А до этого вообще ничего не выдавали, ни копейки.

Так впервые в жизни, почти в 36 лет, я впервые получила свои «законные» деньги. Сумма небольшая, но как я ей радовалась! Потом взвилась инфляция, деньги обесценивались. Пенсию индексировали, индексация отставала от инфляции, на выдаваемую сумму мало что можно было купить, но душу грела мысль, что государство мне что-то платит.

К сожалению, в 2010 году замечательный удобный Инской дом инвалидов расформировали, проживающих развезли по другим домам — вопреки их желанию и несмотря на то, что многие из них прожили в этом доме двадцать с лишним лет. А этот благоустроенный дом отдали под ПНИ. Почему так? А вот почему. В нынешние времена строить новые дома инвалидов со всеми удобствами весьма дорого. Подорожала земля, стройматериалы, рабочая сила, а имеющиеся ПНИ переполнены. И администрация Кемеровской области решила отдать Инской дом, оборудованный всем необходимым, под ПНИ, а под дом престарелых и инвалидов пустить один из домов отдыха, а тех, кто не поместился в этот дом отдыха и нуждается в специальных удобствах, распределить по другим домам-интернатам общего типа, где имеются свободные места.

Может, это и разумное решение, но проживающие не пришли в восторг от перспективы покинуть родное место, много писали писем-просьб оставить все как есть. Но решение принято и не обсуждается. Большую часть проживающих Инского дома перевели в дом отдыха, остальных в Кемеровский и Новокузнецкий дома престарелых и инвалидов. Переехавшие на новые места люди из Инского дома страдали, переживали и привыкали с трудом. Да и мне самой, по правде сказать, очень жаль этот Инской дом, в котором прожила с мая 1989 года по октябрь 1997-го.

Ищу писаря

Плавню покатались мои деньки в Инском доме-интернате. Уход нормальный, еда хорошая. Огорчало отсутствие общения. Мной никто не интересовался, про меня забыли. Наташка с Валюшкой заняты: свои дела и своя работа. Валюха работала в нашей столовой техничкой, а Наташа — маляром-штукатуром. Валюха иногда приходила после работы проведать меня и покормить, а Наташе было сложно вырваться. И больше ни с кем я не познакомилась и не завела дружбы. А я так рассчитывала на общение! Ради него и выбрала Инской дом инвалидов. И вдобавок наивно день ждала, что ко мне кто-нибудь подойдет и поинтересуется: правда ли, что твою книгу скоро печатают? а когда она выйдет? а про что она? а что ты сейчас пишешь? Ведь про меня уже так много тут понарасказывали... Но ни моими литературными достижениями, ни мной самой никто не интересовался. И я уже жалела о своем выборе Инского дома. Уж лучше Кемеровский — ближе к областному издательству.

Дни равнодушно мелькали один за другим, а я жила в вакууме... И некому помочь в записывании под диктовку. Даже в Прокопьевском ПНИ помощи в записи и то было больше. В голове столько придуманных сказок — и некому записать. Хоть плачь!

Первыми, вызвавшимися помочь в поисках писаря, были совершенно неграмотные люди — Валюха и Михаил, тоже ДЦПшник, передвигающийся на костылях. Неграмотные не по своей вине — не учили их грамоте, сочли это излишним. Михаил посоветовал обратиться к директрисе Надежде Васильевне Ильякаевой, а Валюха, несмотря на свой решительный характер, была категорически против, считая, что директриса не поможет, да еще отругает. Вечером, когда со своей основной работы няней пришла Шура, девушка согласившаяся за мной ухаживать, я усадила ее рядом и по одной букве (Шура плохо владела грамотой) надиктовала записку для директрисы.

Через неделю директриса пошла делать обход вверенных владений, я это поняла по шуму, который поднялся в коридоре. Дверь палаты открылась, вошла статная миловидная женщина средних лет и спросила:

— Кто тут Черемнова Тамара?

— Этгто я, — заикаясь от волнения, ответила я.

В ее глазах сквозило удивление, смешанное с сомнением. Легко читались ее мысли: «Писательница? Но почему же меня никто из Облсобеса не предупредил? А может, у этой писательницы все-таки не все в порядке с головой?». И я не выдержала, поняв, что она обо мне думает в данную минуту. Меня от напряжения так дернуло, что женщина безглаголиво отвернулась, делая вид, что изучает порядок в комнате.

— Я передам вашу записку в Культурно-бытовую комиссию, они что-нибудь придумают, — сказала она уходя.

Культурно-бытовая комиссия — сокращенно КБК — набирается из проживающих. Они разбираются с нарушителями порядка, рассматривают жалобы, выслушивают сплетни, «тушат» скандалы и всё такое прочее. А также находят выходы из затруднительных ситуаций — типа моей.

Дня через три в палату заехала на коляске бодрая красавица, представлявшая Культурно-бытовую комиссию. Увидела возле меня книгу М. Горького «О литературе» и удивленно вскинула бровки:

— И вы понимаете, что здесь написано?

— Если б не понимала, не читала бы, — ответила я.

— Завтра у нас собрание Культурно-бытовой комиссии, и я попробую найти вам помощника, — пообещала она и укатила прочь.

Спустя две недели я встретила ее в коридоре. Увидев меня, красавица подъехала ко мне с лучезарной улыбкой на лице и спросила:

— Ну как ваши дела, привыкаете?

Честно скажу, я так стушеввалась, что ей, видимо, самой стало неловко. Меж тем она продолжила:

— Я поставила ваш вопрос на собрании, но никто не согласился приходить писать под диктовку. Вы же сами видите, что здесь каждый человек живет сам по себе...

И все же я нашла помощника-писаря в лице малограмотной Шуры. Дальше надо было обрести свой отдельный уголок, где можно спокойно работать. Я понимала, что если сама это не организую, мне никто не предложит. Переговорила с Шурой, и та согласилась пожить со мной в комнате на двоих, помогая как в быту, так и в письме. Мы написали служебную записку директрисе Надежде Васильевне Илькаевой, разъяснив ситуацию, и она распорядилась дать нам с Шурой отдельную комнату на двоих, за что я ей безмерно благодарна.

Скорость Шуриного записывания под диктовку оставляла желать лучшего. И писала медленно, и грамотой владела еле-еле, лишь самые азы. Путала буквы «щ» и «ш», «т» и «д», постоянно спрашивала, какую букву ставить, с хвостиком или без. Я тянула Шурку что есть силы, приучая ее писать шустрее. Ведь нелегко, когда диктуешь по слогам каждое слово и повторяешь по несколько раз. Пока повторяю первое предложение, начисто забываю второе. Да и физически такая затяжная надиктовка тяжела для меня. Мои усилия не пропали даром — со временем Шура подтянулась и писать стала пошустрее, и лучше понимать меня, и меньше сажать ошибок. И именно с Шуркой я

записала несколько сказок, в том числе первые варианты «Сказки для трусишки», «Где живет сказка», а также наброски продолжения про Мишуту. Сказки эти я впоследствии доработала, слегка переделала, и их опубликовали. А потом узнала из писем, что они очень понравились юным читателям.

Волшебник Мишута

Наконец, в конце мая 1990 года, вышла моя книжечка «Из жизни волшебника Мишуты» — в Кемеровском областном издательстве, тиражом 80 000 экземпляров и ценой в 10 копеек за штуку. Доступно любой семье, даже при малом достатке. А огромный тираж меня потряс. И, как потом мне сообщили, во всех магазинах поселка Инской и города Белово книгу молниеносно раскупили. Приятно слышать!

Мне, как и положено, прислали десять авторских экземпляров. Шура помогла распаковать бандерольку и вытащила оттуда цветные книжки с веселой обложкой. Замечательное оформление! Почтальон, принесший бандероль, не уходил — ему было чрезвычайно любопытно: что же такое интересное он принес? Увидев десять экземпляров книжки, прочитал вслух название «Из жизни волшебника Мишуты» и разочарованно протянул:

— А зачем они столько одинаковых книг прислали? Все десять про волшебника Мишуту?

— Это же *мои* книжки! Эту книжку я написала! — трепеща от волнения, известила я, но почтальон не проникся и, пожав плечами, вышел.

А я, оставшись одна в палате, тарасилась на эти цветные книжечки и снова ли плакала, то ли выла, то ли смеялась. Моя первая книжка! И волшебник Мишута — самый настоящий волшебник потому, что выход моей книги — это его волшебство! И со временем выйдут и вторая, и третья, и другие... Обязательно выйдут — я уже столько насочиняла сказок и рассказов для детей.

Первые два экземпляра книги я передала директрисе и замдиректора и стала ждать поздравлений и похвал. Может, в доме-интернате как-то отметят это событие? Не дождалась. Директриса не навестила меня, лишь передала поздравление через третьих лиц. Замдиректора тоже промолчала. Я не в обиде на администрацию Инского дома инвалидов — ведь в то время все делалось по указу Облсобеса, даже публичные поздравления с выходом литературных публикаций. А Облсобес вряд ли мог отдать распоряжение отметить выход в свет книги, написанной инвалидом, проживающим в доме-интернате. Хотя почему не мог, не понимаю...

Моя радость вскоре улетучилась, эйфория закончилась. И опять навалилась проблема — как продолжать литературную работу? Кто будет записывать? Шура бурно радовалась выходу моей книги, но скорость письма и грамотность у нее застряли на низком уровне, и такие сеансы записи под диктовку выматывали нас обеих. И ясно было, что Шуре это рано или поздно надоест, а я выдохнусь физически.

Олений страх

В Инском доме инвалидов, куда я так стремилась в течение долгих лет, я снова оказалась несчастной. Мало того, что некому записывать мои сказки под диктовку, а свои руки не способны на это, наслоилося новые страхи. Стало казаться, что все инвалиды из моего окружения намного лучше и нормальнее меня как в физическом

отношении, так и в психическом. Я ведь на всю жизнь запомнила высказывание прокопьевского психиатра Тамары Федоровны, что признаком моего психического нездоровья являются гиперкинезы, неконтролируемые движения рук, порой пугающие окружающих — руки дергаются слишком резко и хаотично. Выходя на улицу, я боялась лишней раз пошевелиться, чтобы не привлечь внимания произвольными подергиваниями. Слишком врезались в память слова о гиперкинезах как признаках психического заболевания.

И вот что странно, у людей, «заработавших» гиперкинезы травматическим путем, они не считаются признаками психических состояний, и они получают свою первую группу инвалидности без указания психических или умственных отклонений. А нас, ДЦПшников, только по одному этому признаку норовят приписать к олигофренам. И такое практикуется и по сей день. Почему? Хотелось бы на этот вопрос услышать ответ специалистов. Однако ответа нет и по сей день. И диагноз диагноз «олигофрения» по-прежнему лепят большинству ДЦПшников, хотя большая их часть, три четверти по медицинской статистике, имеют сохранный интеллект. И непонятно, есть ли разница между Черемновой, которая, скорчившись в три погибели за ноутбуком, пишет произведения для детей и публицистику для взрослых, которая вопреки всем козням, почти самостоятельно освоила ноутбук, и теми, кто реально относится к умственно отсталым и необучаемым?

Этим комплексом я загнала себя в угол. Да еще иногда мне стало страшно просыпаться — казалось, что если проснусь, то вновь окажусь *там*, в дурдоме, меня отправят туда обратно за мое убожество. Самая убогая на свете! Хуже не бывает!

Нелепые страхи и постоянная зажатость измотали меня и изрядно надоели. Вроде бы обвыклась, прижилась, бытовые условия хорошие, никто не обижает, но стоит косо посмотреть на меня, и делается страшно, тотчас же хочется спрятаться. Я зажималась даже от простого долгого взгляда, не только от недоброго. Психологи называют такое состояние «олений страх».

Покопавшись в своих медицинских бумагах, я нашла извещение из Кемеровской областной клинической психиатрической больницы (КОКПБ), в котором сообщалось о назначении мне перекомиссии. Этот документик я получила, живя еще в Прокопьевском ПНИ. И рискнула написать заместителю главного врача КОКПБ — Георгию Леонидовичу Устьянцеву письмо с просьбой принять меня и хоть что-то сделать с этим непреодолимым чувством зажатости и необоснованными страхами. Так как своих психологов в домах инвалидов и престарелых тогда еще не было. Это было уже в 1992 году.

— Во дает! — передали мне восклицание одного из моих читателей. — Мало ей ПНИ и прокопьевской психушки, так еще и кемеровскую подавай! Всех психиатров решила попробовать!

Но мне было необходимо подлечиться и убрать слова «олигофрения в стадии дебильности», которые по-прежнему маячили на первой странице истории болезни, хотя результаты обследования дали полное опровержение этого диагноза и признание мой умственной полноценности.

Ответ пришёл быстро, Устьянцев распорядился, и меня приняли в пограничное открытое отделение КОКПБ. Выяснили, что именно меня беспокоит, назначили колоть витамины, а также элениум и реланиум, которые надолго снимали спастическую мускулатуру. На этом лечение закончилось, и я не получила того, что хотела, чувство зажатости и тревожность никуда не делись. Мне хотелось, чтобы эти проблемы попробовали снять с помощью гипноза, как рекомендовала психиатр Прокопьевского ПНИ Людмила Алексеевна Енина мне это рекомендовала. Но психотерапевт КОКПБ Леонид Станиславович Кошкин сказал, что я не нуждаюсь в гипнозе, и вполне достаточно моей собственной силы воли.

Мне сунули листок с аутотренингами по методике психотерапевта Владимира Леви, и все.

А вот про невропатолога — не буду называть ее имени-фамилии — хочется рассказать отдельной строкой. Увидев меня в этой больнице, она бросила недоуменный взгляд и сделала страшное лицо. Потом зашла в мою палату и закидала вопросами, не дожидаясь ответов:

— Ты зачем сюда приехала? Ты была замужем? Значит, не была? Зачем ты сюда приехала, здесь же психуши да плакуши лежат!

Я попыталась что-то ответить на столь странный набор вопросов, но она не дала и рта открыть, продолжая талдычить о психушах и плакушах. Если для нее все пациенты исключительно психуши да плакуши, то к какому разряду она отнесет меня? Я растерялась, разволновалась, и, что естественно для моего заболевания, меня так сильно дернуло, что чуть не свалилась с кровати. Что должен сделать врач в такой ситуации? Наверное, в первую очередь, успокоить пациента. Однако невропатолог вместо этого брезгливо отпрыгнула от меня, скривила тошнотную мину и с ней покинула палату.

Я, конечно же, разрыдалась, и вот такую, всю в слезах, меня застала ведущая врач Лидия Яковлевна Нохрина. Спросила о причине слез, и я поведала о визите невропатолога, деликатно обойдя обидные определения «психуши» и «плакуши».

— Она с тобой так жестко обошлась, чтобы ты побыстрее освободилась от своей зажатости, — успокоила меня Лидия Яковлевна, полагая, что я не отличаю жесткость от хамства.

Слава Богу, моё упавшее настроение поднял следующий эпизод. Дочка одной из больничных медсестер, школьница, купила в магазине книжечку «Из жизни волшебника Мишуты» и показала маме:

— Глянь, какая необычная детская книжка. Увидела на прилавке в книжном и купила, десять копеек всего стоит. Чудесный будет подарок для кого-нибудь из малышей!

На что мама ей ответила:

— Так эта писательница, Тамара Черемнова, сейчас как раз лежит в нашей больнице. Нервишки ей подлечиваем. Уж очень чувствительная да волнительная. Писатели — они все такие...

Эту историю мне с восхищением рассказала медсестра.

Перед выпиской Лидия Яковлевна показала мою историю болезни — там в свежих записях о диагнозах не значилась «олигофрения в стадии дебильности», были констатированы нормальное развитие интеллекта и адекватность поведения, но «олигофрения в стадии дебильности» как была проставлена на самой первой странице, так и осталась.

А ведь люди сначала видят эту страницу! И, прочитав этот диагноз, не спешат листать историю болезни дальше и читать подробности.

— Почему же мне не написали опровержение старого диагноза «олигофрения» на первой странице? — спросила я.

— Мы таких опровержений не пишем, — ответила Лидия Яковлевна, — а просто записываем имеющиеся диагнозы. Мы же не указали среди них «олигофрению». Какие могут быть претензии?

— Я все равно добьюсь этого опровержения, — пообещала я.

— Это ваше личное дело, — поджав губы, ответила врач и вышла.

Уезжала я из больницы в таком гадком и раздавленном состоянии, в каком, наверное, к ним поступают больные, и жалела, что напросилась туда. Кемеровская областная психиатрическая больница значительно отличалась от Прокопьевской городской, где мне так помогли в 1988 году.

Зато в моей истории болезни появилась уникальная запись, приводящая врачей в недоумение: «Черемнова Т.А. по собственной просьбе была госпитализирована в КОКПБ». Как это? Сама напросилась в *психиатрическую* больницу? К психам? Да, сама напросилась, и не к психам, а к врачам с вполне определенной целью избавиться от портившего жизнь «оленьего страха», а заодно и неверной титульной записи «олигофрения в стадии дебильности». Кроме того, наивно надеялась, что если в областном центре Кемерово, смогу найти общение и поддержку, как начинающий литератор. Я рассчитывала, что на меня кто-нибудь обратит внимание, хотя бы ребята из Кемеровского дома инвалидов — там было отдельное молодежное крыло колясочников с сохранным интеллектом, грамотных и получивших образование. Но — увы и ах!

Сколько я ни приглашала, никто не пожелал прийти ко мне в эту больницу. Оно понятно, одно название, несущее слово «психиатрическая», отпугивает. Но я несколько не жалею, что все так сложилось. Так что в результате я только использовала возможность обследоваться у кемеровских врачей. И в душу запали слова Лидии Яковлевны, сказанные перед моим отъездом:

— Ты сама должна найти выход из этого положения. И писать, писать, писать. Хотя бы диктовкой, даже при помощи малограмотных, диктуя по буквам. Но постарайся не переусердствовать, а то может появиться чувство отвращения и к диктовке, и ко всей писательской работе!

Эх, Лидия Яковлевна, если б вы знали, как мне пришлось «вывернуться наизнанку», чтобы отстоять право на эту самую «писательскую работу»! И в совершенно глухом к инвалидам обществе найти решение проблемы, как писать парализованными руками, которые не могут держать ручку!

А окончательного официального опровержения моего неправильно поставленного диагноза я добилась лишь через много лет, уже живя в Новокузнецке.

Ольга Рачева

Измотавшись и нахлебавшись неудач, я совсем струхнула. Да и Шурка уже откровенно заскучала писать под мою диктовку и стала убегать по вечерам. Ей было куда интереснее с другими, а особенно с замдиректора Ниной Григорьевной, и та благоволила к ней. Бывало, Шурка унесется к предмету своего обожания, даже не заглянув ко мне и не включив света в комнате. А я лежу и жду ее, в потемках. Однажды она явилась в двенадцать ночи. Я спросила:

— Шура, ты где была-то?

— Да у Нины Григорьевны, огурцы ей помогала солить.

— Шура, почему же ты, прежде чем идти к Нине Григорьевне, не зашла ко мне и не включила свет в комнате?

— А Нина Григорьевна сказала, что вечером за тобой должны дежурные девчонки ухаживать, — беспечно ответила Шура.

— Так надо было, прежде чем уходить, предупредить нянечку, чтобы она ко мне заглядывала. А то ты ушла, а я пролежала в темноте до полуночи, и телевизор не посмотрела, и в туалет хочу, — выговорила я ей.

Но для Шурки эти разговоры были пустым звуком, и тогда я, чтобы не обидеть ее, деликатно спросила:

— Шура, ты не обидишься, если я попрошу, чтобы за мной ухаживала другая девушка? Ты же молоденькая, тебе все равно скоро станет совсем скучно со мной, ты уже и так убегаешь от меня.

— Я же только к Нине Григорьевне хожу, — оправдывалась Шурка. — И мне вовсе не скучно с тобой, и нравится записывать.

Но терпеть её непредсказуемые отлучки я не могла, было обидно терять время, лежа в одиночестве без дела, да ещё в темной комнате. С одной стороны ужасно боялась *оскорбить* Шурку своим решением, но с другой стороны, если я твердо решила что-то сделать, то в любом случае это сделаю. Лежа ночами без сна, я анализировала ситуацию и искала выход. Как найти выход в моей неустроенной жизни? И вот в одну из таких горьких ночей вспомнила свою потаенную мечту.

Живя еще в Прокопьевском ПНИ, я, вопреки всему, представляла, что обитаю в отдельной комнате с одной из девчонок из нашего Бачатского детдома. И чаще всего видела возле себя Ольгу Рачеву. Ольга — глухонемая девочка, привезенная в детдом соседской бабушкой, моя ровесница, у нас даже дни рождения в одном месяце, у меня 6-го, а у нее 5-го декабря. Какое-то время Ольга за мной ухаживала. Она не была безотказной и покладистой — если не захочет подойти ко мне, то никакими силами не заставишь. Тем не менее, в своих мечтаниях чаще всего я видела своей помощницей именно Ольгу, а не других девочек, которые относились ко мне лучше и безропотно помогали в бытовых делах. И контактировала-то в детдоме с Ольгой я нечасто, хотя выучила в детдоме язык глухонемых. Так почему же Ольгу? Этому я не могла найти объяснения.

В 1992 году наши отношения с Шурой все больше и больше портились, я видела, что она уже тяготится мной. Да и права она: ну какая радость молодой девушке часами сидеть подле взрослой тетки? И однажды я попросила замдиректора Нину Григорьевну позвонить Надежде Константиновне Трушиной.

Надежда Константиновна Трушина работала в Облсобесе и ездила с проверками по интернатам. Меня с ней познакомила наша директриса Надежда Васильевна, и со временем мы с Трушиной подружились. В каждый приезд в Инской интернат Надежда Константиновна обязательно навещала меня, и мы с ней обо всем говорили. И именно к ней я решила обратиться — попросить быть посредником.

— Тамара, у тебя что-то случилось? — озабоченно спросила меня замдиректора.

— Нина Григорьевна, да ничего страшного, мои обычные проблемы, как жить и как работать, — повела я разговор в шутливом ключе. — Мне нужно посоветоваться с Трушиной. Пожалуйста, попросите ее приехать ко мне, как только у нее появится такая возможность.

Недели через две приехала Трушина и сразу зашла ко мне. Я объяснила ей в общих чертах свою неразрешимую проблему. Надежда Константиновна сразу все поняла, не потребовав подробностей и уточнений, и спросила, как и чем может помочь. И я

попросила ее найти в поселке Бачатский ту самую Ольгу Рачеву и предложить ей жить со мной в одной комнате.

Найти несложно, я знала, что наш специализированный детдом перестроили в ПНИ, и Ольга осталась там. И ее легко было перевести из ПНИ в дом-интернат общего типа — физически здорова, только глухонемая. Правда, с диагнозом «олигофрения в стадии имбецильности», но такой диагноз при хорошем физическом состоянии не являлся препятствием для перевода. Все нянечки, работавшие в Инском доме, имели подобные диагнозы — этих девчонок, более-менее здоровых физически, специально привозили из детдомов, чтобы они ухаживали за физически слабыми. И в других домах инвалидов таких нянь было немало, и их работой оставались довольны. А как лепили диагнозы «олигофрения», насколько не вдаваясь в реальное состояние умственного развития человека, я уже писала.

Парадоксом было то, что диагноз «олигофрения» не был препятствием для работающих нянечек в домах-интернатах общего типа. А для меня, тяжелой ДЦПшницы, он почему-то закрывал возможность жить в том же самом, и в просьбе перевести меня туда из ПНИ мне неоднократно отказывали, ссылаясь именно на диагноз «олигофрения», а не ДЦП. То есть диагнозы нам лепились и использовались исключительно для удобства персонала в домах инвалидов, а не для фиксации состояния и назначения лечения!

Надежда Константиновна переговорила с нашей директрисой, та обрадовалась предложению — вот и решение вопроса о постоянном уходе за Черемновой! И дала добро. Через неделю замдиректора съездила в Бачатский ПНИ на легковой машине, поговорила с администрацией и с самой Ольгой. Объясниться с глухонемой Ольгой помогли ее девочки-соседки. И когда Ольга поняла суть предложения, то заплясала от радости. В Бачатском ПНИ ей жилось несладко.

Мой «проект» получил коллективное одобрение. Ольга быстренько собрала свои вещички, формальное оформление ее перевода при согласии всех сторон заняло считанные минуты, и Нина Григорьевна привезла ее в Инской дом. Ольгу сразу же привела ко мне в комнату, и передо мной предстал настоящий «испуганный зайчонок»...

Это было в августе 1992 года.

Помощь от ВОИ

За книгу про волшебника Мишуту я получила солидный гонорар и тут же приобрела пишущую машинку — механическую. Два года не могла приспособиться к ней, только печально смотрела, ругая себя за бессмысленную покупку. Временами даже хотелось скинуть ее с тумбочки! Как освоить машинку, если руки дергаются и пальцы не попадают по клавишам? А надиктовывать тексты теперь мне было некому — Ольга не могла записывать, она же не слышала. Да и грамотой Ольга владела слабо, все буквы знала, но написать ничего не могла. А у меня из-за отсутствия писаря был литературный простой — ничегошеньки на бумаге, и полная голова сюжетов.

Ко мне в то время, в 1993 году, навевывалась председатель Беловского городского объединения инвалидов Валентина Ивановна Шахова. Тогда, в 1990-е, активно создавались местные объединения инвалидов, городские и поселковые отделы Всероссийского общества инвалидов, сокращенно ВОИ. Однажды, придя ко мне, обрадовала. Оказывается, они заказали электрическую машинку для меня, это гораздо лучше механической, и как только машинка придет, мне ее подарят. Я воспарила до небес и стала воспринимать каждый приезд Валентины Ивановны как праздник. Ну как же, мне ведь электрическую машинку обещали подарить! Уж ее-то я точно освою! И

1993 год будет самым счастливым в моей жизни — я начну писать *сама*, без посторонней помощи!

И вот, в очередной раз посетив наш дом-интернат, Шахова зашла ко мне и сказала:

— Мы получили электрическую пишущую машинку. Но прежде чем отдать тебе ее, я хочу убедиться — сможешь ли ты ней работать? — Она протянула мне открытку и скомандовала: — Попробуй попасть пальцем в клеточку, где пишут индекс.

Я ткнула пальцем, но попала неточно — помешала радость, всколыхнувшая меня от головы до пяток и усилившая гиперкинез.

— Вот видишь: ты не сможешь на ней работать! — вынесла Шахова вердикт и величественно выплыла из палаты, оставив меня с открытым ртом.

Ну и ВОИ — хоть вой! Сначала подняли на небеса, потом швырнули в пропасть.

Впрочем, это не единственное горькое воспоминание, связанное с оказанием помощи со стороны ВОИ. В 1990-м, когда вышла моя первая книжка, продавцы книжного магазина, узнав, что автор цветной детской книжки живет у них в поселке в доме инвалидов, написали обращение к жителям поселка Инской, что мне нужна помощь. Обращение висело у них в магазине, но поселок остался глух к этой просьбе. Потом председатель Инской поселковой организации ВОИ, не помню ее имени, пообещала свою помощь. Вот приедет и поможет. Я ждала полгода. Она время от времени позванивала в Инской дом, извинялась, неизменно ссылаясь на свои дачные сады-огороды, на которых неустанно гнет спину и клятвенно обещала:

— Вот уберу урожай и буду ходить к Тамаре Черемновой. Честное слово!

Мне передавали ее обещания, я продолжала ждать. К Новому году не выдержала и попросила сотрудников дома-интерната позвонить ей и попросить заехать — мол, Тамара Черемнова очень просит. Но она ответила, что ей некогда. Больше я про нее не спрашивала.

Освоение пишущей машинки

И все-таки со временем я освоила механическую пишущую машинку — изобрела способ печатать даже, когда дергается рука. Для того чтобы попадать точно по клавишам, я изобрела приспособление, напоминающее грибок. Это была палочка, к верхнему концу которой прикреплен плоский кружок диаметром в ладонь, замотанный изолентой, а на нижний конец натянута пластиковая пробка, прибитая гвоздем.

Создание «грибка» было забавным.

Когда ко мне перевели Ольгу, она стала собирать на улице всякие пробки от пузырьков, обрывки кожи и поролона, и из всего этого мастерил игрушки, да такие симпатичные, что сразу же заняла первое место на конкурсе прикладного искусства. Рукастая девчонка! И вот однажды, уже в 1993-м, придя с улицы, Ольга показала мне целую горсть разноцветных пробок от пузырьков. Я сердито отмахнулась от ее находки. У Ольги была дурная привычка — что найдет, все суёт мне под нос. Что-то новое из вещей купит — и тоже мне под нос. Не очень-то приятно. За это я даже пару раз наорала на нее и попросила убрать показываемый предмет куда подальше. А когда отмахнулась от этих пробок, Ольга взяла одну из них и положила на клавишу пишущей машинки — пробка оказалась размером чуть больше клавиши и надежно на ней сидела. Я уже было открыла рот, чтоб ядовито прокомментировать, ну вот, будем на клавиатуре пробки хранить, но комментарий замер в горле — в это время у меня перед глазами возникла фотография моего приспособления-«грибка».

Потом всё пошло как по маслу — я попросила Ольгу вырезать из плотной картонки кружок размером с ладошку. Мы отдали этот кружок интернатским плотникам, чтобы те выпилили из фанеры точно такой же. И под моим руководством Ольга с соседской бабой Машей приделали к деревянной палочке пробку и фанерный кружок на манер грибка.

Я начала печатать, ставя пробку «грибка» на нужную клавишу и ударяя по кружку ладонью. Пробка устойчиво держалась на клавише, и, как бы ни корежило мою руку гиперкинезом, буква на бумаге пропечатывалась верная. И, попадая по клавишам «грибком», я наловчилась набирать довольно-таки большие тексты.

Процесс печатания шел медленно, я сильно напрягалась, физически выматывалась, зато уже не зависела от помощников. Теперь надо было всего лишь усадить за машинку, заправить в нее лист бумаги, и дальше я печатала сама, без помощи «писаря».

А электрическую пишущую машинку, которую мне так и не дали от ВОИ, я все же получила, но значительно позже — это было уже в Новокузнецке, в 2000 году. Ее самолично привезла мне Зинаида Гавриловна Черновол, редактор газеты «Инвалид», член Союза журналистов РФ. Машинку списали в газете «Кузнецкий рабочий», и Зинаида Гавриловна взяла ее для меня. Машинка то глохла, то рвала листы, но печатать на ней было значительно легче, чем на механической. И на ней я уже ставила на клавиши пальцы, а не «грибок».

Лена Медведева

Переехав в Инской дом в 1989 году, я сразу же вспомнила про Лену Медведеву, которая так помогла мне на первом этапе затеи с писательством в Прокопьевском ПНИ. Она тогда показала мои листочки с «пробой пера» своей учительнице по русскому языку и литературе. И я написала Лене письмо, зная, что та живет неподалеку от поселка Инской, и пригласила в гости. Получив письмо, она вскоре приехала навестить меня. Теперь это была уже взрослая замужняя женщина, мама двоих сыновей. Работала она в столовой при угольной шахте. Эпилепсия у нее прошла — просто удивительно, прошла сама по себе после первых родов. Боялись, что вторые роды вызовут рецидив, но, к счастью, все обошлось.

Лена Медведева постепенно стала моей очень близкой подругой. Удивительно, но мы крепко подружились именно здесь, в Инском, а не тогда в ПНИ, где вместе жили в 1986 году. Впрочем, в ПНИ Лена была недолго, всего несколько месяцев, за такое время прочной дружбы не завяжешь, тем более она целыми днями пропадала на работе — трудилась в директорском пушном хозяйстве. Да и десятилетняя разница в возрасте тогда сказывалась — на момент нашего знакомства мне был 31 год, а Лене 21. А со временем разрыв в годах «сгладился».

Мы переписывались, Лена ко мне приезжала. Созваниваться не могли — у неё не было домашнего телефона, а я вообще могла только попроситься позвонить с медицинского поста, что было не очень удобно. Ведь телефонов-автоматов в доме-интернате не было. Те, кому нужно было звонить, ходили в ближайшее почтовое отделение, вход-выход в доме-интернате был свободный. Это недалеко, но для меня добраться туда проблематично — ступеньки. А персональными мобильными телефонами тогда владели, в основном, бизнесмены. Так что основным путем общения для нас с Леной оставалась почтовая переписка.

Уж как радовалась Лена, когда вышла из печати моя книжка про волшебника Мишуту! Я ей подарила один экземпляр и, как могла, подписала — мне держали правую руку. Эту книжку прочитали оба её сынишки — она пришлась как раз по возрасту.

Лена согласилась помочь и в литературных делах. И, наладившись с печатанием писанины на пишущей машинке, я снова начала ее эксплуатировать, как когда-то в далеком 1986-м. Лена распространяла мои сказки и рассказы в машинописном виде среди читателей «на воле». Ведь для меня было очень важно собрать как можно больше мнений, впечатлений, отзывов, откликов на свои произведения. Ведь очень важно знать, как ты пишешь? Интересен ли твой рассказ читателю? Захватывает ли сюжет твоей сказки ребенка? Какие вопросы после прочтения он задает взрослому? Тем более что я пишу не столько для взрослых, сколько для детей — а какие дети в доме престарелых и инвалидов? Только дети семейных сотрудников, а таковых было немного.

Все в Инском доме уже знали, что я пишу и вполне успешно. И те, кому я подарила свою книжку про Мишуту, передавали ее читать другим. Книжка ходила по рукам, ко мне подходили, хвалили, выражали восхищение. И вообще стали относиться учтивее и теплее.

Да и сама я, когда, помыкавшись в поисках личного писаря, изобрела приспособление-«грибок» и обуздала непокорную пишущую машинку, стала уже не такой зависимой, не такой зажатой и более спокойной.

И мне уже не казалось, что я хуже всех на свете. Тем более выяснилось, что никто меня таковой и не считал. Это были лично мои страхи и предубеждения. Оказалось, что наши местные жители всегда относились ко мне уважительно.

Как-то раз в 1994 году мне принесли вырезку из областной газеты «Кузбасс». Там была рубрика «Свой голос», где печатали молодых писателей Кузбасса. Мне взбрело в голову туда сунуться, я отправила по указанному в газете адресу свою сказку «Веснянка» и стала ждать ответа.

Прошло полтора месяца — тишина. А тут Лена в гости приехала, и я уговорила ее съездить в Кемерово в редакцию газеты «Кузбасс». Она поехала, оставив детей у своей тетки, благо Кемерово не так уж далеко от Белово. Оказалось, что моя сказка понравилась, но беда в том, что закрыли рубрику. В те смутные 1990-е годы многое закрывалось и ликвидировалось, в том числе и в книжно-журнально-газетном мире.

Закрылось Кемеровское областное профессиональное книжное издательство, многие периодические издания, а те, что оставались, сократились в объеме. Рушились мои надежды на публикации...

До чего ж тернист мой литературный путь! Одну проблему решу, а судьба сразу же выставляет новые. Как сказочная гидра — одну голову богатырь ей отрубит, тут же вырастают другие. Но я успокаивала себя тем, что главного все-таки добила — работаю на пишущей машинке сама.

Беловский вестник

Директриса нашего Инского дома тоже приняла участие в моей судьбе. Жизнь показала, что когда что-то делаешь сам, люди не остаются к тебе равнодушными и вызываются помочь. Исходя из этого, осмелюсь дать совет — не пускайте свою жизнь на самотек, проявляйте активность. И после результатов моей литературной активности

и овладения машинописью директриса пригласила ко мне корреспондентов местной газеты «Беловский вестник».

Журналистский визит меня ошарашил — уж больно неожиданно. Представьте себе пасмурный день, сижу в своей комнате, обдумываю очередной сюжет, и вдруг входят двое незнакомых людей, парень и женщина. И представляются корреспондентами газеты «Беловский вестник».

Женщина назвала свое имя — Лариса Викторовна Лезина. Ее спутник тоже представился, но я от волнения не расслышала отчества, уловила только «Алексей Овсяников». И растерялась — ко мне из газеты? Про меня напишут в газете? И еще больше смутилась, видя откровенное недоумение в глазах журналистов — они никак не могли понять, как я, в столь плачевном физическом состоянии, умудряюсь сама печатать на пишущей машинке? Первые минуты они просто молчали. Когда пауза стала уже совсем неловкой, Лариса Викторовна задала первый вопрос:

— Скажите, Тамара, откуда вы берете сюжеты для своих произведений, и есть ли прототипы среди реальных людей?

Я понимала, что это дежурный вопрос, в общем-то, формальный, но надо было что-то отвечать. И я ответила:

— Герои моих сказок и рассказов — это, прежде всего, я сама, это мое мироощущение. Даже могу признаться, что среди написанных строк запрятана моя мечта.

— Над чем вы сейчас работаете? — тихо спросил Алексей, доселе молча взиравший на меня в изумлении, которое легко понять и простить, я же действительно со стороны смотрюсь весьма необычно.

— Я сейчас пишу рассказ про девушку-инвалида, которая вопреки всему нашла свое женское счастье, — выпалила я на одном дыхании, спеша поскорее открыть свой замысел. А то из робости не решусь или от волнения пойдет спастика, нарушающая речь.

— Вы не могли бы показать нам его? — спросил Алексей уже бодрее.

— Но он еще не дописан... — замялась я.

— А вы покажите что есть, — настаивал Алексей.

Я колебалась — все-таки это черновой вариант, и мне, как и всякому, не обладающему абсолютной грамотностью, не хотелось показывать свои орфографические ошибки и опечатки. Но, глянув на пыльное лицо Алексея, сдалась. Попросила Ольгу подать два уже исписанных машинописью листа, Ольга подала, и оба корреспондента уткнулись в мою писанину.

— Смотри-ка, — сказала Лариса Викторовна, указывая Алексею на какие-то отдельные строки.

Я судорожно пыталась припомнить, что же там такого настрочила, что привлекло отдельное внимание? Что там возмущает? Заметив мое ерзанье, Лариса Викторовна пояснила:

— Тамара, меня восхищают вот эти ваши строчки: «А почему я должна обидеться? Если я похожа на былинку, то это не так уж плохо. Былинка растет в чистом поле, тонкая, гибкая травинка. Говорят, во время урагана ветер с корнем вырывает могучие дубы, а былинка каждому ветерку поклонится, любой ураган выстоит, а потом опять радуется голубому небу, жаркому солнцу».

Уф, отлегло... Значит, не возмущаются, а восхищаются.

Задав еще несколько вопросов, корреспонденты распрощались и ушли, пожелав на прощанье творческих успехов. Позднее я узнала, что Лариса Викторовна Лезина — опытный талантливый журналист, ее называют «золотое перо», и она руководит практикой молодых журналистов.

Алексей Овсяников тогда был начинающим журналистом, а Лариса Викторовна «вела» его, была его руководителем, поэтому они пришли вместе. И хорошо, что статью обо мне она доверила написать ему — иной раз молодое перо искреннее и откровеннее золотого...

Через несколько дней после визита корреспондентов газета «Беловский вестник» опубликовала восторженную статью Алексея. Вот строки оттуда, цитирую по памяти: «Глядя на Тамару Черемнову, невозможно представить, как она умудряется работать, когда ей даже есть, пить и говорить удается с таким трудом. Просто восхищаешься мужеством этой женщины!». И так далее, одни похвалы. Статья меня немного обидела — слишком много комплиментов и упоминаний о моем тяжелом состоянии и физических трудностях, которые я преодолеваю. Ведь я к тому времени уже более-менее избавилась от своих комплексов и страхов, что я хуже всех. К тому же увидела инвалидов в куда более тяжелом состоянии, которым намного труднее жить, нежели мне. Но в целом статья оказалась трогательная, душевная и искренняя. И в одном была удручающе права — работа меня выматывала напрочь.

После сидения за машинкой, скорчившись в три погибели и намахавшись рукой с зажатым в пальцах «грибком», я просто падала — до одури болели и мышцы, и голова, и глаза. Но мышцы руки — это полбеда. А у меня при работе напрягалась мускулатура всего тела — все мышцы, и поперечнополосатые и гладкие. И эти напряженные мышцы зажимали кровеносные и лимфатические сосуды, бронхи, ну и так далее. А такое постоянно напряженное состояние ни к чему хорошему не приводит. И в моем ДЦПшном организме это довольно далеко зашло. Так что, когда повезли на ежегодную флюорографию, обнаружилось, что общее состояние грудной клетки значительно ухудшилось. Мышцы отомстили за мои рабочие засидки — появились шейные хондрозы в грудном отделе, постоянные зажимы, и спереди и сзади.

Вы спросите: кто ж меня так гонит? Да никто. Просто, когда в голове рождается сюжет, хочется сразу его выплеснуть, иначе невозможно ни есть, ни спать. И хочется поскорее увидеть, как это будет выглядеть на бумаге. Это как процесс родов, который нельзя остановить. Нельзя же говорят: *рождение* рассказа, повести, картины.

После статьи Алексея Овсяникова, в «Беловском вестнике» в середине девяностых одну за другой напечатали мои сказки — «Хрустальный коктейль», «Веснянка», «Сага о первой любви». Благодаря газете обо мне узнал весь город Белово...

Надежда

В 1996 году в городском отделе соцзащиты мне дали первую в моей жизни путевку в дом отдыха. За Новокузнецком есть прекрасная зона отдыха «Таргай». Там решили открыть Лечебно-оздоровительный комплекс (ЛОК) для инвалидов, и первыми отдыхающими стала группа одаренных инвалидов — так лестно нас окрестили. И туда съехались одаренные инвалиды со всей Кемеровской области. Однако замечательная затея с ЛОК для инвалидов развития не получила. «Таргай» отдали детям-инвалидам,

тоже под ЛОК, а нового оздоровительного комплекса для взрослых инвалидов так и не построили.

Зато в «Таргае» произошла моя первая встреча с Зинаидой Гавриловной Черновол, редактором новокузнецкой газеты «Инвалид». Зинаида Гавриловна — журналистка, сама она человек, слава Богу, здоровый, но занимается проблемами инвалидов.

Я взяла с собой в «Таргай» рукопись рассказа «Милашин праздник» в черновом еще варианте, чтобы «довести его до ума» и отшлифовать. Показала его медсестре, еще кому-то из персонала, а также своей новой знакомой Татьяне — поэтессе. Татьяна тоже была инвалидом, именно она познакомила меня с Черновол, которую я попросила прочитать рассказ. Зинаида Гавриловна прочитала, одобрила и отправила его в газету ВОИ «Надежда».

В феврале 1997 год «Надежда» опубликовала мой рассказ «Милашин праздник». Это был большой успех, ведь эта газета распространялась по всей России. Газета «Надежда» вселила в меня надежду на все — и на поправку здоровья, и на плодотворную работу, и на широкую известность.

Еще раз газета «Надежда» оправдала свое название через много лет, в 2008 году. Я, растяпа, потеряла экземпляр газеты с «Милашиным праздником», а надо было собирать список публикаций для вступления в Союз Писателей России. Что делать? Попросила знакомую москвичку позвонить в редакцию «Надежды», особо не рассчитывая, что там станут искать в архиве стародавнюю публикацию Тамары Черемновой. В общем, обратилась в «Надежду» с надеждой. И надежда оправдалась! В редакции не только нашли в архиве номер и страницу моей публикации, но и выслали мне саму газету, изъвав ее из архива.

Перевожусь в Новокузнецк

В конце девяностых в Инском доме инвалидов жилось очень даже неплохо. И с уходом худо-бедно наладилось, и работа шла хорошо, и подруга Лена Медведева рядом, но... Но по вечерам на меня снова наваливалась тоска. И душу грызла мысль о том, что не здесь мое будущее, не здесь... Не в Инском доме и не в Белово. Ощущение, что я не в том месте, где мне надлежит быть, точило сердце... И подтачивало здоровье, которым я и без того обижена.

Да еще начались проблемы с Ольгой. Она оказалась гипертоником, об этом умолчали, когда ее забирали из Бачатского ПНИ, а в Инском доме все открылось. Уход за мной, тяжелой колясочницей, не лучшая трудовая деятельность для гипертоника. Частое повышение артериального давления привело Ольгу к микроинсульту, слава Богу, все обошлось. Я испугалась, поняла, что рано или поздно ее постараются сбегать назад в Бачатский ПНИ. Ведь в Инской дом набирали физически здоровых людей, там надо было серьезно работать. А Ольга по состоянию здоровья не тянула на то, чтобы вставать в шесть утра и идти мыть лестницу, а потом еще и мне помогать. Я смотрела на нее и задавала себе вопрос: смогу ли я позволить спихнуть человека туда, где ему было плохо? Ведь Ольга с такой радостью вырвалась оттуда и совершенно не хотела возвращаться обратно.

И я сделала свой выбор — помогла Ольге остаться в Инском. И не жалею об этом, несмотря на часто возникающие проблемы с уходом за мной. Если бы я согласилась отправить ее назад, вопреки желанию и мотивируя слабым физическим состоянием, это было бы предательством. Я бы сама себе этого не простила бы. Уж я-то знаю, каково испытать предательство близкого человека, а я у Ольги была самой близкой. Ольгина мама умерла, когда той было два года, а отец, выйдя из тюрьмы где-то в семидесятых,

периодически брал дочку в гости, но в начале восьмидесятых он умер. Я никогда не расспрашивала Ольгу, за что он был осужден, если бы она хотела, рассказала бы сама. У неё были двоюродные сестры: одна в Магадане, другая — в Кемерово. Но они никогда не виделись с Ольгой, только присылали ей открытки и иногда деньги на праздник.

Да и вообще, как можно выкинуть живое существо туда, где ему будет заведомо плохо... Я не могла выставить вон даже изрядно досаждавших мне Ольгиных кошачков. Ольга — страстная кошатница, любую кошку на улице накормит, все стены и шифоньер залепила картинками, где кошки фигурируют в разных видах и позах.

Когда её привезли в Инской, Ольга отметила, что в некоторых комнатах обитают кошки, и ей тоже захотелось обзавестись мохнатым другом. Валюха дала нам котенка, обещавшего вырасти в пышного дымчатого сибирского кота. Назвали мы его Мишкой в честь моего литературного героя «волшебника Мишуты». В нём было что-то медвежачье — плотного телосложения, временами неуклюжий.

Как-то раз сижу за машинкой, вытюкиваю очередной рассказ, и вдруг Мишка испускает дикий вопль. Орет как резаный. Поднимаю голову и вижу, что Ольга, зажав Мишку под мышкой, держит его над раковиной и трогательно моет ему попу под краном, причем с мылом. Пытаюсь ее осадить на языке глухонемых, мол, ты что делаешь, котов же не моют, они сами вылизываются! А Ольга отвечает мне знаками, что Мишка лижет свою попку, а этого делать нельзя, там инфекция, и Мишка может заболеть. С огромным трудом удалось убедить Ольгу, что у кошек своя гигиена, кошачья — оказалось, что она не знала этого к своему возрасту.

Мишка вырос в здорового котищу, и его пришлось отдать в хорошие руки. Слишком хлопотно стало держать в доме инвалидов — повадился бегать в подвал, оттуда возвращался с блохами и болячками. Только выведешь их, как он снова в подвал по зову кошачьей души.

Потом, стосковавшись по родственным мохнатым душам, Ольга выпросила у Валюшки еще одного котенка — так появился черно-белый Васька.

Однажды Ольга ушла на работу, забыв его покормить. А на нашем столе, как на грех, стояли две порции супа-ухи в тарелках, прикрытых сверху вторыми тарелками. Мало кто из кошачьих устоит перед таким соблазном. Васька проорал минут пять, усек, что кормить его не собираются, вскочил на Ольгину кровать, добрался до тарелок, аккуратно сдвинул носом верхнюю и принялся лакать уху, урча от наслаждения. Если бы я могла передвигаться, оттащила бы Ваську за шкуру. И уж конечно бы накормила его. Попыталась договориться с Васькой по-доброму: лежу и взываю к Васькиной совести. А Васька в точности как его тёзка из басни Крылова — «слушает да ест». Я перешла к угрозам — давай, давай, ешь Ольгин суп, вот она придет, и ты получишь тапком по одному месту!

Так и произошло. Конечно, бить Ваську я не позволила и остановила гневающуюся Ольгу с занесенным тапком. Отдала ей свою порцию ухи, которую Васька не тронул, сообразив, что *при мне* есть *мою* уху — это неприлично. Я оценила Васькину деликатность и увековечила его в своих сказках.

Поездка в «Таргай» в 1996 году помогла мне завести множество знакомых из разных уголков Кемеровской области. Я активно переписывалась с ними, и до меня долетела информация, что в Новокузнецке открылся новый дом-интернат для престарелых и инвалидов, просторный и оборудованный по последнему слову техники.

Эх, мне бы туда... И дом с большущими удобствами, и *мой* Новокузнецк, где я родилась и прожила свои первые шесть лет — самые счастливые и безоблачные годы. Покровительствовавшая мне Надежда Константиновна Трушина уже не работала в Облсобесе, ее перевели в другую организацию. И я рискнула письменно обратиться в Облсобес сама. Сочинила подробное письмо-просьбу, объективно обрисовала картину своего пребывания в Инском доме — ко мне прекрасно относятся, но имеются технические сложности. Изложила свои доводы, сообщила, что родом из Новокузнецка, и попросила для нас с Ольгой путевки в Новокузнецкий дом престарелых и инвалидов. Конечно же, вдвоем. Если бы я оставила Ольгу, ее бы мигом перевели обратно в Бачатский ПНИ за профнепригодность. Как няня она неважно справлялась со своими обязанностями по состоянию здоровья, и ее держали исключительно как моего личного помощника.

Как же мне хотелось вернуться в город своего детства! При одном слове «Новокузнецк» набегали сладостные воспоминания — наш домик, дед с бабой, любящие родители... Тогда меня любили...

Еще меня обуревало недостойное желание досадить своим родственникам за то, что любили и разлюбили. За то, что сдали в Бачатский детдом. За то, что насильно заставили покинуть Новокузнецк. За то, что редко навещали. За то, что не приглашали в гости. Такой вот детский ход — ах, не зовете меня в Новокузнецк? А я сама туда приеду! Без вашей помощи!

Ответ из Облсобеса все не приходил, но я упрямо твердила себе, что все равно вернусь в Новокузнецк. И в 1997 году случилось то, чего я так добивалась. Однажды, когда я по делу спустилась на первый этаж в бухгалтерию, мне вдруг объявили:

— Черемновой и Рачевой пришли путевки в Новокузнецк.

Я растерялась, вроде уже и ждать перестала. На следующий день поехала на прием к директору — выяснить, уточнить, договориться о переезде. Дожидаясь своей очереди, увидела врача Сергея Александровича Червова. Он работал в Беловском доме недавно, но у нас быстро установились добрые отношения.

— Тамара, а ты что здесь сидишь? — спросил он.

— Да вот насчет машины хочу договориться, — ответила я.

— И куда едешь? — поинтересовался он.

— В Новокузнецкий дом перебираюсь.

— Тамара, зачем тебе туда переводиться? Здесь твои ровесники, а в Новокузнецком доме, в основном, престарелые.

— Сергей Александрович, так я тоже уже немолодая, пятый десяток разменяла.

— Там в Доме престарелых будут люди вдвое старше тебя.

— Ну, опыт общения с людьми намного старше у меня имеется: в Прокопьевском ПНИ меня поначалу подселили к пожилым женщинам, и я с ними отлично ладила. — И я улыбнулась, вспомнив своих трогательных трех Маш.

— Тамара! Здесь тебя знают, уважают. Весь город Белово тебя читает, и в газетах печатают. А в Новокузнецке каково тебе будет? Подумай, стоит ли уезжать? — не унимался Сергей Александрович.

Но я только качала головой. Доводы Сергея Александровича были разумны, но если уж я рванула в своих мыслях вперед и убедила себя в крайней необходимости чего-либо — это уже бесповоротно... Оставалось только согласовать все с Ольгой и собрать вещи.

И вот машина-газель вновь мчит меня по дороге, как и восемь лет назад, но теперь уже в мой родной город, в город детства, откуда меня увезли в неполных семь лет... И вот я возвращаюсь сейчас, когда мне уже в шесть раз больше, почти сорок два!

Семь умножить на шесть равно сорока двум... Я прожила один временной отрезок в Новокузнецке и пять последующих таких же отрезков вне его и не побывав там ни разу...

За восемь лет в Инском доме инвалидов было всякое. И хорошо, и радостно, и сложно, и тяжело. Но относились здесь ко мне с уважением, считались со мною, старались помочь. А главное, я продолжила свой литературный путь — сочиняла и отпечатывала сочиненное на машинке. Сказки и рассказы публиковали и меня именовали писательницей уже без сарказма.

Часть 4. Новокузнецкий дом-интернат

Прибытие и привыкание

В октябре 1997 года нас с Ольгой повезли в Новокузнецкий дом-интернат для престарелых и инвалидов № 2. От Белово, где находится Инской дом, до Новокузнецка не так уж далеко — сто с лишним километров. Доехали быстро, но долго плутали по улицам Новокузнецка, шофер из Инского не знал, где находится новый дом-интернат.

Я смотрела в окно «газели» и пыталась найти хоть что-то знакомое, что запомнила с детства. Наивно! Ведь меня увезли из Новокузнецка в 1962 году, а сейчас на дворе 1997-й. И это уже совершенно другой, не знакомый мне город, ведь столько лет пролетело!

Часам к четырём вечера подъехали к дому-интернату. Медсестра, сопровождавшая нас с Ольгой, пошла оформлять документы. В газель заглянула директриса этого дома. Она не представилась, но кто-то из находящихся поблизости шепнул: директор.

— Ну и кто тут к нам приехал? — сухим тоном спросила она. Резко спросила, недружелюбно. Малообещающее приветствие, могла бы встретить по душевнее. От неожиданно сурового обращения я съежилась, и душу охватил знакомый холодок, часто посещавший меня в мои детские и юношеские годы. Директриса же, скользнув по мне небрежным взглядом, повернулась и зашла в корпус.

Через некоторое время к нам вышла старшая сестра Эльвира Алексеевна, улыбнулась, поздоровалась, спросила, как зовут. Я вкратце рассказала про Ольгу и про себя. После необходимых согласований нас выгрузили из машины, медсестра и шофер из Инского дома попрощались и уехали.

Мы с Ольгой сидели в холле со своими вещами. Было непривычно и неловко вот так сидеть на всеобщем обозрении, где каждый тебя разглядывает. От нечего делать я разглядывала холл — большой, светлый, мраморный пол, смахивает на вестибюль гостиницы, каковым его показывают в фильмах. Подошла приветливая медсестра и пригласила:

— Пойдемте, я покажу вашу комнату.

Мы с Ольгой поспешили за ней. Я в этот раз выпросила в Инском доме свою коляску, директриса Надежда Васильевна любезно разрешила мне взять ее с собой. Так что в Новокузнецком доме гордо ехала по коридору на своем личном транспорте.

Нам открыли еще не заселенную комнату, в которой стояли две застланные кровати. А интерьер, ну, в точности гостиничный! И ощущение пребывания в гостинице не покидало меня в тот первый вечер.

Прожив неделю, я почувствовала дискомфорт. Сначала не поняла, отчего здесь так здесь? Потом, будучи на улице, разобралась. В Инском доме много простора и открытая даль — ничто не закрывало перспективу. Новокузнецкий дом окружали жилые многоэтажки, и лишь в одном месте маячил далекий лес. Привыкшая жить среди простора и зеленых массивов, я поневоле затосковала о Новокузнецке своего детства. Но город Новокузнецк был уже другой, вокруг обитали совершенно не знакомые мне люди, да и тот пяточок, где стоял домик моего детства, давно застроили.

На меня обрушилась депрессия, не хотелось ни читать, ни писать. Хоть беги обратно в Инской, под ветвистые кроны карагачей! Но здравый смысл шептал мне, что это временное явление, я адаптируюсь, что тоска пройдет, ведь добилась того, чего всю жизнь хотела.

И я стала усердно, упорно, упрямо топить эту тоску, загонять на самое дно души, заслонять позитивными и конструктивными мыслями. Да здравствует мое упрямство! Мне не сразу удалось с ней справиться со своим состоянием, но все-таки удалось. И неприветливый город постепенно стал мне нравиться, и рабочий настрой постепенно вернулся.

Журналистка Тамара Бохан

Недели через три после моего прибытия в Новокузнецк в комнату вошла незнакомая женщина в сопровождении старшей медсестры Эльвиры Алексеевны.

— Тамара, познакомься, это корреспондент из газеты «Металлург Запсиба», ее к тебе директриса направила, — сказала Эльвира Алексеевна и ушла.

— Здравствуйте! Присаживайтесь, не стесняйтесь, — пригласила я жестом милостивую женщину.

Она присела на табурет и представилась:

— Меня зовут Тамара Петровна Бохан, я журналистка. Меня ваша директриса заинтриговала: сказала, что здесь живет очень интересный человек — Тамара Черемнова. Можно, я буду задавать вам вопросы, а вы будете на них отвечать?

— Конечно, конечно, — сдавленно ответила я, разволновавшись. Не так уж часто меня посещают корреспонденты. А тут такая симпатичная корреспондентка, да еще моя тетка. И, оказывается, наша суровая директриса способна на добрые поступки, заинтересовала мною газету «Металлург Запсиба».

Я справилась с волнением, и мы с Тамарой Бохан подробно поговорили. А в дальнейшем стали добрыми приятельницами. Она чуть старше меня и такая славная, обаятельная, широкая душой и щедрая сердцем. И эта тетка оказалась ниспослана мне судьбой будто в противовес тетке из Прокопьевского ПНИ — докторше Тамаре Федоровне, чье безжалостное медицинское заключение подтолкнуло меня к самоубийству. Та Тамара чуть не погубила меня, а эта Тамара вселяла новые жизненные силы.

Тамара Бохан часто навещала меня, и мы вели разговоры обо всем, что нас окружало. Когда у нее возникали жизненные трудности, она делилась ими со мной, как с равной, а я старалась поддержать ее советом или просто внимательно выслушать и подбодрить. И

из общения с Тamarой сделала для себя полезный вывод — любой человек, даже успешный и удачливый, может испытывать трудности, и все-все, даже самые умные, обеспеченные и независимые, нуждаются в понимании и участии.

После того интервью, я поняла, что если в газете выйдет очерк Тamarы Бохан обо мне, то кто-то из моих многочисленных новокузнецких родичей — родители, тетки, родные и двоюродные братья-сестры — прочтет и узнает, что я нахожусь здесь. А пока что еще никто из них не в курсе, что я перебралась на родину в Новокузнецк.

Но напрасно понадеялась на это чудо, никто из моей родни на тот очерк «не клюнул», может, не обратили внимания, или же газета никому не попала на глаза.

Мать узнала, что я нахожусь в Новокузнецке, от директрисы Инского дома. В декабре 1997-го мать отправила мне поздравительную открытку с Днем рождения. В Инском, получив открытку, удивились. Черемнова в Новокузнецке, у родичей, считай, под боком, а они почему-то ничегошеньки не знают об этом! И директриса распорядилась отправить открытку назад с приложенным официальным сообщением о переводе ее дочери в Новокузнецкий дом. Позже я узнала, что директриса подивилась моей конспирации и сочла нужным раскрыть ее. А никакой конспирации и не было. Просто мать не интересовалась мной, так зачем было уведомлять ее о моем перемещении?

Будешь ходить!

Надо отдать должное Новокузнецкому дому, как только я прибыла сюда, меня тут же начали возить по врачам-неврологам — в том же 1997 году, в конце ноября и декабре. Из самых хороших побуждений! Чтобы подлечить и вылечить!

Однако сейчас, по прошествии десяти с лишним лет, могу с уверенностью сказать, что лучше бы этого не делали. И обнадежили, и обидели, и унизили, и измучили, и ничем не смогли помочь. Судьба, словно смеясь надо мной, больно жалила в самые уязвимые места. словно со злорадным оскалом шипела:

— На вот, любуйся! Никто и ничто тебе не поможет! Видишь, как люди на тебя смотрят? Поняла, кто ты такая для них всех!

Судьба ранила меня и попутно демонстрировала мне человеческие пороки — не иначе как решила познакомить начинающую писательницу с тем, как выглядят отрицательные герои.

У Тamarы Бохан в Новокузнецком Институте травматологии и ортопедии работала знакомая, и она договорилась, чтобы меня осмотрели специалисты. Это было в декабре 1997-го. И вот на интернатской машине меня привезли в этот солидный институт в сопровождении медсестры Эльвиры Алексеевны и моей помощницы Ольги, занесли в кабинет ортопеда и переложили на кушетку.

Зашла врач-ортопед — молодая женщина. Меня представили и вручили мои медицинские документы. Она полистала историю болезни и принялась осматривать меня, даже не предложив раздеться, как положено по правилам медосмотра. Потом попросила выпрямить спину — я выполнила ее просьбу. А уж последующая беседа с ней... Этот взрезающий душу голос, я узнаю, даже будучи по ту сторону бытия. Не хочу называть имени этой докторицы, надеюсь, она прочтет эту книгу, пересмотрит свое отношение к пациентам и уменьшит самоуверенность и беспечность в даче обещаний больному.

— Ты почему не ходишь? — задала она сногшибательный вопрос, таким тоном, словно я специально, по своей хитрости, просидела столько лет в коляске. — Смотри, как хорошо спину держишь!

— Со мной же никто никогда не занимался, — промямлила я тихо. — Меня вообще мало лечили... И большую часть своей жизни я прожила не там, где положено...

Врач вскинула на меня недоуменный взор. Я попыталась рассказать про ПНИ и как оттуда выбралась, но она грубо оборвала:

— Я сама как специалист вижу, что у тебя олигофрения!

Тогда я показала свою книгу «Из жизни волшебника Мишуты», специально прихваченную с собой. Она долго ее рассматривала и ошаршила заключением:

— Вот видишь, ты же смогла написать книгу, значит, сможешь и ходить!

— Так вы меня возьмите к себе в больницу, — с надеждой в голосе попросила я.

— Не могу! У нас в ортопедии занимаются только теми, у кого мышечные контрактуры и неразработанные суставы. А у тебя спастика и гиперкинезы — их надо снять. Тебе следует сначала полечиться в неврологии, а там посмотрим.

После общения с врачом-ортопедом я долго пребывала словно в опьянении. С одной стороны, малоприятный осмотр и разговор с упоминанием давно снятого с меня диагноза «олигофрения», зато с другой стороны — надежда на то, что я буду ходить! Ну как я могла ей не поверить? Она всё-таки врач. И если она считает, что я могу ходить, то значит, так оно и есть. Не станет же врач напрасно обнадеживать. Я увидела в этом враче-ортопеде волшебницу.

И в идее поставить меня на ноги, сыграл свою роль еще один давний случай. Когда я жила в Прокопьевском, к нам привезли новенькую девушку — Галину. Так вот у этой Галины была точно такая же форма ДЦП, что и у меня, со спастикой и гиперкинезами, но она сама ходила и самостоятельно ела. Я допытывалась у Галины: чем ее лечили? Она мне рассказала, что в Новокузнецке есть детский психоневрологический центр, где, в том числе, проживали и дети с ДЦП. И в этом центре с ними занимались — и физически и педагогически, кто мог и хотел учиться, тех учили. До шести лет Галина лишь ползала на четвереньках. А в центре ее *лечили* — и медикаментозно, и ЛФК, и проводили физиотерапию — и она встала на свои ноги!

Вот почему я столь безоглядно поверила тогда этой докторице, и настояла на том, чтобы меня госпитализировали в неврологическое отделение 29-й Городской больницы Новокузнецка.

Неврология и бездушие

В отделение неврологии я попала не в самое лучшее для Российского государства времечко — февраль–март 1998-го. Лекарства бесплатно уже не выдавали, их надо было покупать самим. Это постсоветское нововведение действует и поныне — в декабре 2009-го я снова лежала в этом отделении — и та же схема медицинского обслуживания с лекарствами за счет больного.

Я не стала спорить и купила пирацетам. Потом врач назначил мне таблетки с непривычным названием «наком». Наком применяют после операции на мозге, чтобы избежать судорог. В комплексе с другими препаратами и витаминами он дает неплохие результаты. И я воодушевилась. Мне повезло с покупкой — приобрела лекарство прямо

с оптовой базы, по 400 рублей, а в аптеке он стоил 600. Но наком оказался «не моим» препаратом. Он немного снимал спастическую в сочетании с витаминами группы В, но не более того. Гиперкинезы оставались. Они у меня вообще плохо снимаются лечением и сильно зависят от моего эмоционального состояния: иногда их нет по нескольку часов, а иногда внезапно возникают и долго не проходят. В острых случаях мне колют реланиум.

Лечащая врач чувствовала, что наком — не то средство, в котором я нуждаюсь, что надо подбирать другое. Но ничего не могла сделать — ведь, чтобы подбирать больному лекарства, надо эти лекарства иметь в ассортименте, а в муниципальных больницах таких запасов — для индивидуального подбора каждому пациенту — уже не держали. И я покорно принимала наком и терпеливо ждала, когда же у меня, наконец, появится равновесие в теле. И мечтала, как меня начнут ставить на ноги, и я пойду «на своих двоих»...

В палату приходила инструктор по физкультуре и занималась с нами положенное время. Я старалась выполнять все упражнения, вот только с левой рукой была проблема. Иногда непокорная левая, ну, никак не хотела разгибаться, и я прятала ее за спину. Инструкторша рывкала:

— Ну что ты опять затолкала под себя левую руку! Вытащи ее из-за спины, пусть свободно лежит!

Я, понимая ее праведное возмущение, вытаскивала руку и пускала ее «в свободный полет», но та лишь тормозила мои упражнения. И инструктор физкультуры была бессильна что-либо поправить и направить. Но все равно не понимала, что нельзя обижать больных, даже если они бесперспективны в плане лечения.

Расскажу еще один случай, связанный с пребыванием в том отделении. Это произошло в мою первую больничную неделю. Со мной в больницу отправили и Ольгу, но койко-место предоставили только мне.

Оказавшись без лежачего места, Ольга могла прикорнуть лишь на койке, которая ночью была свободна, так как «прописанная» там больная приходила только на утренние процедуры. А днем Ольга была вынуждена сидеть на стуле. Естественно, она стала уставать, у нее усилились головные боли, стало часто повышаться артериальное давление. Моя врач вместо того, чтобы помочь с местом, заругалась и потребовала отправить Ольгу назад, в наш дом-интернат. Но кто будет ухаживать за мной? Без посторонней помощи, я, увы, не в состоянии обойтись.

И тогда я попросила врача позвонить моей матери и попросить ее поухаживать за мной. К матери я обращалась лишь в самом крайнем случае, но это ведь и был такой случай. Тем более что к другим больным приходили родственники, обычно после работы, и ухаживали, несмотря на усталость.

Мать откликнулась на вызов врача — через два дня пришла со своей сестрой Марией. У мамы четыре сестры и еще брат, и все они проживали в Новокузнецке. Узнав, в чем дело, мать заявила, закатив глаза чуть ли не на лоб:

— Я не могу бросить работу! Хотя я официально на пенсии, но подрабатываю. Хочу на старость себе заработать, а то вообще жрать нечего будет!

Её сестра Мария тут же вставила свое ценное мнение:

— Томка, а зачем тебя лечить? Ты же все равно неизлечима. Только зря тратить время и деньги на лекарства. Если бы ты была излечима, тебя бы в детстве вылечили.

— Вы можете за мной хоть один раз в жизни поухаживать! — взорвалась я.

— Какое право ты имеешь от нас что-то требовать? Мы уже старые, — парировала моя тетушка.

Я хотела ей ответить, что и, будучи молодыми, они мне тоже мало чем помогали. Но меня опередили соседки по палате:

— Как вам не стыдно! Почему вы отбираете у Тома последнюю надежду? На такое никто не имеет право, даже родная мать!

Но закаленное бездушие моих родичей не так-то просто пробить. После укора соседок мать с тетей Машей стали обсуждать: может, заплатить нянечке за мой уход? Но, поразмыслив, решили, что это лишнее. Мать пошла в больничный киоск, купила Ольге таблетки от головной боли и для снижения давления.

Затем сестры удалились, посчитав, что их миссия выполнена. После их отказа поухаживать за мной администрация больницы, посочувствовав и войдя в мое положение, оставила Ольгу и предоставила ей освободившуюся койку.

Мое лечение подходило к концу в марте 1998-го, а в организме не наблюдалось ни малейших сдвигов и не появлялось никаких намеков, что я смогу встать и пойти. Перед выпиской я поняла, что этого не предвидится — никогда и нигде. Никакое лечение не поможет, все лекарства и процедуры бессильны. Понятное дело, что к волшебнице-ортопеду, пообещавшей поставить меня на ноги, если уберут спастика и гиперкинезы, я уже не рвалась — ведь спастика и гиперкинезы остались при мне.

И такая депрессия овладела мною, такая хандра напала... Сутки безостановочно проревела — хочу остановиться, заставляю себя, но организм, вопреки мне самой, словно изнутри выбрасывает рыдания, которые не поддаются усмирению, как извержение вулкана.

Надеялась, что кто-то из врачей ко мне подойдет и хотя бы поговорит со мной, но этого не произошло. Я была недостойна их высочайшего внимания, потому как не оправдала их медицинских надежд, не удовлетворила их медицинских амбиций.

В интернате после возвращения из неврологии я недели три периодически впадала в бесчувственный ступор. Упрусь в стену взглядом и сижу, потом очнусь и чувствую, что у меня все лицо мокрое. Не замечала, что плачу, даже удивлялась: почему лицо, будто после душа? Однажды в таком состоянии меня застала медсестра Лариса и спросила:

— Ты чего ревешь?

Я открыла рот, чтобы ответить ей, но вместо слов вырвалось очередное рыдание, и она сделала парадоксальный вывод:

— Все понятно, ты влюбилась!

В ту минуту мне хотелось ее пристукнуть. Я осипшим голосом попыталась выдавить что-нибудь не менее парадоксальное и ехидное, но вместо этого расхохоталась. Лариска пожала плечами и ушла. А я моментально вышла из депрессии и «вернулась в строй». А Лариска потом еще долго меня подкалывала:

— Ну что, когда еще влюбишься и поревешь от любви?

Ортопедия и мастерство

Меня все же свозили в Институт ортопедии к волшебнице-ортопеду, пообещавшей счастливое исцеление, в сопровождении нашего интернатского врача. Волшебница глянула в историю болезни, осмотрела меня, на сей раз не только одетую, но тоже прямо в коляске, не попросив переместиться на врачебную кушетку. Наша интернатская врач застыла в недоумении, а волшебница заключила:

— Как же хорошо в неврологии тебя подлечили!

Особых сдвигов в моем состоянии не наблюдалось. Может, волшебница своим внутренним чутьем видит будущие успехи в моем лечении? Сев за стол, она стала снова листать историю болезни и задавать вопросы:

— Какие таблетки тебе назначали?

— Наком. И еще комплекс витаминов В1, В6, В12 и никотинку.

— Как-как эти таблетки называются? Повтори, я не поняла, — попросила она.

Я назвала мудреное название «наком» по буквам. Она наморщила лоб, пытаюсь вспомнить этот препарат, но так и не вспомнила. Наверное, в ее врачебной практике наком не попадался.

— А теперь вы возьмете меня к себе? — спросила я с надеждой, хотя понимала, что наше прежнее препятствие — спастика и гиперкинезы — так и остались.

— Не возьму. Невозможно поставить на ноги человека с такими плохими руками. У тебя же нет мышечных контрактур, их бы у нас сняли. А у тебя не снимающиеся спастика и гиперкинез, а также сниженная подвижность суставов, — мотивировала она отказ.

И, не желая расписаться в собственной профессиональной непригодности и принести извинения за безответственное обещание поставить меня на ноги, сыпанула десятком непонятных медицинских терминов. Это были пространные разглагольствования об эффективных методах лечения и невозможности применить их ко мне. Зачем мне это выслушивать? Ортопед умничает, желая покрасоваться перед коллегой — врачом из

нашего интерната? Или поет сию медицинскую песнь в насмешку надо мной? Вывалив на нас ушат ненужной информации, она спустилась с небес на землю:

— Теперь пусть тебе интернат закажет специальные ходунки.

— А где их заказывают? — спросила сопровождавшая меня врач.

— Для *наших* инвалидов делает *наши* мастер. Только он сейчас не принимает заказы, мы заказываем ходунки на заводе. Но завод сейчас тоже отказывается делать их нам.

В общем, уехали мы оттуда, несолоно хлебавши. А с ходунками и вовсе скверно. Дело в том, что о них я и раньше подумывала, и даже сама их проектировала, помня, как в детстве бойко передвигалась в ходунках. Лежа в отделении неврологии и предвкушая грядущее обучение ходьбе, я самолично составила чертеж ходунков.

В доме-интернате мой чертеж посмотрели Эльвира Алексеевна с директрисой и похвалили. Не получив даже школьного образования, я вынуждена была стать для самой себя ещё и Кулибиным, конструирующим то приспособление для печатанья на машинке, то ходунки. Чертеж был сделан по всем инженерным правилам, но дело уперлось в вопрос, где и как его воплотить в жизнь? Изготавливали ходунки и прочую реабилитационную технику «индивидуального пошива» исключительно в отделениях ортопедии.

Я рассчитывала, что когда попаду в отделение ортопедии, смогу договориться об изготовлении ходунков. А вопрос оплаты работ по изготовлению мы решим, я знала, куда обратиться за помощью. Но меня отказались госпитализировать в ортопедию! Волшебница-ортопед дала рекомендацию освоить ходунки — о чем я давным-давно и сама думала — и отправила меня в никуда...

После визита к волшебнице-ортопеду во мне закипела такая злоба, что её надо было куда-то выплеснуть, иначе бы возобновилась депрессия. Я села за пишущую машинку, настроила про все это статью и отдала ее в газету «Инвалид». Статья называлась «Яд в хрустальном коктейле». После ее публикации, едва главный редактор газеты Зинаида Черновол появилась в Институте травматологии и ортопедии, волшебница ринулась в атаку:

— Да вы хоть понимаете, на кого наехали? Я дипломированный специалист! У меня квалификация! У меня опыт!

Мне повезло: Зинаида Черновол знала мастера, делавшего ходунки на заказ. У него на данный момент не было нужных материалов, но он собирал по помойкам подходящие железяки и мастерил из них ходунки. Я передала мастеру свой чертеж, и он собрал изящные ходунки из тонких никелированных трубок от карниза для гардин. Они поначалу стояли без дела, потому что колесики были уж очень хрупкими. Потом мы с Ольгой подобрали на улице два выброшенных приличных колеса, и интернатские слесаря приделали их сзади, а спереди я приспособила резинки от костылей.

И вот в такой фантастической конструкции я передвигалась по комнате полушагами-полупрыжками, пока не сломала ее. Но мне опять повезло, к нам ходила в гости женщина из молельного дома. Её муж нашел на помойке две железные спинки от кровати и совершенно бесплатно сделал мне прочные ходунки!

Мне встречались и хорошие врачи — профессионально зрелые и добрые к больным. Например, Татьяна Васильевна Баланова, участковый терапевт, курировавшая наш дом-интернат. В нашей поликлинике работала невропатолог Маргарита Александровна. Сейчас нас курирует невролог Ольга Александровна — когда она приходит ко мне, будто окутывает теплым плащом заботы. Такой врач никогда не даст человеку «под дых», не обидит, не оскорбит, не унижит и, самое главное, напрасно не обнадешит. Бог простит, а, может, и не простит горе-врачей — некомпетентных и бездушных с пациентами.

Но, как бы то ни было, я перемолола в себе эти горести и решила заняться делом — сочинять рассказы и сказки. Какая бы я ни была — ходячая, сидячая или лежачая, — мои тексты востребованы, они радуют детей и важны для взрослых, и уже ради одного этого стоит жить.

Личное и казенное

Некоторые искренне считают, что дом инвалидов — это тихая пристань. Увы и ах! Хотелось бы, чтобы это было именно так. Но здесь хорошо только тем, кто на ногах и имеет здоровые руки. Кому не надо ложку в рот подносить и убирать из-под него.

В системе соцзащиты правила дикие законы, особенно в стационарах, в ПНИ и в домах-интернатах для престарелых инвалидов общего типа. Если пожалуешься, могут заставить ретивых работников сделать с тобой все, что хотят в угоду большому начальнику.

В Новокузнецком доме-интернате мне во всей красе показали, на что способен человек ради того, чтобы не потерять работу. И на что пойдет, угождая директрисе. Особенно с учетом места работы, ведь правоохранительные органы не охотно заглядывают в подобные заведения, а если и заглядывает. Ведь доказать, что старый человек или инвалид дееспособен и ему можно верить, не всегда возможно. А самому инвалиду нанять адвоката и провести объективную экспертизу не по карману. Говорят, есть какие-то правозащитники, но я их за свою инвалидную жизнь не видела ни разу. А чиновники, работающие в одном городе, связаны в одну сеть и не пойдут друг против друга ради какого-то беспомощного инвалида. Я убедилась на своем горьком опыте в этом — чиновники живут сплоченно и поддерживают друг дружку.

В 1999 году я, сама того не желая, вляпалась в одно неприятное дело. Да простят меня и живые и мертвые, но если уж я взялась писать, то расскажу всё, опишу в деталях и пойду до конца, чтобы не оставалось «темных дыр для тараканов». Ведь государство и общество просто не знают и не хотят знать, что представляют из себя российские дома-интернаты для старых и немощных.

Я думала, для того, чтобы выжить, надо было каждую секунду быть сильной и задиристой только в Прокопьевский ПНИ. А в Новокузнецком доме-интернате собрался грамотный люд, способный не дать себя в обиду — бывшие рабочие, не чета нам, инвалидам с детства.

И вот в один далеко не прекрасный день Варвара, которая первой приносила мне новости, сообщила, что от директрисы или, того пуще, аж из самого Кемерово пришел приказ, чтобы проживающие переписывали все свои личные вещи на казенный баланс. А кто не желает передавать свое кровное в казенный «общак», пусть продает или отдает родственникам. Мол, личные вещи в казенном заведении держать не полагается, и

чтобы через десять дней все было выполнено — ничего личного, только казенное, как в тюрьме!

Проживающие подняли панику — стали продавать кто телевизор, кто холодильник. И, ввиду спешки, конечно же, по дешевке, хотя техника почти новая и стоит намного дороже. Видимо, шумок пустили специально, чтоб скупить ценные вещи за символическую плату.

А приказ действительно пришел, да только там было все наоборот — приказывали все личные вещи проживающих занести в отдельный журнал. Но кому-то в администрации хотелось нагреть на этом приказе руки и обворовать инвалидов и стариков до последней нитки, вот и исказили приказ.

Подобные акции типичны для стационаров, где обитают ослабевшие, беспомощные и зависимые от администрации люди.

А уж какие махинации с квартирами стариков и инвалидов проворачивали! Вспомнить страшно! Было официальное положение, что у престарелого человека, которому сложно себя обслуживать, есть право побыть в интернате три месяца и самому решить, где ему жить дальше, дома или в интернате. Но едва человек поступал сюда, его принуждали отписывать квартиру либо интернату, либо писать дарственную на определенное лицо, тесно связанное с интернатом. И вот именно таким принуждением отписать квартиру заинтересованному лицу одного мужчину довели до петли. Я не располагаю ни доказательствами, ни свидетелями, тогдашние жильцы все поумирали. И сам прецедент предпочли забыть. Но ведь было же это всё, и на наших глазах...

Зато историю с обязательной передачей личных вещей на казенный баланс многие отлично помнят — десять дней бессмысленной паники и жестокой нервотрепки. И никто-никто из персонала, явно осведомленного о нововведении, за эти десять дней не прошел по комнатам, не разъяснил, что это за приказ, и не попытался успокоить проживающих.

И вот, повывавшая на своем веку все прелести интернатской жизни, я написала об этой возмутительной истории письмо на имя губернатора области Амана Гумировича Тулеева. Но отправить его решила не напрямую Тулееву, а сначала на имя моего знакомого, жившего в Кемерово.

Под этим письмом также подписались разносчица наших новостей Варвара и приведенная ею местная старушка. А старушка эта ни много, ни мало была заслуженной учительницей, прошла сталинские репрессии, пережила ленинградскую блокаду. Ну как не поверить такому заслуженному человеку? Напрасно я тогда не насторожилась — ведь человек уже старый, не очень-то адекватен. Позже я горько раскисалась, что разрешила поставить подписи под своим обращением к Тулееву этим двум проживающим.

А случилось вот что. Мой знакомый кемеровчанин, получив письмо, снял с него копию. Оригинал он отправил Тулееву, а копию в газету «Рабочий Новокузнецк». Была такая газета в конце 1990-х, потом ее закрыли. И вот утром, когда все еще спали, в комнату зашел председатель Культурно-бытовой комиссии (КБК) и тихонько разбудил меня.

— Тамара, твое письмо напечатали в газете, — сказал он. — Директриса злющая приехала на работу, а ты молодец!

Я спросонья не «врубилась» — какое письмо, какая газета? Выглядела полной идиоткой. А когда выяснилось, в чем дело, обдало горечью, меня ведь не предупредили, что письмо, адресованное Тулееву, попадет в газету.

Я сама виновата — не пошла бы на поводу у больных людей, ничего бы не было, ни со мной, ни с ними. Когда Варвара рассказала, как с ними разбиралась директриса и

члены КБК, я похолодела, и закололо в груди. Я представила себя на месте этой восьмидесятидвухлетней старушки, которая униженно стоит перед членами КБК, а те хором орут на нее. Но ведь я не заставляла Варвару со старушкой подписываться под тем письмом! Они сами изъявили желание, и я предупредила, что за свои подписи придется отвечать. Сама-то я была готова ответить.

Вскоре и меня призвали к ответу: директриса прислала трех стариков, чтобы те меня на руках подняли на второй этаж по лестнице на это собрание. Глянув на эту пожилую рабсилу, я поняла, что они меня не дотащат до места и, скорее всего, грохнут на лестнице. Причем им за это ничего не будет, все спишут на мои гиперкинезы, мол, затрепало ее, вот и не удержали. Тогда еще проживающих в доме-интернате было мало, все жили на первом этаже, поэтому директриса не разрешала запускать лифт.

— Пойдем, тебя директриса зовет на собрание, — сказал мне один из старичков.

— Никуда не пойду, — ответила я. — Если я кому-то нужна, пусть сами приходят.

Старички ушли. Вскоре явились члены КБК.

— Тамара, нас директриса послала к тебе, чтобы разобраться насчет жалобы, — сказал председатель.

— А почему она сама не пришла с вами? — резонно спросила я. — Ведь жалоба касается и ее лично. Мне хотелось бы, чтобы и она присутствовала. И я задам ей, вопрос, почему и кто спровоцировал ситуацию с продажей вещей? И почему целых десять дней длилось то безобразие? Почему люди паниковали и продавали своё последнее имущество за бесценок? Ведь за десять дней можно было разъяснить проживающим, что за постановление вышло.

Председатель выслушал меня и устало махнул рукой:

— А, пусть сами разбираются! — И члены КБК ушли.

Я считала, что повела себя логично — директриса обязана была присутствовать и дать объяснения той ситуации. Но, видимо, ей нечего было сказать в свое оправдание. На следующий день она направила ко мне старшую медсестру и главврача. Старшая медсестра села на табурет, врач же осталась стоять.

— Тома, ты что это жалобы пишешь на директора? — начала врач.

— Этой жалобы не было бы, если бы нам сразу разъяснили, что это за постановление, — принялась объяснять я.

Но в их планы, видимо, не входило выслушивать меня. Старшая медсестра, не поднимаясь с места и не поднимая головы, тыкала пальцем в мою жалобу и попытывалась:

— А вот тут, почему не так написано? А вот это слово, почему не там стоит?

Придиралась именно к написанию, хотя письмо было отредактированным и откорректированным. Врач, на свой манер, тоже принялась протестовать на повышенных тонах, постепенно переходя на крик. Я понимала, что они специально это делают, чтобы запугать меня. Тогда я тоже заорала. На меня всю жизнь так давили начальственным ором, что вполне имею право им же ответить. На самом деле, я многое могла бы сказать и объяснить, но проклятые гиперкинезы не дали мне этого сделать, я свалилась с коляски на пол. На минуту врач и сестра перестали орать. Сестра даже повернулась ко мне. И я попросила ее с пола:

— Пожалуйста, покажите: где и что здесь неправильно написано?

— Может, тебя поднять? — спокойно, как ни в чем не бывало, спросила сестра.

— Сама поднимусь, — отказалась я от помощи и, покорячившись, села на попу прямо на полу.

— Тома, напиши опровержение на это письмо, — предложила мне врач.

Я усмехнулась и помотала отрицательно головой:

— Опровержения писать не буду. Зачем же опровергать правду?

— Значит, не напишешь опровержения?

— Нет! — твердо сказала я.

Врач и старшая медсестра ушли. Примерно через три недели директриса врача уволила, она увольняла всех, кто не захотел или не сумел исполнить ее приказ. И вот однажды вечером сижу на улице и вижу, ко мне приближается эта самая врач. Присев рядом на скамейку, она начала слезно жаловаться, что директриса ее выгнала.

— А помните, как требовали от меня опровержения и орали? — задала я ей малоприятный вопрос.

— Я? Когда? Ой, мне тогда так стыдно было, что я ничего не помню, — скосив глаза к переносице, проямлила она виновато.

Неприятности — крупные и мелкие

Неприятности — это составляющая нашей жизни, без них, ну, никак не обходится никакая, даже самая благополучная жизнь. Но, видимо, я человек, который притягивает к себе неприятности.

Новые неприятности нахлынули в новом тысячелетии — в 2001–2002 годах. Намучившись с нашими врачами, досыта накушавшись их специфическим отношением ко мне и мне подобным, я осталась несолоно хлебавшей. И решила добиться обследования и лечения в других городах, в других областях. Интересно, а как там относятся к таким больным? И для сравнения со своей Кемеровской областью я выбрала ни больше, ни меньше, а саму Москву.

Тогда существовала одна медицинская фирма, предоставлявшая платные услуги, в том числе и устройство человека на лечение в московские больницы. Вот я и «наострила лыжи» в эту фирму, написала туда письмо, указав свой диагноз ДЦП. Они подробно ответили, пояснили, что сделают запрос, потом надо будет дожидаться приглашения в московскую клинику, специализирующуюся по церебральным параличам, и указали, во сколько обойдется обследование и лечение в стационаре. На поездки больного с сопровождающим такого рода можно было получить деньги из областного бюджета, затраты были там предусмотрены и деньги на это «заложены». Получить столичное приглашение на платные медицинские услуги было несложно, а для обращения в областную администрацию по поводу бюджетных денег надлежало собрать нужные справки.

Взять справку в нашей районной поликлинике мне не составило труда — Татьяна Васильевна Баланова, участковый терапевт, курировавшая наш дом-интернат, быстро её оформила. Но к ней требовалась подпись главного невропатолога города Новокузнецка — Владимира Владимировича Малевича, принимавшего в одной из городских клиник. И наша директриса подошла ко мне со словами:

— Тамара, твою историю болезни надо везти к главному невропатологу и получить его подпись. Наша старшая медсестра не может поехать — на ней весь корпус держится.

А к тебе все равно ходит председатель Общества инвалидов, у нее много свободного времени, попроси, пусть она отвезет твою историю болезни главному невропатологу.

— Ладно, поговорю, когда она ко мне придет, — кивнула я.

Председатель местного ВОИ Шишкина бывала у нас регулярно — организовывала мероприятия, проводила праздничные застолья, помогала и в других делах. Я передала ей просьбу директрисы. Шишкина согласилась, тем более что сама по состоянию здоровья часто ездила в ту клинику. Прежде чем направить ее за моей историей болезни, я призналась, что свои лучшие годы провела в ПНИ. Она слушала меня, молча и широко открыв глаза, потом сказала:

— Да тебе надо золотой памятник поставить! Еще при жизни!

— Я это вам рассказала не для того, чтоб вы восхищались, а чтобы не было недоразумений, — пояснила я.

Шишкина взяла мою историю болезни и отправилась к невропатологу. А через неделю приехала в дом-интернат и печально поведала:

— Возила я твою историю болезни невропатологу. Он посмотрел ее, но подписывать ничего не стал. Ты сказала мне, что у тебя диагноз «олигофрения» сняли, а он в твоей истории болезни почти на каждой странице стоит. А записи о том, что его сняли, так и не нашли. Доктор поинтересовался: тянешь ли ты слова, когда говоришь? Я сказала, что немного тянешь, ну и что из этого? А он пояснил, что это признак олигофрении, и поэтому он не может дать тебе разрешение на поездку к московским неврологам.

Я сидела как пораженная молнией, и слова летели в меня будто плевки. На Шишкину я не обиделась — она же только передаточное звено, гонец с дурной вестью. После того Шишкина больше не приходила ко мне, её можно понять. И врача-чиновника Малевика понять можно, наверное, ему дали установку «тормозить» обычных, простых, неблатных больных, напрашивающихся на платное обследование и лечение за деньги областного бюджета, которые нужны для блатных. То есть вроде как и можно рядовому больному попросить денежную квоту на платный визит к столичным медикам, но ее все равно не дадут под каким-нибудь предлогом. В моем случае предлогом послужила запотоколированная и намертво прилепленная к моей истории болезни «олигофрения».

Но ведь московские неврологи, занимающиеся ДЦП, и с олигофренией имеют дело — ведь не все ДЦПшники с сохранным интеллектом, среди ДЦПшников есть и умственно отсталые. Я гнала от себя переживания. Ну отказали в поездке к московским неврологам, и что? Ну не хотят убирать из моей истории давным-давно снятый диагноз «олигофрения», будто в камне его высекли. Все это не горе, а лишь неприятности.

Цепочка неприятностей, крупных и мелких, и не надо на них заикливаться, тем более что у меня столько литературной работы, столько писательских задумок! Однако я вспомнила обещание, данное врачу Лидии Яковлевне Нохриной в кемеровской больнице десять лет назад, — что все равно добьюсь, чтобы диагноз «олигофрения» убрали из моей истории болезни. А теперь ясно, что надо добиться во что бы то ни стало, чёртова олигофрения опять встала скалой на моем жизненном пути. Но как это сделать? Где искать пути избавления от упоминания олигофрении, которой я никогда не страдала, из моих медицинских документов? Сколько же лет, десятилетий тянется эта история с моим неверным диагнозом?

Я поклялась — если у меня появиться хоть малейшая возможность, хоть малюсенький лаз в скале и крохотная лазейка в чиновничьей колючей изгороди, снова попробовать убрать этот осточертевший ярлык «олигофрения», то я уж точно всех на уши поставлю. А пока — работать: сочинять и записывать новые сказки и рассказы.

Свежий ветер и творческий порыв

В первые годы третьего тысячелетия меня все больше и больше волновало литературное будущее, и я уже твердо верила в него. И мечтала, чтобы сказки попали в какое-нибудь детское периодическое издание. И мне подфартило.

Однажды по «болтунчику» (так мы называем радио-динамик, висящий на стене и целыми днями выливающий на наши головы потоки новостей) областной радиозел рассказал о детской газете, издаваемой в Кемерово. В ней публикуются работы самих ребят и взрослых авторов, пишущих для детей или о детях. Газета называлась «Свежий ветер». Дивное название и замечательная направленность газеты — о детях и для детей. Будто свежестью пахнуло. Я легко запомнила адрес редакции, она находилась возле областного телецентра, и написала письмо. Мне тепло ответили и пообещали опубликовать рассказ «Радужная капелька». Свежий ветер вознес меня на седьмое небо! Ещё подумала, если буду замеченной в областном издании, это поможет мне найти постоянную работу.

Но свежий ветер дул недолго, мне удалось опубликовать в этой газете лишь две сказки — «Радужная капелька» и «Необыкновенный подарок». За тем руководство газеты поменялось, и мне вежливо отказали. И я снова оказалась на мели, и, конечно, огорчилась. Но надеялась, что будут еще порывы свежего ветра в моей жизни. И не ошиблась. А «Свежий ветер» оказался трамплином к успеху.

Сначала вроде бы ничто не предвещало, что скоро я выберусь из своего безнадежного положения. Наоборот, наступил момент, когда меня никто не хотел публиковать. Только время от времени писали обо мне и о моих старых публикациях.

Однажды ко мне прислали журналистку взять интервью для местной газеты. Видимо, планировалась очередная сенсационная статья типа «Как полностью парализованная женщина стала писательницей». Но журналистка, увидев меня, растерялась и испугалась, то ли моего внешнего вида с дергающимися руками, то ли моих диагнозов, о которых ее уведомили. Она смотрела на меня с недоумением, граничащим с отвращением, и с трудом цедила вопросы. Я не сердилась на нее. Как можно сердиться на плохого профессионала? Плохому профессионалу можно только посочувствовать. Да и не нужны мне были статьи обо мне, хотелось опубликовать *свое*.

Я чувствовала, что депрессия вот-вот сомкнется надо мной, словно вода над утопленником. И чтобы вконец не пасть духом и не расхлябаться, решила назло себе и своей безнадеге работать каждый день.

У меня давно зрело желание написать не сказку, не рассказ, а повесть — свою первую повесть. А тут как раз Татьяна Валитова, соседка через комнату, рассказала случай из своего детства. Как она, будучи четырехлетним ребенком, спасла от ватаги пацанов бродячую собачонку, которую, привязав к штaketнику, недобрые ребята забрасывали камнями ради потехи. И я засела за повесть, в основу которой лёг случай с собачонкой, и поведение ребятни и их отношения с родителями. А главной героиней сделала рыженькую девчущку, которая во всем упорно докапывается до истины и желает восстановить справедливость. Назвала маленькую героиню Таюшкой.

За писанину засела «всерьез и накрепко» — утром попить чаю и работаю до обеда, после обеда снова за машинку. И за три месяца получился неплохой черновик. Повесть закончила, но свалилась от неестественной для меня позы, в которой приходилось печатать. От постоянного напряжения в спине чуть не лезла на стенку от боли. Казалось, что ноют и стонут все до единой мышцы тела. Зато душу грела удовлетворенность от проделанной работы, особенно, когда перелистывала свой черновик.

В то время в интернате работала психолог Ольга Владимировна — очень славная женщина. Я рискнула показать ей повесть, но предупредила, что это всего лишь первый набросок со всеми орфографическими и пунктуационными ошибками. Она взяла его домой почитать, а я ночью лежала и мечтала, что вот поправлюсь чуток и начну сама, без помощи корректоров, исправлять свои ошибки. Пусть это будет долго, но у меня же есть орфографический словарь и учебник по русской грамматике, и, сверяясь с ними, я шаг за шагом выправлю повесть.

Утром Ольга Владимировна зашла в комнату, держа в руках мою писанину, и прямо в дверях возбужденно заговорила:

— Знаешь, Тамара, вчера вечером читала повесть, не могла оторваться, пока не прочитала, и даже всплакнула. Вспомнила свою студенческую молодость, а когда дошла до строчек, где Светлана, мама Таюшки, рассказывает, как она, получив вузовский диплом, переехала в город своего пропавшего без вести мужа, я расплакалась. Молоденькая женщина! В незнакомый для нее город! С дочкой-крохой на руках! И в тайной надежде отыскать следы мужа, пропавшего на войне! Какая мужественная!

Ольга Владимировна замолкла и присела на стул. Я не нашлась, что сказать. Так и сидели. Ольга Владимировна первая нарушила молчание:

— Тамара, надо только почистить рукопись, убрать ошибки. А так всё здорово! Просто замечательно!

Такая искренняя похвала самого первого читателя повести про рыжую Таюшку была лучшей компенсацией за все мышечные страдания.

Чудеса бывают!

Я особо не верю в чудеса — ведь детство, время для веры в чудеса, давно уже кончилось. Да и что есть чудеса — в том виде, в каком их обычно представляют? Нечто неожиданное, сопровождающееся словесами «внезапно», «нежданно-негаданно», «вдруг откуда ни возьмись».

И какие-то ненатуральные, искусственные, далекие от жизненных реалий, сильно случайные обстоятельства, возникающие сами собой или по каким-то никому не ведомым закономерностям, которые невозможно ни обойти, ни, наоборот, притянуть в нужный для себя момент.

Я верила в то, что мой путь начертан Богом. Не то, чтобы Он все за меня решает, но всё-таки рисует жизненный путь пунктиром, осторожно отводит от дурного и скверного, подталкивает к хорошему и нужному, предлагает возможности, которые можно использовать. А уж как использовать — это моё дело. В общем, на Бога надейся, а сам не плошай. Окончательно я поверила в это в 2003–2004 годы. И в чудеса тоже...

В середине ноября 2003 года я вдруг получила письмо из Москвы. От кого это? Взяв самый обычный, неофициальный конверт, уставилась на графу «отправитель». Там неизвестный мне человек. Попросила Ольгу вскрыть конверт и вынуть письмо — сама не смогла этого сделать от охватившего волнения и предчувствия. Адрес отправителя совершенно не знаком, адресат О.Э.Зайкина. Я перебрала в голове всех знакомых, но никого похожего так и не вспомнила. Смешная фамилия «Зайкина» никого конкретного не напоминал. Ольга вытащила листок. Я оглядела его с обеих сторон.

На одной был напечатан на принтере мой рассказ-сказка «Запоздалый вальс Осени», а на другой вот эти строки:

«Милая Т.А.! Простите, я не знаю Вашего имени, только фамилию и инициалы. Я нашла в интернете Ваш рассказ «Запоздалый вальс Осени». Нашла его в портале инвалидов Disability.ru. Изумительный тонкий рассказ! Я поставила ссылку на Ваш рассказ на моем литературном интернет-форуме — все прочитавшие в восторге. Где можно прочитать Ваши другие произведения? И как Вас зовут? С уважением и пожеланием больших творческих успехов. Пишите! Ольга Эдуардовна Зайкина»

Прочитав это, я вытаращила глаза. Я в Интернете? Как туда попала? Ни у меня, ни у моих близких не только Интернета, даже компьютера не имелось. И что такое «ссылки в Интернете»? Компьютер-то я видела, в приемной у директрисы, но остальное было для меня непонятным, мудреным и навороченным.

Я сидела как истукан, не зная, радоваться мне или удивляться. Что это — оригинальный подарок Деда Мороза или очередное недоразумение? Для Деда Мороза рановато, еще только ноябрь, а вот недоразумения в моей жизни круглогодичны...

На другой день утром снова вытаращила письмо и снова смотрела на него, ничегошеньки не понимая. Временами, закрывая глаза, думала, вот открою глаза, а этого письма нету! Но чудное письмо не исчезало.

Тогда я вспомнила, как осенью, от безвыходности своего литературного положения, когда меня перестали публиковать, взмолилась: «Господи! Помогите мне опубликоваться! Я уже столько написала и столько снискала похвал от прочитавших мои сказки, рассказы, повесть. Людям нравится, как я пишу. У меня столько накопилось и так мало опубликовано. Помогите хоть немного, только подтолкните, а остальное я сама сделаю, клянусь тебе!». Я шептала свою просьбу, глядя в осеннее небо, наполненное облаками. Этими зовущими в даль облаками... Но теперь они уже звали не меня, а мои литературные произведения в большой мир книг и журналов.

И письмо московской незнакомки показалось мне тропочкой в тот мир.

Ольге Зайкиной я ответила лишь на третий день после получения письма, надо было прийти в себя от изумления и возблагодарить Бога за ниспосланные новые возможности. Я надиктовала ответное письмо — записывала Маришка, у нее руки здоровые. Сама я не могла даже смотреть на пишущую машинку — это ж надо было так себя загнать! И Маришкиной рукой я написала Заичке (так я про себя назвала Зайкину) про себя всё, как есть. Что у меня тяжелая форма ДЦП. Что руками писать совсем не могу, могу только вывести свою подпись и пару строк, если мою правую руку кто-нибудь держит, а левая привязана за спиной. Что печатаю на старой электрической машинке, которая рвет листы, когда ей вздумается. Что Интернета у меня нет и компьютера тоже. Похвасталась своей недавней публикацией «Где живет сказка» в подмосковном журнале «Белые Снегири», выпускаемом в поселке Вербилки. И робко сообщила, что написала свою первую повесть, пока в черновом варианте, но ее уже прочитали и одобрили.

Заичка не замедлила с ответом и попросила прислать ей все мои работы, включая повесть. Я собрала всю свою писанину и отправила ей на домашний адрес. Поколебавшись, сунула и черновик «Таюшки».

Через пару недель получила ответ. Заичка восторгалась моими сказками, а насчет повести заметила, что она великолепна по содержанию, но изобилует орфографическими и пунктуационными ошибками, и стилистику надо подшлифовать.

Я пообещала, что постараюсь писать повнимательнее, а повесть доработаю и подчищу, как только отпустят боли в спине. Но Заичка предпочла иной вариант, отсканировала мой черновик, откорректировала, отформатировала и, после согласования со мной, отправила на литературный конкурс, объявленный Александром Гезаловым, писателем и общественным деятелем из Карелии, автором книги «Соленое детство».

Мои сказки, рассказы и повесть Заичка выложила в Интернете через своих друзей. Самарский инвалид-активист Владимир Соломонов разместил их на сайте инвалидов «Равный», а московский врач Иван Кокоткин на своем сервере «Мир здоровья» сделал целую страницу Тамары Черемновой, куда стали помещать мои сказки, рассказы и повести по мере их «выпекания».

Вскоре Заичка сообщила, что мои произведения тиражируют в Интернете, активно перетаскивают на разные сайты. Да еще и печатают — санкт-петербургская газета «Мы — часть общества» опубликовала две моих сказки. «Завожу в поисковке имя Тамары Черемновой — и тут же вылетают многочисленные странички с ее сказками и рассказами», — писала Заичка. Я порадовалась своим странствиям в Интернете. Заичка уточнила — виртуальным странствиям. Но язык компьютера и Интернета был мне ещё не понятен.

Завязавшаяся переписка с Заичкой была приятной, полезной и информативной. Она набирала свои письма на компьютере и распечатывала на принтере, а я отвечала машинописью. Со спиной стало полегче — то ли отдохнула от повседневного тюканья по клавишам, то ли опять Господь помог. В бурной переписке прошёл год, письма из Москвы в Новокузнецк и обратно летали еженедельно, а то и чаще. И у каждой из нас накопилось по пухлой пачке, и мы, не сговариваясь, сохранили всю нашу бумажную переписку за 2003–2005 годы, пока полностью не перешли на электронную.

Обработка и продвижение моей писанины — большая работа, и я чувствовала себя неловко перед Заичкой. С чего это столичная жительница возится с какой-то инвалидкой из далекого Кузбасса? Может, Заичка тоже не совсем полноценный человек, так сказать, товарищ по несчастью? Или у нее в жизни что-то не сложилось — одинокая, несчастная, несостоявшаяся? Попросила рассказать о себе. Она подробно написала и прислала фото — красивая стройная женщина с роскошными волосами. И не одинокая, и не несчастная — имеет мужа и взрослую дочь. И очень даже состоявшаяся и успешная — кандидат биологических наук, работает в Институте иммунологии, пишет для женских газет и журналов, автор шеститомника «Житейские кружева» и юмористического сборника «Толстяки-худышки». В общем, все у Заички в порядке и нет никакой ущербности, каковую я заподозрила.

Тогда я спросила напрямую: «Почему Вы мне помогаете?». На что она ответила: «Милая Тamarочка! Я помогаю не Вам лично, а российским детям, которым нужна хорошая детская литература, добрая и светлая, — именно такая, какую Вы создаете. Я хочу, чтобы российские дети, в том числе мои внуки (а они у меня со временем появятся), читали умные повести и мудрые сказки, а не маразматическую чепуху, которая сегодня бурным потоком льется на книжный рынок».

Что ж, после такого отзыва стоит жить и творить!

Заичка по сей день бескорыстно редактирует и продвигает мои литературные работы. Благодаря ей они широко распространены и в электронном виде, и в бумажном. Московские и всероссийские журналы, опубликовавшие меня, подтолкнули кемеровские, и уже не свежий ветер задувал, а закрутился вихрь — вихрь настоящего литературного успеха.

Когда я получила от Заички первое письмо, то поняла, что этот человек послан Богом, и почувствовала грядущий подъем в моей литературной деятельности. Конечно же, от меня потребовалось много-много усилий, я бросилась в писательскую работу, ушла в нее как в омут с головой.

Успех подстегивал, и я писала все больше и шире, помимо художественных произведений еще и публицистические (Заичка настропила, открыв у меня и этот

талант). Какое же это счастье — когда твои произведения востребованы, и издатели и читатели просят и продолжать старые сюжеты, и писать новое! За что молилась, что просила у Бога — то и получила.

В апреле 2004-го грянуло второе чудо — я вышла победителем в литературном конкурсе, объявленном Александром Гезаловым, и мне по почте выслали приз — ноутбук — портативный компьютер. Первый в моей жизни компьютер! И той же счастливой весной журналы «Защити меня!» и «Бизнес Леди» взяли в публикацию мои сказки и очерк «Тернистый путь и терновый венец».

Не успела опомниться, как последовало третье чудо — летом 2004-го в пилотном номере журнала «Страна и мы» редактор Марал Казакова, тоже не зная моего имени, просто Т.Черемнова, опубликовала «Запоздалый вальс Осени».

Вообще с этим рассказом-сказкой творилось что-то мистическое. Неизвестно кто выложил его в Интернете. Но кто бы то ни был, огромное ему спасибо, благодаря этому рассказу меня и находили.

Откроюсь, как рождался «Запоздалый вальс Осени». Я начала его писать еще в 1982 году, когда проживала в Прокопьевском ПНИ. Под мою диктовку Люська записала начало, а дальше он у меня не пошел. И сколько ни пыталась его продолжить, ну никак не шел. И только в 1999-м, уже в Новокузнецке, как-то раз села за машинку — и «Вальс» выплеснулся на одном дыхании. А в 2001-м его опубликовала новокузнецкая газета «Инвалид».

Я выслала номер «Страны и мы» с моей публикацией Заичке, и она отправилась с ним в редакцию этого только-только стартовавшего журнала, познакомилась с главным редактором Марал Мурадовой Казаковой, рассказала обо мне и порекомендовала мои другие литературные работы.

Освоение компьютера и продвижение в печать

У меня в жизни мало что было из электронной техники, а тут ноутбук получила. Как увидела его, чуть не рухнула в обморок и завывала:

— Батюшки святы, мне же его никогда не осилить!

И никто не собирался сидеть со мной часами и обучать меня работе на компьютере. Соцработник Людмила Григорьевна приходилась родной сестрой нашей директрисе, но в отличие от той, не была надменной и относилась ко мне уважительно. Она самолично получила посылку с ноутбуком, принесла мне, позвала своего мужа, тот подключил, и они ушли. На следующий раз она показала, как открывать документ и набирать текст, и снова ушла. И дальше я самостоятельно осваивала эту странную для меня машину, которой пока еще побаивалась. Я сидела до ломоты в голове за ноутбуком, зато недели через три уже начала кое в чем разбираться. Не обходилось и без поломок — беда всех начинающих юзеров. Сколько раз по неопытности я «запарывала» ноутбук, и мужу Людмилы Григорьевны приходилось его восстанавливать, хотя он вовсе не был обязан этого делать.

Добрые люди шли мне навстречу и активно помогали. Даже привлекли профессионального педагога — председатель соцзащиты Светлана Ивановна Стифанишина направила ко мне Ирину, которая обучала компьютерным навыкам детей в детском центре. Но беременная Ирина ко мне походила недолго, ее часто клали в больницу на сохранение. Она успела объяснить про диалоговые окна, да как происходит перенос слов. А все остальное время пыталась разобраться в моем ноутбуке — он был

уже устаревший марки, а она преподавала на современных машинах, поэтому не все могла понять. Персонал и обитатели дома-интерната, глядя на меня, гадали — смогу я освоить ноутбук или нет? Ведь у меня даже начальной школы не было. Но я все освоила.

Губернатор Аман Тулеев

Последняя треть 2004 года и первая 2005-го — нечто невообразимое. В мою жизнь будто привнесли ускорение. События развивались так стремительно, что я не успевала опомниться.

В сентябре 2004-го Заичка развила бурную деятельность. Переговорила с редакторами, с которыми успела подружиться: с Галиной Борисовной Рыбчинской (журнал «Защити меня!») и Марал Мурадовной Казаковой (журнал «Страна и мы»). Это я их так официально именую, а для Заички они уже были Галочка и Машенька. И они решили втроем обратиться к губернатору Кемеровской области Аману Гумировичу Тулееву.

Заичка составила официальное письмо, где перечислила мои публикации и заслуги, дала ссылки на интернет-сайты с моими произведениями и отзывами читателей на них, упомянула мою победу на литературном конкурсе и приз в виде ноутбука, который я осваиваю. Она пояснила, насколько мне нужен Интернет для дальнейшей литературной деятельности и настоятельно просила посодействовать. А также порекомендовала представить мои произведения Кузбасским областным издательским домам, выпускающим детскую литературу. Заичка согласовала письмо со своими Галочкой и Машенькой и за тремя подписями отправила его в Интернете на открытый сайт губернатора Тулеева. Аналогичное письмо было отправлено мэру г. Новокузнецка Сергею Дмитриевичу Мартину. Солидные письма, подписанные главредами двух столичных журналов и писательницей Ольгой Зайкиной, не остались без ответа.

Аман Гумирович Тулеев чуть ли на следующий день ответил Заичке письмом:

«Уважаемая Ольга Эдуардовна!

Искренне благодарен Вам и всем, кто принимает участие в судьбе Тамары Черемновой. Тамара Александровна — очень скромный человек, и хотя она не раз обращалась к нам в администрацию, ее просьбы касались других людей. Понимаю, какие возможности творческого и человеческого общения для Тамары Александровны открывает Интернет. Я дал поручение проработать техническую сторону подключения, вопрос будет решен в ближайшее время в рамках программы подготовки ко Дню инвалида.

С уважением, Аман Тулеев»

Я была потрясена — Аман Гумирович помнит меня!

Галина Борисовна Рыбчинская отправила мне *свои* деньги на покупку модема, чтобы я могла выйти в Интернет со своего призерского ноутбука. И она, и Марал Мурадовна Казакова подбодрили меня своими теплыми письмами ко мне и взяли мои сказки в гонорарную публикацию в своих журналах.

Я с изумлением взирала на все это, ошарашенная таким вниманием и заботой совершенно посторонних людей, и спрашивала саму себя: разве так бывает? Оказывается, бывает! Ну, казалось бы, какое дело двум столичным журналам до какой-то сибирской Черемновой, когда в самой Москве инвалидов пруд пруди и всем надо помогать? Мне тогда хотелось заорать:

— Люди, ущипните меня, чтобы я проснулась!

Наша соцработник Людмила Сергеевна, получавшая на почте денежный перевод Галины Борисовны, удивленно спросила:

— С чего это они тебя деньгами завалили?

Да уж, все это на первый взгляд выглядело странновато — ведь у нас в Новокузнецке тоже периодически отмечали инвалидов, но только не меня, не в обиду местным властям будь сказано. Людмиле Сергеевне я пояснила, что это деньги на модем к моему компьютеру, чтобы я могла самостоятельно общаться со своими издателями и читателями. А про себя подумала, что и здесь распорядился Всевышний. После долгой несчастной жизни такой ворох радостей мог послать только Он!

Губернатор Аман Гумирович Тулеев не только откликнулся на письмо, касающееся меня, но и сразу отдал распоряжение в отношении моих произведений Департаменту культуры и национальной политики Кемеровской области. Там назначили ответственного — Григория Шинкаренко, он связался с Зайкиной, та выслала ему мои произведения, что к тому времени имелись в электронном виде, их прочитали, обсудили, одобрили и решили издать повесть «Про рыжую Таюшку» книгой.

А в наш дом-интернат из Кемерово пришел приказ обследовать мой ноутбук — пригоден ли он для подключения к интернету? Людмила Григорьевна детально осмотрела ноутбук и вынесла вердикт, что он слабоват для Интернета, все будет грузиться и скачиваться слишком медленно. И тогда Аман Гумирович распорядился выделить деньги на покупку нового ноутбука. Надо отдать должное его доброте, он многим инвалидам помогает.

Книга «Про рыжую Таюшку» вышла из печати весной 2005 года. Замечательное издание — в твердом переплете, с цветными иллюстрациями и веселой картинкой на обложке: смеющаяся рыжая девочка держит на плече рыжего котенка.

Презентация «Таюшки» проходила в детской библиотеке. Для меня поначалу все было, как в тумане, сидела в коляске, оглоушенная происходящим, ничего не соображая. И такая большая детская аудитория, столько пар пытливых глазенок смотрят на меня! Я и предположить не могла, что так тяжело быть виновницей торжества. Потом, когда наша интернатская библиотекарь, ведущая презентацию, рассказала про мою книгу, когда дети полистали ее, начали задавать вопросы, я вышла из тумана и включилась в действительность: отвечала, поясняла.

Потом Лена Медведева, специально приехавшая на мою презентацию, везла меня по улицам нашего района, от библиотеки до нашего дома-интерната. И я уже гордилась собой и видела себя как бы со стороны — в элегантном светлом костюме, специально приобретенном к презентации, красиво причесанная и подкрашенная по настоянию моих подруг. Ярко светило солнышко, а прохожие оборачивались, доброжелательно улыбались. Я никогда этого чувства не забуду — чувства немного усталого человека, сделавшего большое дело.

Появление «Таюшки» было освещено в газете «Ильинское время», меня показали на местном телевидении, а позже в альманахе «Московский Парнас» вышла аналитическая статья «Волшебные сказы Тамары Черемновой».

И я не предполагала, что пройдет совсем немного времени и состоится моя вторая презентация — альманаха «Либтаун». А через два года выйдет еще одна моя книга — «Шел по осени щенок».

Интернет и новые знакомства

Ноутбук, купленный на деньги, выделенные губернатором, пришлось осваивать по большей части самостоятельно. Нелегкое это занятие — новая машина значительно отличалась от старой, другое поколение ноутбуков. Кое в чем разобраться мне помогли мастера-мужчины, приходившие подключать и наладивать ноутбук — Сергей и Максим. Они толково объясняли и терпеливо отвечали на мои вопросы, низкий поклон им за это.

А вот с установкой Интернета на мой ноутбук не все пошло гладко. Приказ Тулеева провести Интернет заблокировала директриса нашего дома-интерната. Однажды утром ко мне в комнату зашел наш главврач и признался:

— Меня сейчас директор заставила написать справку, что у тебя нарушена координация движений, и что ты не сможешь пользоваться Интернетом. Эту справку уже передали в местный департамент. Только ты не говори ей, что это я тебе передал!

— А если она в следующий раз прикажет вам расстрелять меня? Вы тоже это сделаете? — спросила я в упор.

— Но если бы я отказался написать эту справку, она бы выгнала меня с работы... — замямлил он. Мне его в тот момент стало жаль, передо мной мялся жалкий безвольный человек. — Ты не скажешь ей? — допытывался он, не отходя от моей койки.

— Не волнуйтесь, не скажу, — пообещала я.

Я понимала, почему директриса так противилась моему Интернету. Вдруг я начну строчить и рассылать жалобы на ее не законные деяния и на заведенные ею жесткие порядки? Ведь по Интернету куда легче переписываться, нежели по обычной почте.

В тот момент безумно захотелось поехать в директорский кабинет и молча посмотреть ей в глаза: выдержит ли она мой пристальный взгляд? А потом сказать:

— Если появится нужда написать на вас жалобу, я найду способ и без Интернета это сделать!

Ей ли не знать этого? Конечно же, я не поехала — сдержала обещание, данное главврачу. Затея с установкой Интернета на моем ноутбуке заглохла. Но я купила мобильный телефон и выходила в Интернет через него — только пользовалась электронной почтой, скакать по сайтам обходилось дорого.

Я не зря штудировала пособия по психологии — благодаря им и своим наблюдениям неплохо разбираюсь в характерах людей. Мне частенько встречались люди с таким складом характера, как у директрисы. Такой человек лишь с виду храбр, но если его в упор спросить о чем-то щекотливом — он не выдерживает.

И такой случай представился — надо было обговорить презентацию только что вышедшего сборника «Либтаун» — туда вошли шесть моих сказок под общим названием «Парк заблудившегося детства». Отлично изданная книга, твердый переплет, хорошая бумага, печать высокого качества. И другие авторы сборника интересные. Сборник «Либтаун» вышел на Украине, в Одессе. Моя первая публикация за рубежом! Когда его доставили в интернат в конце 2005 года, все мои друзья, полистав и почитав, единодушно решили, что такое событие непременно нужно отметить. И я поехала к директрисе в кабинет — обговорить время и детали презентации.

Против презентаций директриса не возражала, мои литературные успехи ей льстили — ведь обитательница *ее* дома-интерната пишет книги. После обсуждения презентации я как бы ненароком, спокойно, даже чуточку равнодушным тоном спросила:

— А почему вы против проведения мне городского телефона для связи по модему с Интернетом? Это же распоряжение Тулеева.

Она вскинула на меня глаза и скороговоркой выпалила:

— За свой счет — пожалуйста! За свой счет хоть четыре телефона себе ставь!

— Зачем же четыре, мне и одного хватит, — усмехнулась я и покатила к себе в комнату, внутренне поздравляя себя с победой. Разрешили провести телефон в мою комнату за мой счет — и то хлеб. Теперь надо подумать, где взять денег на это.

Директриса, надо отдать ей должное, была человеком последовательным, раз уж дала слово, то исполняла. Она заставила библиотечаршу отвезти мое заявление об установке телефона в моей комнате на телефонный узел. Телефон провели в кредит. У меня имелись кое-какие сбережения — откладывала получаемую на руки часть пенсии плюс гонорары за публикации, да еще заняла полторы тысячи.

А директрисе я даже благодарна и за проволочку с Интернетом, и за прочие несправедливости в наших отношениях — своей жестокостью она формировала во мне способность к сопротивлению. И не только она, еще со времен Бачатского детдома и Прокопьевского ПНИ я ценила не только добрых людей, но и недобрых — потому что благодаря им закаляла характер и училась самостоятельно искать решения проблем. А для физически неполноценного человека очень важно выработать в себе это драгоценное качество — претерпевать и преодолевать.

Со временем я начала сама выкладывать на разные сайты свои сказки и заметки. Взрослые читатели писали мне отзывы, заботливо подбрасывали темы, трогательно давали советы. И окрестили «сибирской сказочницей». А один географически подкованный читатель уточнил — «западносибирская сказочница». Высокое звание!

С Интернетом время будто ускорило свой ход, оно уже не шло, не текло, а летело, несло вскачь. Я паслась на просторах Интернета, находя все новые и новые уголки и тематики, и недоумевала, как же я раньше-то без него жила?

Помимо новых знакомств и бесед с читателями я стала искать адреса правозащитников. Да-да, неугомонная Черемнова опять затеяла борьбу за свою «чистую» историю болезни. Разве бесконечное навязывание диагноза, которого у меня нет и упоминание которого так портит мне жизнь, это не нарушение прав человека?

В медицинские инстанции разного уровня я обращалась неоднократно и безрезультатно, даже написала безответное письмо тогдашнему министру здравоохранения и социального развития М.Ю.Зурабову.

В 2006 году попыталась связаться с Савенко. Юрий Сергеевич Савенко — известный российский психиатр и правозащитник, связан с Советом по правам человека, участник многих громких экспертиз, у него свой особый подход к психическим расстройствам и широкая социальная и историко-культурная направленность. Я нашла номера телефонов Савенко, его электронный адрес, но ни то, ни другое уже не работало, видимо, в Интернете были устаревшие координаты.

Но если я уперлась в какую-то тему, то не отстану, пока не разберусь и не добьюсь ясности. Я щелкала на все ссылки, где упоминалось о правах человека. Даже президенту Путину отправила письмо во время его прямого общения с гражданами по телеэфиру. Но мне приходили лишь сухие отписки, общие слова, обтекаемые фразы, никакой конкретики. Допускаю, что моего письма господин Путин и в глаза не видел, ведь ему вся страна жалуется, а он один. Но как же его обширная администрация? Наверняка там есть те, кто ведет почтовый раздел такого рода.

Одухотворение

В 2007 году я получила приглашение в детский журнал «Сибиренок», издаваемый в городе Красноярске. Пригласила меня добровольная распространительница этого журнала по имени Валентина. Так как журнал посвящен деткам первых лет жизни, я долго отказывалась — всё-таки пишу для детей постарше и для взрослых. Говорила Валентине, что я не Корней Чуковский, столь блестяще написавший «От двух до пяти», что у меня не получится. Для малышей надо писать особенно ответственно, и лучше это делать людям, которые общаются с ними ежедневно, а не только наблюдают их на улице.

Валентина уговаривала меня попробовать и убеждала, что раз я пишу для маленьких, то смогу и для самых маленьких. Под ее напором я согласилась, и первые рассказы для самых маленьких писала предметно. У Заички уже рос внук Тёмочка, вот он-то и стал и героем, и читателем моих произведений от двух до четырех.

Сказки понравились издателю, и мне предложили постоянную внештатную работу. К сожалению, это счастье длилось недолго — через полгода в «Сибиренке» сменилось руководство, и мне отказали. Господи, какая же стандартная ситуация — новая метла выметает старых авторов! Однако в «Сибиренке» опубликовали пять моих уже принятых сказок и рассказиков. И не теряю надежды, что меня когда-нибудь опять пригласят работать в детский журнал.

В том же 2007-м я познакомилась с редактором сайта «Стоик» Екатериной Алексеевой. Я приняла участие в интернет-полемике на тему культуры в современном мире, и она предложила мне написать публицистическую статью.

Немного боязно — одно дело вольные дискуссии в Интернете, другое дело статья для сайта. Но Катя так толково составила вопросы, что из моих ответов сложилась статья, которую я назвала «И жизнь, и слезы, и культура». Послала ее Заичке, та чуток подредактировала, расхвалила меня до небес и завершила, что публицистика — это тоже мое.

Статья и вправду оказалась еще одной победой. Ее выложили в интернет-журнале, растиражировали по сайтам, а через год напечатали в журнале «Луч Фомальгаута». «Луч Фомальгаута» — это журнал культурно-творческой интеллигенции инвалидов, издается в Москве Центром социокультурной анимации «Одухотворение», а члены редколлегии живут в разных местах России.

С сотрудниками «Одухотворения» у меня завязались теплые отношения, я будто перешагнула еще один порог, вошла в еще одну дверь, а за ней — широкий яркий мир, о существовании которого я в своей серой рутине и не подозревала. И началась новая полоса везения.

После знакомства и общения с «Одухотворением» ужасно захотелось привнести в нашу жизнь что-то очень-очень доброе, теплое и необычное. И я решила написать добрую сказку, которая могла бы заинтересовать и пронять не только ребенка, но и взрослого.

Так родилась повесть-сказка «Шел по осени щенок», через которую я пожелала людям обрести свой дом и уют. Чтобы каждый нашел *свой* дом и обрел *свой* комфорт. Заичка традиционно подредактировала «Щенка» и была польщена — в героях я вывела и ее с внуком: бабушка с коляской, из которой малыш Тёмочка созерцает мир.

Редколлегии «Одухотворения» моя повесть-сказка понравилась, и в конце того же, благословенного для меня 2007 года, вышла моя новая книга, в которую вошли две повести — «Шел по осени щенок» и «Про рыжую Таюшку». Да-да, «Таюшка» настолько нравилась читателям, что в «Одухотворении», узнав, что я не подписывала договора с издательством и не продавала авторских прав, решили издать ее повторно. Изумительная цветная обложка, щенок на фоне рыжей осени, забавные черно-белые иллюстрации — по ним можно мультфильм делать. Книга получила правильное распространение — она не поступила в продажу, а весь тираж распределили по детдомам и интернатам.

Маша Арбатова

Однажды вечером всё в том же плодотворном 2007 году я поудобнее расположилась на кровати в ожидании начала любимой телевизионной передачи «Пусть говорят». Мне нравится, как Андрей Малахов предоставляет публике возможность обсудить то или иное значимое событие.

Обычно я эту передачу смотрю, стоя в ходунках, и таким образом одновременно убиваю двух зайцев — разминаю затекшие после сидения за ноутбуком мышцы и участвую в передаче, ведь зритель тоже в какой-то степени участник. А в тот вечер я поленилась встать в ходунки и устала в телевизор, лежа на кровати. Расслабилась...

Прошла заставка программы, и Андрей Малахов стал представлять гостей в студии:

— Сегодня у нас в гостях писательница и общественная деятельница Мария Ивановна Арбатова!

И я увидела милостивую женщину, которая чуть заметно кивнула головой присутствующим в телестудии и телезрителям. И ее доброжелательный кивок, относящийся к миллионам россиян, я восприняла как относящийся и ко мне лично.

От моего расслабления не осталось и следа. Это же Мария Арбатова, которую я читала и про которую так много слышала! Я как ужаленная подскочила на кровати, забыв про передачу, и уже через две минуты сидела в Интернете и набирала в поисковике «Официальный сайт Марии Арбатовой». Ссылка быстро открылась, я зарегистрировалась и вошла на форум в рубрику «Здравствуйте, все». И поведала Марии Арбатовой и форумчанам свою анекдотическую горькую историю, что меня признали как писателя, что уже второе десятилетие издают мои рассказы и книги, а на мне по-прежнему висит неправильно поставленный диагноз «олигофрения в стадии дебильности», и никто эту проклятую «олигофрению» не может убрать из моей истории болезни.

Мария Арбатова и посетители сайта сразу откликнулись. На следующий день в мой электронный ящик свалилось более трехсот писем. «И как же я их разгребу? Сколько времени потребуется, чтобы всем ответить?» — в отчаянии думала я, прокручивая список корреспонденции. Потом разобралась и выяснила, что можно отвечать всем сразу прямо на сайте. Мария предложила, чтобы за моей историей могли наблюдать все, кто посещает ее сайт. Одна голова хорошо, а много голов лучше. Я, конечно, не была против: чем больше людей знает о таких историях, тем легче будет не допускать подобного. Я же не одна такая, кому с ходу, с лету, не глядя, ляпнули диагноз «олигофрения» и тем самым исковеркали всю жизнь. И мы решили бороться не только за меня, но и за других людей, пострадавших аналогичным образом.

Обстановка на сайте была дружеской, теплой, домашней, а Марию Арбатову все называли просто Машей. Маша принялась хлопотать о снятии моего неверного диагноза. Сначала пыталась дозвониться до господина Савенко, но никто не брал трубку. Чуть ли не целый день «провисела» на телефоне, но так и не дозвонилась. Электронный адрес Савенко тоже не работал. В общем, все интернет-сведения о нем были уже устаревшими, а новые никому не известны.

Тогда Маша правильно составила письмо Президенту, и государственная машина заработала — меня вновь приехала обследовать комиссия. И кто бы мог подумать, что в составе комиссии будет бывший главный заведующий Прокопьевской психиатрической больницы Геннадий Павлович Ширяев? В предыдущих главах я не упоминала его, так как видела лишь единожды, да и то мельком. Однако запомнила. Только тогда это был черноволосый молодой мужчина, а тут предо мной предстал седовласый человек. Геннадий Павлович приветливо спросил:

— Тамара! Меня зовут Геннадий Павлович Ширяев. Вы меня помните?

— Да, конечно, вы были главврачом в Прокопьевской психиатрической больнице. Мне приятно, что вы меня запомнили, — с улыбкой ответила я. Надо же, какая у него профессиональная память!

Я показала членам комиссии свою книгу «Про рыжую Таюшку», сообщила, что освоила ноутбук и прогуливаюсь по Интернету, что публикуюсь в журналах и газетах. И попросила — нет, уже потребовала! — чтобы диагноз «олигофрения» вообще убрали из моей истории болезни, чтобы его там не было. Нигде, ни на одной странице!

И только тогда, через столько лет, мне завели новую историю болезни, куда вошли лишь новые записи. Долгожданная выстраданная победа! Весь сайт Марии Арбатовой поздравлял меня и радовался тому, что восторжествовала справедливость.

Зато господин Г.Л.Устьянцев, заместитель главного врача Кемеровской областной клинической психиатрической больницы (я уже писала о нем), прислал в дом-интернат злущее, путаное, противоречивое письмо. Мне его вручила директриса, воздержавшись от комментариев.

Вот несколько абзацев этого письма.

"Медицинская документация системы здравоохранения относительно раннего периода развития Черемновой Тамары Александровны, род. 06.08.1955, до 1962 года отсутствует." Неверно указанная дата моего рождения — 06.08 вместо 06.12 — это ладно, ошибка-опечатка. Но как же с моим существованием до 1962 года? Меня что, в это время вообще не было в СССР? И в природе не существовало?

Продолжаю цитировать: *"Согласно данным истории болезни «Чугунашского детского дома инвалидов...".* Господин Устьянцев, Вы уверены, что именно там я находилась? Довожу до Вашего сведения, что я проживала в Бачатском доме инвалидов, а запись о Чугунашском закрылась по ошибке пишущей медсестры.

"Мы не располагаем медицинской документацией: кем и когда был поставлен этот диагноз, с которым она поступила в Чугунашский детский дом инвалидов. История болезни располагает заключением психиатра Кемеровской областной психоневрологической больницы от 1962 года, в котором значится: «в 7 лет Черемнова Тамара, 1955 г.р., страдает органическим поражением ЦНС, спастическим тетрапарезом, олигофренией в стадии дебильности. Девочка не может самостоятельно передвигаться и обслуживать себя. Нуждается в постороннем уходе. Может находиться в доме инвалидов для умственно отсталых детей".

Далее убийственная фраза:

"Как следует из упомянутой истории болезни, в 1974 г., в 19 лет, Черемнова Тамара уже не обнаруживала столь выраженного интеллектуального недоразвития — сама научилась читать, правильно объяснять переносный смысл пословиц и поговорок, поведение спокойное." Это что — самостийное исцеление дебила? Увы, такого не бывает: олигофрения неизлечима, олигофрена можно адаптировать, «подтянуть», чему-то научить, но олигофрения все равно останется с ним навеки. И если «поведение спокойное», то почему ж меня столько лет продержали в ПНИ, не рискуя перевести в обычный дом инвалидов, да еще периодически помещали среди буйных?

"Написание таких писем для Черемновой Т.А. является самоцелью. Оно продиктовано кверулянтскими мотивами, мотивом доказать свою состоятельность, привлечь внимание к своей особе, добиться уступок, что в свою очередь повлечет новые жалобы и претензии."

"Относительно диагноза «олигофрения», который ей был поставлен в шестилетнем возрасте. Не располагая медицинской документацией, можно предположить, что в тот период она обнаруживала отставание в интеллектуальном развитии. Научившись сама читать в подростковом возрасте, она обнаружила достаточные интеллектуальные возможности. Вместе с тем грубая органическая патология головного мозга привела к формированию характерных личностных особенностей в форме эгоцентризма и ригидности".

Психиатрический термин «кверулянтские мотивы» означает сутяжничество, патологическое желание больного затевать тяжбы и разборки. А фраза про присущие мне кверулянтские мотивы полностью переписана из пособия по психиатрии. Что касается якобы присущих мне эгоцентризма и ригидности, то эти термины после их разъяснения вызвали у моих друзей бурное негодование:

— Это ты-то эгоистична? Да ты вечно за всех заступаешься и этим наживаешь себе неприятности! Это ты-то неспособна поставить себя на место другого человека? Да ты только тем и занимаешься, что влезает в шкуры других и пытаешься понять и помочь! Это ты-то ригидна — не способна менять свои представления? Да быстрее тебя никто не перестраивается! А уж с какой скоростью ты настроилась на новые технологии: компьютер, интернет, скайп...

Представляю на суд читателей письмо господина Устьянцева лишь за тем, чтобы показать: какую медицински-документированную жизнь я прожила, и где была правда, а где ложь.

Отравленная стрела Устьянцева, пущенная напоследок после официального снятия лже-диагноза «олигофрения», таки достигла цели — меня вновь стали одолевать страхи и неуверенность. Но уже было кому помочь.

В 2008 году ко мне начала ходить психолог Ирина Юрьевна Курбатова. И стала моим персональным психологом. Ирина Юрьевна научила меня владеть собой в разных ситуациях, умению *видеть* других людей и их характеры, обучила приемам релаксации, помогла избавиться от страхов и обрести душевный покой. И теперь я радуюсь каждому дню — даже самому простому, ничем не примечательному — и молю Господа, чтобы этих дней было как можно больше...

Не такие, как другие

Еще в юности я пыталась найти ответ, почему ко мне так относятся окружающие? Я же ничего дурного не делаю и лишний раз стараюсь не беспокоить. Тогда ответ так и не сыскался. Но сегодня он известен и донельзя прост — я не такая как другие, моя

необычная для других людей, мимика и моторика движений отталкивает, а косоглазие усугубляет неприятное впечатление. Большинство людей в России почему-то брезгливо смотрит на ползающего и не могущего контролировать свои движения человека.

Вот пример. В декабре 2009 года я лежала в 29-й Городской больнице г. Новокузнецка, в неврологическом отделении. И мне надо было пройти флюорографию. Помощница Ольга подвезла меня к дверям кабинета. Медсестра, принимавшая больных, закатила глаза и издала удивленное «о-о-о-о». Я промолчала. Меня перетащили на каталку, подкатали под рентгеновский аппарат. От необычных ощущений меня задергало.

— И зачем сюда *таких* везут? — громогласно возмутилась дежурная медсестра. — Ну вот как ей сделаешь снимки? Позовите врача, кто ее сюда направил!

Наступила неловкая пауза, и я, доселе молчавшая «в тряпочку», вдруг осмелела:

— А вы возьмите и расстреляйте меня! Меня не будет — и проблема исчезнет. Нет человека — нет проблемы. Чего же вы молчите?

— Не знаю... — смешалась она и дернула плечом.

— Я, между прочим, писательница, пишу книжки для детей, — отрекомендовалась я ей.

— Слышь, что она говорит? — обратилась она к своей напарнице, придя в себя. Та вопросительно подняла голову. — Говорит, что детская писательница! — И, скривив рот в недоверчивой улыбке, покрутила пальцем у виска.

Точно такой же случай в Новокузнецком ортопедическом центре. Психолог величественно восседала в своем врачебном кресле и в открытую насмеялась над моими мыслительными способностями. И никто из присутствующих ее не оборвал, и никому до этого не было дела.

Так в России относятся к людям с физическими недостатками. Факта того, что они «не такие, как другие», достаточно для их неприятия как равных. В России пока ещё не привита культура общения с инвалидами и понимания того, что инвалид — внутри такой же ЧЕЛОВЕК.

Не спорю, трудно обходиться с больным, да еще страдающим сложным заболеванием, с серьезными двигательными и речевыми нарушениями. Как у меня, например: ноги не ходят, руки не подчиняются, речь хоть и разборчивая, но может прерываться спастикой.

Так давайте же вместе придумывать разные приспособления, чтобы инвалидам легче жилось, и чтобы у вас, здоровых было с нами меньше проблем. А то, когда я попадаю в наши больницы, складывается впечатление, что с таким заболеванием ДЦП здесь больше никого и никогда здесь не бывает. Неужели из всех ДЦПшников (кстати, их по России зарегистрировано около миллиона) лишь я одна пользуюсь законным правом подкрепить свое драгоценное здоровычко?

И подобные эмоции испытывает множество инвалидов потому, что российские больницы и поликлиники в большинстве своем совершенно не приспособлены не только для инвалидов-колясочников, но даже для передвигающихся на костылях.

Вступление в Союз Писателей

Я не знала далеко идущих планов Маши Арбатовой насчет меня. Однажды в 2008-м она вдруг предложила мне вступить в Союз Писателей. Вот здесь слово «вдруг»,

которым злоупотребляют авторы и которое вымарывают редакторы, уместно и как нельзя кстати.

Меня — в Союз Писателей? Разве такое в принципе возможно? Я вообще никогда не была уверена, ни на заре моей писательской деятельности, ни даже после выхода ряда моих книг, что имею право именоваться писателем или литератором. Не была уверена в своих талантах и к тому же не имела не только высшего литературного образования, но даже школьного. И предпочитала скромное нейтральное слово «автор». А уж членом такой организации как Союз Писателей не могла представить себя даже в заоблачных мечтах. Ведь писатель должен встречаться со своими читателями, отвечать на их вопросы. А я боялась посторонних людей и была стопроцентно уверена, что облик человека значит очень-очень много, а для первого знакомства — почти все.

Слава Богу, я ошибалась в своих представлениях о мире. В этом 2008-м мне устроили творческий вечер в Новокузнецком отделении Союза Писателей. И ни у кого из присутствующих я не увидела выражения лица «она такая... в коляске». Наоборот — столько доброжелательности!

Но все же я изо всех сил отнекивалась от предложения вступить в Союз Писателей:

— Машенька! Ну куда мне с моим кривым рылом да в калашный ряд? Да меня и не пропустят...

— В Союз Писателей принимают не за красивые глазки, а за талант, — ответила Маша. — И изданных книг у вас больше, чем достаточно для вступления.

Я сдалась и приступила к сбору необходимых документов. Написала свою краткую биографию, собрала рецензии, составила список публикаций. Над последним пришлось покорпеть — список, даже неполный, оказался немалым. А я все жаловалась, что меня не печатают!

Рекомендации для вступления в Союз Писателей кроме Марии Арбатовой мне написали московские писатели Татьяна Набатникова и Геннадий Иванов.

И вот, в декабре 2009 года, когда мои тексты и рекомендации прошли приёмную комиссию Союза Писателей и прочие инстанции, мне торжественно вручили членский билет Союза Писателей России. По сей день не верю, что это все происходило со мной. Как волшебный сон!

Волшебный сон продолжился. Через год, в декабре 2010-го, я получила губернаторскую медаль «За веру и добро» и внушительную денежную премию.

А в честь моего 55-летия в Новокузнецком отделении Союза писателей устроили мой творческий вечер. Я боязливо отнеслась к этому. Пока меня везли на машине в городское литературное кафе, где состоялся юбилейный вечер, терзала себя вопросами. Как на меня посмотрят? Как примут? О чем будут спрашивать? Не вызову ли насмешки? Напрасно я мучилась излюбленным вопросом «как на меня будут смотреть?». Для этих людей из Союза Писателей я была просто ЧЕЛОВЕКОМ, пусть не совсем таким, как они, но ЧЕЛОВЕКОМ. Атмосфера была доброй и немного сочувственной, я ощущала себя «серой шейкой», которую все жалеют. Однако видела, что при этом меня воспринимают как профессионала и коллегу.

В 2009 году стартовал научно-практический журнал «Жизнь с ДЦП». Проблемы и решения» — предназначенный для нас, ДЦПшников, и для тех, кто с нами работает. Журнал имел сайт в Интернете, и я незамедлительно связалась с редакцией. Одним из ценнейших моментов в журнале и на сайте оказались ответы на конкретные вопросы и подробные консультации. Замглавреда Людмила Никитична Молчанова подробно

объяснила мне, как добиться получения путевки в санаторий. Путевку я просила уже много лет, но мне неизменно отказывали, мотивируя нехваткой мест, сложностью обслуживания и сопровождения, отсутствием необходимости в санаторном лечении и прочими чиновничьими отговорками.

Консультации Молчановой оказались действенными, я составила правильное письмо в правильные инстанции, и летом 2009-го мне выделили две путевки (вторую для сопровождающего лица) в комфортабельный санаторий «Шахтер», расположенный в природном Зенковском парке. Я взяла с собой Леночку Медведеву, и мы замечательно отдохнули и подлечились.

А по возвращении из санатория узнала от Заички, что главный редактор журнала «Жизнь с ДЦП», известная на весь мир специалист по ДЦП, профессор Ксения Александровна Семенова, прочитала мои повести «Щенок» и «Таюшка» и просила передать мне свое восхищение и пожелание писать для детей дальше.

Благодаря всем этим доброжелательным и понимающим людям я почувствовала, как внутри меня тают многолетние сугробы, и поверила, что меня можно любить... А ведь это так важно для любого человека: юного, зрелого, престарелого, больного, здорового, неудачливого, преуспевающего. Людская любовь нужна всем.

Пишу автобиографическую книгу

У Маши на сайте и в блоге Живого Журнала тусовалась супружеская пара писателей — Леонид Жаров и Светлана Ермакова из Тюменской области. Они принимали большое участие во мне и как-то раз завели с Машей по интернету разговор о том, что хорошо бы я написала книгу о своей жизни. Уж очень она у меня жизнь необычная, и рассказ о ней многим будет и интересен, и полезен. Маша горячо поддержала.

Под их общим напором пришлось засесть за воспоминания. Сначала вдохновенно описывала свое раннее детство, ведь я жила дома, в полной семье из трех поколений — родители, тетки, баба с дедом, и все было так хорошо. Я ничуть не напрягалась, строки рождались сами, ловко сплетались в фразы, и повествование летело... Я посылала свои воспоминания Заичке и выкладывала в Интернете на сайте Марии Арбатовой.

Но дойдя до осени 1962 года, когда меня, неполных семи лет, стали оформлять в детдом, резко остановилась. Встала как вкопанная в испуге, что не смогу описать всего, что пережила. Не хотелось этого ни вспоминать, ни записывать! От некоторых воспоминаний просто начинала болеть...

Я тихонечко «сдала позиции» и отложила работу над этой книгой. А чтобы как-то оправдаться перед Машей, супругами Жаровыми, Заичкой и перед собой, по желанию читателей «Таюшки» продолжила сказку про ведьмочку Шишу.

Но как только «Шиша» была завершена, Маша вновь поинтересовалась, как продвигается работа? И упорно задавала этот вопрос в каждом электронном письме. Оставлять вопросы без ответа было неудобно, и пришлось снова засесть за автобиографическую книгу. Как же я благодарна Маше за этот прессинг!

Так как я писала книгу «по-современному», то есть отсылая постоянным читателям по главам и выкладывая части в Интернете, приходилось попутно отвечать на читательские вопросы и давать уточнения. Обилие вопросов меня обрадовало — значит,

интересно пишу. И я с удовольствием отвечала на них — пусть люди знают и другую сторону жизни, разительно отличающуюся от их собственной.

Ине говорили, что книга, хоть и описывает невеселые события, написана с юмором. Правда, один из читателей охарактеризовал это как «юмор висельника». Ну что ж, пусть так, тем более что виселицы мне все же удалось избежать.

Детский поэт Андрей Цыпляев из города Новомичуринска настоял, чтобы мои автобиографические главы читали не только взрослые, но подростки и старшеклассники. Одна из старшеклассниц дала почитать «детдомовскую» часть моей повести своей десятилетней сестренке. Та читала, плакала, потом заявила:

— Надо послать Тамаре килограмм копченого сала и банку соленых огурцов. Злобные жадины пожалели для маленькой несчастной Тамарки ломтик сала и кружочек огурца!

Девчушку еле успокоили, заверив, что Тамара давно выросла и стала писательницей, а сало и огурцы продаются по всей России.

Задолго до завершения работы над автобиографической книгой я получила предложение от журнала «Дитя человеческое» опубликовать в нескольких номерах часть про Бачатский детдом, а журнал «Защити ребенка!» взял в публикацию главы про мое раннее детство. Я так рада!

А 29 декабря 2010 года мне вручили Сертификат номинанта международной премии «Филантроп» вкупе с денежной премией.

И 2011 год начался замечательно — три моих сказки взяли в «Антологию современной детской прозы», издаваемую Академией российской литературы и литагентством «Московский Парнас», а моя повесть о двух нескладных подростках «Февральская греза» вошла в сборник прозы «Вечерами у балкона», который готовит детская писательница и издатель Ева Златогорова.

Вместо послесловия

Когда я решила засесть за эту книгу, то с ужасом думала: о чем смогу рассказать читателям? Я же большую часть жизни провела взаперти в четырех стенах, причем в ужасных бытовых условиях и фактически при тюремном режиме. Ну что интересного такой человек может написать? Разве только то, что мой жизненный опыт состоял из ограничений и борьбы против них. Что я была случайно ограничена судьбой физически, и специально ограничена людьми материально, морально, душевно. Что даже, несмотря на вот такую постоянную зависимость от окружающих, без которых не могла поесть, попить, написать хоть пару строк, смогла многого добиться в жизни.

И хочу сказать вам, дорогие читатели, то, что выстрадала на своем горьком опыте. Никогда не отчаивайтесь — не бывает безвыходных ситуаций. В любой безвыходной ситуации есть незаметная маленькая дверца, которую просто надо хорошенько поискать. Не ленитесь, попросите Бога помочь вам, и начинайте. Начинайте с нуля, и у вас все получится. Стоит лишь начать...

Прочитав эту книгу, многие, наверное, ужаснулись и подумали: я бы не смог, родившись уродливой калеккой, прожить такую убогую жизнь до глубокой старости! Да, иногда мучительно больно от того, что у тебя нет в этой жизни многого, что есть у других. Я тоже хотела бы иметь семью, быть любимой. Не дай Бог вам изведать, что

такое вынужденное одиночество, когда внутри тебя обычная женщина! У меня тоже, так же, как и у всех, может щемить о ком-то сердце...

Ах, как же не хочется выделяться среди других своим кошмарным физическим состоянием! Ах, как же хочется встать и пробежаться босыми ногами по земле, по траве, особенно летним вечером, когда земля с травой теплые, мягкие, нежные. И как хочется хоть на часок, хоть на полчаса, хоть на десять минут почувствовать себя легкой и красивой!

Но я, как и любой из нас, пришла на эту землю со своей миссией — показать, что и в таком плачевном положении можно жить достойно и преодолеть всё. И, наверное, сколько душа выстрадает на этом свете, столько она и получит потом. Душа даётся Богом как материал, который человек совершенствует самостоятельно, и иногда на это не хватает одной жизни.

Дописав эту книгу, я будто прожила жизнь заново. С болью и кровью, но уже глядя со стороны, с анализом событий, с подведением итогов. И, поставив последнюю точку, могу сказать твердо и уверенно — жизнь удалась!

© Copyright: [Тамара Черемнова](#), 2012

Регистрационный номер №[0028185](#)

от 19 февраля 2012

Источник: <http://parnasse.ru/prose/large/tale/trava-probivshaja-asfalt.html>